



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

278975 e. 293



24.
.....
Indian Institute, Oxford.

THE MALAN LIBRARY

PRESENTED

BY THE REV. S. C. MALAN, D.D.,

VICAR OF BROADWINDSOR,

January, 1885.

ВЕЧЕРНІЕ ЧАСЫ,

или

**ДРЕВНІЯ
СКАЗКИ**

СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХЪ.

ЧАСТЬ III.



МОСКВА

**ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1788.**



СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

В Е Ч Е Р Ъ XXV.

Окончаніе Сказки о Доброгнѣѣ.

Остроулъ, недоумленный мудрою бѣлкою, пошелъ въ палаты съ намѣреніемъ воспользоваться ея совѣтомъ. Гдѣ вы пропадали? (сказала *Циклонда*, когда онъ вошелъ) Я находилась въ безпокойствѣ. Онъ извинился, какъ случилось; разговоръ сдѣлался общій, ошужинали, и вставая изъ за стола, волшебница сдѣлала знакъ, что она желаетъ остаться на единѣ. *Остроулъ* такъ же какъ и другіе пошелъ было; она удержала его. Я отослала всѣхъ только за тѣмъ (сказала она съ ласковостію), чтобъ свободнѣе разговаривать съ вами. Онъ отвѣтствовалъ на сію

Часть III. А 2 бла-

благосклонность почтительнымъ поцалуемъ руки ея. Ну! (продолжала волшебница) размышляяли вы о томъ, въ чемъ имѣла я слабость вамъ открыться? — Это столько для меня лестно, сударыня, (отвѣчалъ онъ) что я не могъ ни о чемъ другомъ думать. Я очень довольна таковымъ отвѣтомъ (сказала она), и позволяю вамъ засвидѣтельствовать ваше признаніе. Онъ осѣбился къ сей вольности, какъ бы человѣкъ чувствительной, сжалъ на колѣно, и далъ волшебницѣ подалуй довольно пламенной, чтобъ могла она увѣриться объ его страсти. Сей родъ признанія произвелъ огонь, оживившій *Остроиловы* взоры. *Циклонда* то примѣшила и была обольщена; словомъ сказать, *Остроилъ* совершилъ сіе перасе вступленіе какъ человѣкъ свѣтской, и такъ искусно, что волшебница не могла имѣть никакого подозрѣнія.

Надлежитъ прервать разговоры ихъ, которые очень трудно выразить и которые можетъ быть не слишкомъ забавны. Волшебницы нынѣ всему свѣту не извѣстны; ихъ рѣчи, образъ любовнаго обхожденія, средство, коимъ изображали онѣ страсть свою, имѣющъ характеръ столь необыкновенной, что начертаніе оныхъ весьма походить будетъ на дымъ воображительной силы: если бы взялся описать то общество, не взирая на свою прозорливость, подумаешь, что я задеваю подъ облака: между тѣмъ какъ бы я ни описывалъ
кромя

кромя естественности, хотя поистиннѣ
весьма странной, но справедливой. Довольно
будетъ упомянуть къ объясненію сей повѣ-
сти, что волшебница, надѣлавъ множество
обязательныхъ вопросовъ *Остроглу*, и не
выслушавъ его стѣговъ, позволила ему
иѣтъ честь препроводить ночь съ нею. По
опущеніи занавѣсовъ вся пышность волшеб-
ницына исчезла, дабы оставить свободное
мѣсто ея иѣжности. Непріятныя опыты,
которыя она уже извѣдала, дали ей разу-
мѣть объ обстоятельствахъ, и она дѣлала
чудеса. Но проклятые волосы изъ хвоста
Малушина не потеряли своей силы! Тщет-
но бодрствующій *Остроглъ* старался испра-
виться; онъ упадетъ изъ обморока въ об-
морокъ: непреоборимая преграда находилась ме-
жду нимъ и ея желаніями; его рвеніе, терпѣніе
волшебницыно, подавляемая ею помощь, были
слабы противу невидимаго препятствія. Все
сладостное состояло лишь въ томъ, что оба
они какъ бы нарочно заснули, и проспали до
утра. Пробудясь, разстались они по отпра-
вленію новаго покушенія, столькожъ неудачнаго.

Во весь послѣдовавшій день *Остроглъ*
старался напрягать всѣ силы своего разу-
ма, чтобы не показаться унывымъ; а
Циклонда безпрестанно бросала на него
страстные взоры, увѣряясь, что аскорѣ до-
стигнетъ иѣтны своего благополучія, и обна-
деживалась понятіемъ о своемъ могуществѣ,

надѣлала съ двѣсти глупостей, которыя могли бы открыть всѣмъ ея служителямъ о ея слабостяхъ; если бы оныя съ своей стороны не гордились тѣмъ, что могутъ во всемъ подражать ей. Ночь настала, сѣли ужинать, и *Остроилъ* вѣлъ почти столь же исправис, какъ и волшебница. Обстоятельство сіе замѣчено съ хорошей стороны; онъ получилъ привѣствія отъ всѣхъ вышнихъ и нижнихъ чиновниковъ *Циклондиныхъ*. Въ томъ вечерѣ не было балу, всѣ разошлись, и нетерпѣливая волшебница очутилась наконецъ въ объятіяхъ *Остроиловыхъ*. Но всѣ дни и всѣ ночи совершенно походили другъ на друга въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Волшебница разсуждала, и брала прибѣжище ко всѣмъ способамъ своего искусства; ничто не помогало. *Остроилъ* безпрестанно несчастливый, съ шаердымъ постоянствомъ и удивительною легкостію начиналъ шанцы, кои имѣлъ онъ честь проигрывать съ волшебницею; но ступилъ два, или три шага, ноги его столько отягощались и слабѣли, что не могъ онъ шронуться съ мѣста. Онъ возлагалъ свое несчастіе на *Циклонду*, которая, съ своей стороны бывъ увѣрена о дѣйствительности своихъ прелестей, обвиняла его единственно. Вышедъ наконецъ изъ терпѣливости къ сношенію далѣе личныхъ себѣ оскорбленій, рѣшилась удовлетворить себя, во что бы то ни

ни стало. Она изъ гордости къ своему достоянству заключила, что все можетъ учинить силою своего волшебства; въ семь намябреніи въ одно утро оставивъ свой замокъ, полетѣла въ гости къ Хаусту духу, старинному своему другу, въ остроуміи, глубокомъ свѣденіи и силѣ котораго уповала она найти какую нибудь помощь.

Хаустъ былъ духъ заслуженной, довольно пожившій въ свѣтѣ: и по тому весьма обо всемъ свѣдущій и искусившійся. Наскучивъ происками придворными, ошалога странными лицами, которыхъ онъ играша быль принужденъ, оставилъ свѣтской шумъ, и превращаясь въ крысу, проводилъ спокойно дни свои въ самой красивойшей жемчужной раковинѣ. Циклода для лучшаго приобрѣтенія его благосклонности, принесла ему въ рукѣ кусокъ сыру. Духъ сей, увидѣвъ ее, съ вѣжливостію приподнялъ хвостъ свой, и спрашивалъ, въ чемъ онъ можетъ быть ей полезенъ. Она рассказала ему подробно свое приключеніе, кромѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя въ основаніи не весьма выгодны казались для ея прелестей, и о которыхъ сочла она за нужное умолчать.

Я разумѣю вашу нужду (сказалъ духъ послѣ того, какъ она говорить перестала); вы имѣете причину, происхожденіе счесть довадное. Возможно ли! столько времени!

рше неестественно, Но между тѣмъ
 я думаю, что не въ тому причину —
 О! конечно (отвѣчала волшебница) не отъ
 меня зависѣло — Охъ! я не о томъ гово-
 рю, что не отъ васъ зависѣло, сказала духъ.
 Но никогда, говорите вы; вотъ, что чуд-
 но! Я чрезвычайно знаю въ таковыхъ
 случаяхъ, и не рѣдко удавалось мнѣ помо-
 гать. Упсваю, что вы слышались доволь-
 но отъ нашихъ шэрыхъ волшебницъ, я бы-
 валъ духъ щастливой. Но что вы думаете?
 желя не слушивались, думали безъ меня
 обойтись. Чпожь слѣдовало? Всегда до
 меня доходило. Я находился тогда подъ
 иманемъ духа свѣтскаго, то есть должно
 признаюсь, что былъ гораздо другихъ смѣ-
 шнѣ. Это считалось тогда за превосход-
 ство; всѣ женщины хохотали, и всѣ мо-
 лодчики двора *Обрадина* мнѣ подражали,
 перенимали мои пѣсенки, и не казались люб-
 ви достойными, естли не старались подо-
 биться мнѣ. Я довольно имѣлъ остроуы,
 чтообъ не чувствовать ихъ и моихъ собствен-
 ныхъ глупостей; но я разумѣлъ по крайней
 мѣрѣ, что благоразуміе при дворѣ состоишь въ
 шсмѣ, чтообъ только казаться благоразумнымъ,
 и прибрѣщать себѣ похвалы, коимъ обык-
 новеніе приписываетъ пріятныя названія.
 Благодаря дурачеству волшебницъ моего вре-
 мени, я бывалъ богатырь въ любви; мои воло-

кии

житиства оживлялись щегольствомъ разительнымъ; я игралъ чувствительнаго лучше всѣхъ на свѣтѣ; я бывалъ попеременно нѣжнымъ, свѣтлымъ, шушлявымъ, услужливымъ, и всегда изыбническимъ; разумъ мой со дня на день становился пріятнѣе; но волшебницы, весьма привязанныя къ существенности акробатической, утомили меня. Я считалъ себя невозвратно погибшимъ. При первомъ случаѣ притворился я шушлявымъ, хотя сначала и приходилъ отъ него въ трепетъ. Выдумка сія была весьма удачна. Заключили съ мной слабость, когда я находился въ достаточной силѣ; уваженіе, которое тогда ко мнѣ всѣ имѣли, возрасло отъ самаго шего средства, отъ коего бы мнѣ упасть надлежало; шушлявость моя найдена прелестною, и начали мнѣ подражать. Съ того времени всшло въ честь представлять себя изнеможеннымъ. Въ первомъ цвѣтѣ молодости надлежало объявлять себя истощеннымъ; другія ухватки считались нигуда годными. Однако я понимаю наъ вашихъ словъ, что съ того времени, какъ удалился я отъ двора, обстоятельства весьма переменялись. Но это конечно возобновится; будете съ эшой стороны спокойны. —

Ваша длинная проповѣдь мало приносила мнѣ отрады (сказала наконецъ вол-

шебница, упоминая слушать бредни пресла-
 рѣлаго духа]; я вижу, что духи, равно
 какъ и человеки становятся глупѣе; небоч-
 ности, а особливо сего рода, дѣлають ихъ
 ненавистными. Но какъ вы думаете, сла-
 бость *Остроилова* не исцѣляема? Это жалко,
 ахъ, очень жалко! Я согласенъ (подхватилъ духъ)
 въ этомъ произшествіи; оно поистиннѣ должно
 чрезмѣрно трогать волшебницу. — Чтожь
 присовѣствуете вы мнѣ сдѣлать? (сказала *Цик-
 клонда*) я требую вашей помощи, и увѣре-
 на, что вы можете мнѣ подать оную; нѣтъ
 ли какого средства? — Есть, я думаю
 самъ какъ бы лучше, сказалъ духъ. Вѣдь
 онъ молодъ? такъ ли? — Очень молодъ
 (опытчала она). Это заслуживаетъ внима-
 ніе. Если бы дать ему побывать въ ру-
 кахъ женщины, которую онъ любитъ —
 Но онъ и меня любитъ страстно, подхва-
 тила *Циклонда* съ жаромъ]. Тебя? нѣтъ!
 [сказалъ духъ съ холодностію] — Все
 меня въ томъ увѣряетъ [говорила она],
 при томъ же я сто разъ слыхала отъ на-
 шихъ старыхъ волшебницъ, что дѣйствіе
 любви... излишній жаръ. — Все это врачи
 [подхватилъ съ жаромъ сей чистосердечной
 духъ], повѣрь моему слову. По этому у
 тебя значить дѣйствіе любви то, что учи-
 нило слабымъ покойнаго твоего *Частохвата*?
 Поди ты прочь! Я лучше другихъ это знаю.

Слабая

слабая это, и не къ мѣсту упошребляемая оговорка, и дураки, которые тому вѣрятъ. Что надлежитъ до воображенія нашего объ нѣжности къ вамъ *Остроиловой*, будьте благонадежны, что онъ васъ сбманываетъ; или я скотъ! Я провѣщаю вамъ, что онъ больше прежняго занятъ этою маленькою Царицею Трансараранскою. . . . Не по тому, чтобъ она была васъ лучше, великая въ томъ разноша; но молодыя люди очень странны. . . . Не сомнѣвайтесь [продолжалъ онъ], ежели эта *Доброгнѣва* не возвратитъ вашего *Остроила* къ жизни; я торжественно объявляю, что онъ мертвъ навѣки. . . . Э! вотъ и часъ моего обѣда [сказалъ онъ, сдѣлавъ маленькой поклонъ]: я столько принудилъ себя для васъ: я опредѣлялъ никогда не разстроивать родъ моей жизни, а для всѣхъ волшебницъ на свѣтѣ не намѣренъ ни минутою позже обыкновеннаго обѣдать. Прощай. Сказавъ сіе, влѣзъ онъ въ свою раковину; а волшебница возвратилась въ свой замокъ.

Слова *Хаустовы* занимали ее во всю дорогу; оныя произвели въ ней мысль, понравившуюся ей не для чего иного, что была она странная. По прибытіи въ замокъ опредѣленіе уже было готово; разумно, или глупо, но она какъ волшебница, рѣшилась еяму послѣдовать. Она призвала *Остроила*,

и

и голосомъ, изображающимъ все ея могущество, объявила ему, что она принуждена удалиться отъ него на нѣсколько дней, чтобъ онъ ни о чемъ не беспокоился; потому что всѣ придворные ея будутъ стараться предвѣрять всякія его желанія, и что онъ вскорѣ отъ нее получитъ извѣстіе. По симъ словамъ она исчезла.

Циклонда, оставивъ его, прибыла ко Двору Траншараранскому. Она нашла его въ великой перемѣнѣ: всѣ при ономъ находящіеся чувствовали скуку, печаль и уныніе. Время, опредѣленное законами для избранія Царя приближалось, и печаль постоянная *Доброгнѣвы* ежедневно умножалась. Помышленіе о учиненіи выбора, обязать клятвами, и ожидать на всю жизнь кому нибудь, кромѣ *Острогла*, составляло для нее несносное мученіе, представляющее всю жестокость свою, ожидаемую въ послѣдствіи; чувствованіе утѣхъ казалось навсегда оставившимъ ея сердце; и пучокъ цѣтловъ, поднесенный ей *Острогламъ*, доставляя ей единственную отраду въ мученіяхъ, чуднымъ нѣкоторымъ разбѣніемъ, производимымъ можетъ быть любовію, учинилъ ей всѣхъ придворныхъ ея несносными.

Помощію розъ, сего удивительнаго пучка, утѣшалась она часто, какъ только позволяло ея званіе имѣть свободныя минуты,

ты, дѣлалась невидимою. Тогда находясь сама съ собою, и бывъ освобождена отъ доукъ своихъ любовниковъ, безпрепятственно разсуждала о вѣрномъ, о легкомысленномъ и веселомъ любовномъ Острожѣ. Известное дѣло, что въ таковыя дни дворъ представлялъ пустыню; одни послѣдніе опшуда скакали на ужицу въ распушные домики, и проводжали ночь, утѣшая себя, что они повеселились и утѣшили въ утѣхахъ. Другіе разливались, какъ быстрый потокъ по домамъ въ городъ, и вымѣщали скуку, которой преданы были во дворцѣ; они назначивали свиданія, чтобъ не попасть въ часъ, и спѣшили на другое, гдѣ появлялись самыми послѣдними. Нѣкоторые изъ нихъ разрывали знакомства; за тѣмъ, чтобъ показавъ нѣчто значущій видъ просидѣть запершись у себя въ домѣ. Были и такіе, но крайнѣ рѣдко, кои вдавались крайности посѣщать собственныхъ женъ свихъ. Одни только госпожи старыя, благоразумныя, и оставленныя, пребывали во дворцѣ, и для подражанія своей Царицѣ, приказывали своимъ придверникамъ не сказывать о себѣ, что они дома.

Доброгнѣва, бывъ въ одинъ день унывнѣе обыкновеннаго, обратилась къ своимъ цѣлшкамъ. Она пожелала уиниться невидимою; между тѣмъ цѣлшкъ померанцовой упалъ

упалъ къ ней на руку; нечувствительно положила она его въ рошѣ, и въ задумчивости разжевала.

Трудно изобразить тѣ разительныя черты просвѣщенія, кои въ то мгновеніе ока коснулись ея разума. Врожденный добрый вкусъ былъ основаніемъ склонности ея къ *Остроуму*. Похвальные свойства, кои тогда усмотрѣла она въ немъ, помогли любви убѣдить ея душу. Вообще все, что ни составляло сего дражайшаго любовника, казалось ей всегда отвратительно; но недоставало еще справедливаго разума въ сравненіи всего того, что не касалось до любви ея. Вкусъ ея не раскрылся еще совершенно; она не ощущала еще истинной цѣны вещей. Цвѣтокъ померанцовой разлилъ сіе неоцѣненное познаніе вдругъ во внутренностяхъ души ея. Казалось ей тогда, что она нечаянно перенесена была ко Двору иностранному; взоры ея опирались отъ всѣхъ предметовъ: оныя казались имъ незнакомыми; и въ самомъ дѣлѣ оныя всегда представлялись ей споронами весьма одна отъ другой отличными. Но тогда всякіе роды ослѣпленія исчезли. Обычай, нравы, природа, добрая слава, показались глазамъ ея въ существенности; ничто не покрывало прямого ихъ состоянія. Человѣки оцѣнились строго по мѣрѣ достоинства ихъ и добродѣтелей.

Вку.

Вкусъ нравиться преспадь казаться въ ея воображеніи невинностію, изобрѣщенію для придаенія новой цѣны дарами природы. Онъ показался ей порокомъ душевнымъ, питаемымъ глупымъ тщеславіемъ, и удобнымъ испортишь сердце, не возмогая онаго удовольствоваться. По необходимому слѣдствію она не нашла уже въ женщинахъ Траншараранскихъ, кромѣ нелѣпости, вмѣсто разума, который развращеніе понуждало дѣйствовать подѣ видомъ любви. Молодые господачки представляли ей существами, шолько одну поверхность имѣющими, оживляемыми движеніемъ, уподобляющимся машинѣ, а не разумомъ. Забавныя сказочки и шуточки *Алмазовы* потеряли всѣ свои прелести: кромѣ несносной гордости ихъ прикрывающей, усмотрѣла она въ нихъ скучныя промежки, коихъ все достоинство состояло въ памяти худо прикрашенной и наносящей скуку.

Легко угадать, что безполезной *Пустовякъ* былъ оцѣненъ въ настоящую свою мѣру. Достоинство его непосредственно поставлено пониже искусной женщины. Его разумъ, способный для изобрѣщенія модъ, показался подобнымъ келовкой шуткѣ, которая не заслуживаетъ и того, чтобы пестрѣться; а его работа собирать и разносить новыя дѣлки должностію торговки,
удо-

удобною увеселять однихъ посадскихъ бабъ испорченнаго вкуса.

Искусство *Тюльпаново* во всѣхъ играхъ было отнесено безъ пощады къ посредственности ума, столькожъ ошоготительной, какъ и глупость, которая не позволяетъ ему спривъ сего бѣднаго средства, дабы быть сноснымъ для общества. Видъ его столько прославленной, найденъ отвратительнѣе самаго безобразія; чтожъ касается до его жадкой бандоры, она опредѣлена имѣть честь забавлять народъ въ прихожихъ комнатахъ.

Проницательное око Царицыно поступило еще строжѣе съ дарованіями высокопарнаго *Кузнецика*. Она присудила, что оныя были не у мѣста; она вѣдала, что человѣкъ съ достоинствами долженъ конечно любить, поощрять и покровительствовать дарованія; но тѣ, коими славился *Кузнецикъ*, надлежало бы оставить тѣмъ рѣдкимъ, полезнымъ и почтеннымъ, но несчастнымъ особамъ, кои осуждены служить къ забавѣ всенародной.

Дарованія разума, сіи лучи свѣта возвышающаго душу, которыя учиняють человека способнымъ заступать съ достоинствомъ важнѣйшіе чины, казались Царицѣ единственно заслуживающими, чтобъ занимались тѣмъ вельможи ея государства. Она взидала на сіе какъ на щастливый источникъ всѣхъ полезныхъ познаній, изъ плодовитости
ко

коего истѣкаетъ просвѣщеніе народное, которое есть достовѣрнымъ основаніемъ величія, изобилія и силы Государственной.

Но сколько она изумилась, когда усмотрѣла, что сіи почтенныя дарованія обыкновенно обитали, почишались и дѣйствовали въ челоуѣкахъ простыхъ и неизвѣстныхъ, замѣшанныхъ въ толпѣ, отъ Двора мало уважаемой, лишённыхъ щастія, служащихъ забавою своенравія, или худаго вкуса общенароднаго, терзаемыхъ завистію, пренебрегаемыхъ щастливыми глупцами; но твердыхъ посреди гоненія, спокойныхъ въ объятіяхъ нещастія, непоколебимыхъ въ величайшихъ напастяхъ, утѣшенныхъ и можешь быть благополучныхъ чрезъ науки, достойныхъ лучшей участи, и имѣющихъ Философическія чувствованія!

Такое открытіе пронуло сердце нѣжной *Доброгнѣвы*; она огорчилась, видѣвъ сіе несправедливое раздѣленіе щастія, и вознамѣрилась по воспріятію возжей правленія Государственнаго, исправить оную погрѣшность столько же странную, сколько безчестящую Отечество.

Проспирая вдалѣ взоры свои, усмотрѣла она открытою сію преогромную машину, кою называютъ правленіемъ, всѣ ея пружины, недостатки, обманчивости, пренебреженіе дѣйствующихъ прекраснѣйшими и

Часть III.

В

по-

полезнѣйшими законами

„Въ семѣ мѣстѣ, сказалъ *Уклонъ*, не
 „находится болѣе ста страницъ въ томѣ
 „сочиненіи, изъ коего занялъ я сію Сказку.
 „Стихотворецъ, хозяинъ этой старинной
 „тетрадки, сказывалъ мнѣ, что онъ не
 „старался дополнить недостающаго, опасаясь
 „навесить скуку, или можешь быть вѣ-
 „сто полезнаго наставленія навлечь неудо-
 „вольствіе. — За тѣмъ подлинникъ про-
 „должается тако :

Одна только корысть самовластно го-
 сподствуетъ надъ всѣми людьми. Изъ
 сего правила *Доброгнѣва* заключила, что
 можешь она достоверно, возстановить доб-
 рой порядокъ въ обществѣ, предоставивъ
 отличныя награжденія добродѣтели и же-
 стокое наказаніе порокамъ, такъ чтобъ
 подданные ея усмотрѣли явную корысть въ
 томъ, чтобъ стараться быть добродѣтель-
 ными. . . . О намѣреніе! достойное великой
 души и невозможное для смертной! ска-
 зывалъ *Славомиръ*. Сколько бы людей ни пре-
 ницателенъ, ни безпристрастенъ былъ, но
 трудно ему познать прямой порокъ и
 истинную добродѣтель. Сколько встрѣчь,
 сколько обстоятельствъ, могущихъ влечь
 предъ собой въ личинѣ добродѣтели, и са-

наго честнаго челоѣка достойнымъ наказаніемъ! Грабитель, разорившій тысячи семействъ, и высосавшій, такъ сказать, кровь ихъ, можетъ за чужія деньги купить себѣ одобрение и получить награжденіе за добродѣтель, между тѣмъ какъ въ существѣ заслуживалъ онъ висѣлицу. Наружный видъ предстателя его удобно можетъ сыскать довѣренность особы, раздающей награжденіе, и тогда прощай добродѣтель! — А цѣшки Гориславы, подхватилъ Изборъ. — Да! цѣшки; я забылъ объ нихъ. — Мы скоро забудемъ объ ужинѣ, сказалъ Уклонъ; не прикажете ли на нынѣшней вечеръ оставить повѣсть для сего важнаго обстоятельства. Изборъ, которой не привыкъ ни въ чемъ ему отказывать, пошелъ въ столовую комнату.

В Е Ч Е Р Ъ XXVI.

Таковая же истинна водительствоваала Доброгнѣву по всѣмъ видамъ, поражающимъ ея взоры, и съ того времени каждая вещь означалась въ ея разумѣ по своему настоящему достоинству. Но повѣрятъ ли мнѣ, что она бывъ предводительствуема просвѣщеннѣйшимъ вкусомъ, бросила свой взоръ для по-

В Ѣ

дѣ-

мѣщеніа въ сердцѣ своемъ на мѣсто вѣрной своей *Анемоны*! женщины такой, которую разныхъ похощеній почасту учиняли предметомъ насмѣшекъ отъ придворныхъ?

Нѣтъ ничего правильнѣе вѣсовъ, на которыхъ вѣсятъ достоинства. Въ вихрѣ свѣтской жизни разумъ бывъ останавливаемъ, разбѣиваемъ, порываемъ тысячею суетныхъ мѣлочей, имѣешь ли время испытывать глубину характеровъ человѣческихъ? Оныя обыкновенно судятся по нѣкоторымъ смѣшнымъ поверхностнымъ, и нѣжный полъ только по своимъ извѣстнымъ слабостямъ. Останавливаются на семъ первомъ впечатлѣніи; монрапіе онымъ увеселяется, и самолюбіе находитъ въ томъ свои росчеты. Между тѣмъ только дѣлая правильное сравненіе пороковъ съ добродѣтелями, смѣшнаго съ пріятнымъ, можно достигнуть до настоящаго оцѣненія вещи. Почтеніе становится сокровищемъ бесполезнымъ, еслимъ относится оное только къ существамъ безпорочнымъ. Въ семъ случаѣ составляешь оно долгъ; надлежитъ расточать оное собственно для тѣхъ, въ коихъ по испытанію сыщется больше добродѣтели, чѣмъ пороку.

Можно упрекать слабостію нѣжную *Опалу* (такъ называлась новонабранная любимица Трансараранской Царицы); потому что не имѣла она искусства оную сокрыть. Родъ вѣ-
ро-

роломныхъ мужчинъ безъ сомнѣнiя былъ ей очень прiятенъ; но легкомысліе, непостоянство и измѣна *Алмазова*, произвели въ ней раскаяніе чистосердечное, помогшее ей возстановить себя. Рѣдкія свойства ея появивсь, заштили погрѣшности, въ кошорыхъ ее обвиняли. Въ тогдашнее время во всѣхъ прочихъ придворныхъ женщинахъ находилось по своему вольству разума заблужденіе силы воображительной, служившее имъ за правило. *Опала* же напротивъ казалась слабою по тому только, что получила отъ Небесъ душу чувствительную. Когда любовь представляла ей любовника достойнаго, она прилпалась къ нему. Ея весьма иѣжное сердце искало предмета, могущаго его наполнить, и находило только неблагодарныхъ, вѣтренныхъ и вѣроломныхъ; она исправилась не прежде, какъ искусившись. Всѣ прочія женщины славилсь своимъ непостоянствомъ; а она объ своемъ воздыхала. Вкусъ ея къ утѣхамъ меньше былъ живъ того, кошорой склонялъ ее къ любви. Словомъ сказать, одно чувство привело ее въ заблужденіе, но самая причина заблужденія ея была достойна почтенія.

Опала наконецъ была способна къ постояннѣйшему дружеству. Не можно было укорить ее никакимъ родомъ худаго поступка, а хорошахъ видимо было въ ней инстинктивно. Чувствительная къ несчастіямъ ближнихъ,

жнихъ , не могла она успокоиться прежде , пока не получала надежды , что можешь подать имъ отраду. Бывъ весела , жива , любезна въ обхожденіи , просвѣщена , неутомима для друзей своихъ , умѣющая скрывать ихъ пороки , всегда щедрѣя , никогда незлословящая , могла она считаться за женщину добродѣтельную. Она была такова въ самомъ дѣлѣ.

Когда *Алмазъ* безчестными образамъ ее оставилъ , не избрала она прибѣжища для разогнанія огорченія своего ни къ какимъ нелѣпостямъ , кои были употребительны въ таковыхъ случаяхъ при дворѣ Траншарагскомъ. Гордость не принудила ее прикрыть скорбь свою видомъ легкомыслія и вѣтренности ; она осмѣлилась показываться печальною среди большого свѣта , но не являя себя злочашною , и не предаваясь съ досады въ непостоянство.

Такова была *Опала*. Взоры *Доброгнѣвны* съ перваго взгляду познали цѣну ея достоинства. Дружество предупредило ее въ пользу ея , и ей-то открыла она свою душу , съ нею разговаривала объ своей печали , и предалась улаженію полной довѣренности: она нашла въ ея сердцѣ состраданіе къ своему мученію , а въ ея разумѣ совѣты , помогающіе сносить оныя , не предаваясь отчаянію.

Опа-

Опала знала отъ самой *Амаранты* всю истинну приключенія ея съ *Остроломъ*; она рассказала о томъ подробно Царицѣ, и оправдала его въ семъ первомъ преступленіи. Стараясь объ его пользахъ, безъ всякаго въ томъ намѣренія для самой себя, и единственно по тому, что находила его любящимъ достойнымъ, увѣрила она Царицу въ нѣжныхъ своихъ къ ней чувствованіяхъ. *Добротѣ* возвращала въ сердце свое нѣжную довѣренность: тогда всѣ источники разума ея открывали лучи надежды, оживляющей любовь ея; и въ невозможности, въ которой находилась она учинить выборъ сообразный видамъ волшебницы *Обрады*, рѣшилась принаяться ей, что одинъ только *Остролъ* всегда владѣетъ надъ ея сердцемъ.

Царица въ самомъ дѣлѣ находила, что ни одинъ изъ окружающихъ ея любовниковъ недостоинъ былъ раздѣлять съ нею корону. Время истекало; *Остролъ* находился въ опускшеніи, и можетъ быть не вѣренъ; но пороки совѣстниковъ его представлялись ясно очамъ прозорливой *Добротѣ*, и щещно искала она въ нихъ какой нибудь добродѣтели. Одинъ изъ нихъ довольно пріятнаго вида, мало собою блистающій, воздержный, имѣющій добрый смыслъ безъ пристрастія, разумъ не стараясь оный выкавывать, рѣдко показывающійся при дворѣ,

почитаемый только *Анемоною*, почувствовавший начало къ ней страсти, когда она изъ Дворца пропала, и готовящийся открыться въ томъ предъ нею, когда она опять сыщется; одинъ сей человекъ (говорю я) выдержалъ опыты цвѣшка померандоваго, не утративъ ни единого своего достоинства въ понятіяхъ о себѣ *Доброгнѣвиныхъ*. Всѣ сравненія были въ его пользу, и походило на то, что еслибъ *Остроилъ* съ *Анемоною* пропали невозвратно, *Сафиръ* (такъ онъ назывался) предпочтенъ бы былъ отъ Царицы всѣмъ прочимъ придворнымъ.

Въ таковомъ состояніи находились Дворъ Трансараранской, и сердце *Доброгнѣвино*, когда *Циклонда* оставила свой замокъ. По прибытіи во Дворецъ, и увидѣвъ печаль любви достойной Царицы, сія волшебница почувствовала любую радость, которая побѣдила собственную ея грудь. Чемъ больше совѣстница ея была несчастлива, тѣмъ больше находила удовольствія ея ненависть; *Доброгнѣвины* мученія, тоска и уныніа разливали въ душѣ ея движеніе утѣхи.

Доброгнѣва, какъ Царица Трансараранская, находилась подъ особливимъ покровительствомъ великомочной *Обрады*. *Циклонда*, подверженная сей волшебницѣ, принуждена была, какъ легко догадаться можно, скрывать искусно намѣренія, въ про-

шиса

живность ея производимыя; все, что она делала ни сделала, учинено было съ прекраснейю осторожностію. Долго дожидалась она понапрасну выхода Царицына; она започиналась болѣе обыкновеннаго; а мученія, претерпѣваемыя отъ собственной любви своей возпрепятствовали ей заснуть. Въ семъ бодрствованіи Циклода подслушала условіе Гіацинты, прекраснѣйшей и щеголеватой придворной госпожи, съ Тюльпаномъ. Волшебница была предупреждена въ пользу сего молодого господина. Видѣ его, не извѣстно по чему, подавъ ей высокое мнѣніе о свойствахъ любви его; и когдабъ только не подвержена она была страсти къ Остроглу противу воли своей, онъ немедленно заступилъ бы въ сердцѣ ея мѣсто покойнаго Частохвата.

Гіацинта была въ чести; что приумножало славу Тюльпанову. Она была изъ тѣхъ острыхъ головъ, коимъ удивляются; имѣла тѣ правильныя черты, кои уважаются, и такую живую краску въ лицѣ, которая ослабляетъ и принуждаетъ мужчинъ къ обожанію; она приобрѣла бы все то, еслибъ видѣ ея не внушалъ больше желанія къ сладострастію, чѣмъ любви. Никогда еще не видано женщины столь слабой. По случаю, весьма странному въ Трансаранѣ, имѣла она мужа шодькожъ ревни-

живаго, сколько мало способнаго утвердишь характеръ стоей супруги. Таковыми образомъ для домашняго покоя, и чшобъ не утратить забавъ своихъ, заключила она не имѣшь ни съ кѣмъ порядочнаго обязательства. Ежедневно новымъ выбросомъ наполвала она порожиа мѣста любовниковъ. Супругъ ея, ослабленный таковою ея хитростію, ничего не подозрѣвалъ и препровождалъ дни свои въ пскоѣ; а жена его безъ обязательства, безъ всякихъ оковъ, вкушала безопасно всѣ наслажденія роскоши. Тюльпанъ, попался въ очередь того дня. Циклоида, находясь невидимою близъ ихъ, не пропустила ни слова изъ условія. Какъ волшебница благоразумная, не имѣя лучшаго, чѣмъ заняться, и увѣренная, что тайна ея останется навсегда скрытою, рѣшилась она воспользоваться онымъ приключеніемъ. Когда *Гіацинта* ушла изъ свои покои, она слѣдовала за нею и вошла въ спальню. Тутъ услышала она приказъ ея, горничной вѣрной служанкѣ впустить въ пошмахъ безъ шуму особу, которую найдетъ она у садовыхъ дверей. Послѣ того она легла въ постель, и огонь по обыкновенію, введенному въ томъ домѣ, вынесли вонъ. Волшебница тогда коснулась своею палочкою до головы *Гіацинтиной*: повергла оную чрезъ то въ крѣпкой сонъ, вынесла въ другую комнату

и легла на мѣсто ея. Черезъ нѣсколько времени двери тихо растворились, и Циклода ощутила себя въ объятіяхъ дѣтчины. Не было шутъ никакихъ предисловій, дѣло шло порядкомъ, и Тюльпанъ показался волшебниці человѣкомъ удивительнымъ; онъ подалъ ей о себѣ превосходящія понятія, нежели чѣмъ могла она льститься отъ своего прекраснаго Остроила. Сладкой сонъ продолжалъ сему, и по пробужденіи не нашла она никого, съ кѣмъ бы раздѣлить время. Она перенесла Гіацинту на свое мѣсто, и съ удовольствіемъ о своемъ щастіи помчалась во Дворецъ для исполненія другаго своего намѣренія. Надлежитъ однако сказать, что волшебница сія обманулась въ заключенномъ почтеніи своимъ къ Тюльпану. Онъ обманулъ Гіацинту, и по своему произволу судьбы попался въ другое мѣсто; онъ ночевалъ у жены нѣкошораго подьячаго, пригожей и рѣзвой. Онъ мало думалъ о благосклонности Гіацинтиной, но между тѣмъ не хотѣлъ уронить своей чести: и чтобъ не упустить ни того ни другаго, взялъ онъ прибѣжище свое къ Ражему жрецу, кошораго не рѣдко въ таковыхъ случаяхъ призывалъ на помощь. Его-то отправилъ онъ въ мѣсто себя, подтвердивъ ему меньше говорить, чѣмъ дѣйствовать, и въ его-то объятіяхъ очутилась восхищенная Циклода:

Жрецъ

Жрецъ усыпивъ ее, ушелъ потихоньку, и дома у себя вымѣщаль крѣпкимъ сномъ понесенное бодрствіе.

Волшебница, вошедъ во Дворецъ, узнала, что Царица всю ночь не могла заснуть, тогда лишь започивала. Обрадованная сею вѣдомостью, побѣжала она къ ней, и приклонивъ ухо, извѣдала, что *Доброгнѣва* въ самомъ дѣлѣ спитъ. Немедленно прочитала она надъ головою ея нѣкоторыя таинственныя слова; поспѣшно приняла на себя ея образъ, и полетѣла въ свой замокъ съ чрезвычайною быстротою. Пробѣгая сады свои, увидѣла она *Остронла*, лежащаго въ уныніи на берегу того водовода, гдѣ подъ видомъ *Анемонины* прельщала она его заразительною роскошью. Хотя она была невидима всемъ свѣтомъ, но очарованіе не касалось глазъ ея; она увидѣла въ водѣ, наполняющей водоводъ, тотъ образъ, которой приняла для исполненія своего наміренія. Не взирая на предразсудки самолюбія, почувствовала она при семъ случаѣ, сколько опасна для нее ея совмѣстница; она разсмотрѣла черты ея съ злобою, внушаемою отъ ревности; но увидѣла при томъ съ нѣкоторымъ опечаленіемъ, что и самая печаль придаетъ ей особливую красоту.

Циклонда окончила испытаніе сіе вздохомъ, и учинясь видимою, приблизилась къ

Острон-

Остронлу. Омъ шороха ногъ ея бывъ возбужденъ изъ задумчивости, онъ оглянулся. Какое было его изумленіе, восхищеніе и щастіе, когда увидѣвъ онъ свою возлюбленную *Доброгнѣву*! Онъ бросился къ ногамъ ея, пребывавъ неподвиженъ, и его нѣжныя воздыханія, страстные взоры, слезы, исторгаемыя радостію, выражали всю жестокость его къ ней любви.

Ревность, и все оной бѣшенство, проникли въ часъ томъ сердце лютой волшебницы. Если бы не удержала она неистовства своего, волнующаго душу ея, кинжалъ тотчасъ бы отмстилъ неблагодарному ея любимцу и соперницѣ, ея ненавидимой; но корысть, которую ничто преодолѣть не можетъ, удержала ее, и она пожертвовала ревностью услажденію, ожидаемому ея въ своей страсти.

Я знаю (сказада она съ нѣжностію и чистосердечіемъ, свойственнымъ голосу настоящей *Доброгнѣвы*), что ты былъ жертвою немилосердаго очарованія; и меня увѣрили въ то же самое время, что только одна я могу тебя освободить омъ онаго. Я не скрываю болѣе, что имѣю столькожъ любви къ тебѣ, сколько оказываешь ты оной ко мнѣ; почему не раздумала я припѣти сюда. Я не вѣдаю однако, что надлежитъ мнѣ дѣлать: еслии ты объ этомъ
вѣ

вѣдаешь, или можешь выдумать, скажи, я не откажусь ни отъ чего для твоей помощи, что только отъ меня зависить; но поспѣшай: надлежитъ предупредить тебя, что мнѣ не позволяется больше двухъ часовъ пребыть здѣсь.

Великодушная *Доброгнѣва*! (отвѣчалъ *Остроулъ*, находящійся внѣ себя) я забываю объ моемъ опечаленіи, ставъ преисполненъ радостію. Возможно ли! вы принимаете участие въ судьбѣ моей? Правда ли то, что я для васъ непрощивенъ? Ахъ! мое признаніе . . . любовь, которую къ вамъ имѣю — въ сіе мгновеніе часы его начали звѣнѣть такъ крѣпко и продолжительно, что онъ вдругъ умолкъ, а волшебница изумясь, пришла въ смятеніе. — Что значить сей странной звукъ? сказала она. Часы сіи заключаютъ какое нибудь таинство! Я хочу узнать; не ужь ли ты мнѣ откажешь? — Могу ли я имѣть отъ васъ какую нибудь тайну? (отвѣчалъ онъ) часы сіи подарены мнѣ отъ волшебницы *Гориславы*. Они звѣняли лишь въ то время, когда я хочу сказать какую нибудь глупость; но съ того времени, какъ нахожусь я въ этомъ проклятомъ замкѣ, они такъ разстроились, что больше двадцати разъ начинали звѣнѣть такъ же не кшати, какъ и теперь. Я хотѣлъ сказать, что васъ обожаю! за чемъ они

они меня остановили? Я увѣренъ въ томъ; что нѣтъ на свѣтѣ благоразумнѣйшаго любящаго меня къ *Доброгнѣвѣ*. — Но ваши чары (сказала волшебница, приходящая въ досаду отъ словъ его) можетъ быть имѣютъ справедливую причину. Время на примѣръ намъ дорого, а вы тратите оное въ бесполезныхъ разговорахъ: глупо говорить, когда надлежитъ дѣйствовать.

Но что дѣйствовать? (сказалъ *Остроилъ*) Я знаю лишь то, что я несчастнѣйшій изъ смертныхъ. Мои несчастія такого рода.... — О небо! (подхватила волшебница) какъ бы сыскать средство къ прекращенію оныхъ? Я такъ же, какъ и ты, не вѣдаю; но какъ по видимому твое несчастіе состоитъ въ томъ, что удерживаютъ тебя въ семъ замкѣ противу воли, я уповаю, что можно уйти отсюда. — О! я помышлялъ о семъ больше ста разъ! (сказалъ онъ съ жаромъ) я гнушаюсь здѣшнимъ мѣстомъ, проклиная люшую волшебницу меня удерживающую: но когда желалъ я высвободитья изъ сихъ ненавистныхъ стѣнъ, невидимая сила меня останавливаетъ. — Въ такомъ случаѣ (прервала слова его волшебница, приведенная въ отчаяніе сею поверѣнностію) я не понимаю, чѣмъ помочь тебѣ; ибо по обстоятельству твоихъ несчастій только сего рода. *Остроилъ* отвѣчалъ на это вздохомъ.

ВЪ

Въ ту минуту чижики, прилетѣвши на ближ-
нее дерево, сѣлѣ, и началъ выпѣвать очень
явственно слѣдующіе вкусомъ *Циклоидины*мъ
припахивающіе стихи:

Нещастіямъ твоимъ судьба одна творецъ :
Противишься козь ей , то будетъ понапрасну
Но въ *Доброгнѣвныхъ* объятіяхъ нещастну
Тебѣ лишь предстоитъ сей участи конецъ.

Когда чижики пропѣлѣ, благонравный
Остроилъ взглянувъ съ трепетомъ на лож-
ную *Доброгнѣву*, опустилъ внизъ взоры,
васстыдился и молчалъ. Волшебница видѣвъ,
что ей ничто не помогаетъ, подверглась
всей нестерпѣливости, каковую можешь
нанести почтеніе, являемое не во время.
Она употребила послѣднее усиліе къ побѣж-
денію вастѣчивости, уничтожающей всѣ ея
заботы. Я не предвидѣла (сказала она со
взоромъ сколько возможно уподобляющим-
ся цѣломудрію представляемой ею Царицы),
какого рода можешь быть ваше нещастіе?
и не имѣю понятія о образѣ, каковымъ
оное можешь быть прекращено. Можешь
быть учиню я проступокъ дерзкой; но ты
меня любишь, я не могу рассказываться. Я
избираю тебя царствовать съ собою надъ
страною блаженною. Съ сего часа (преодо-
жала она, подавая ему руку) ты мой суп-
ругъ.

ругъ. Прервемъ всѣ очарованія, тебя здѣсь удерживающія, и побѣдемъ въ Траншаранѣ.

Ахъ, прекрасная *Доброгнѣва*! вскричалъ *Остроилъ* . . . онъ готовъ былъ предаться иѣжнѣйшимъ выраженіямъ своихъ чувствъ, часы его зазвѣнѣвъ, опять остановили. Охъ! часы твои врутъ! (сказала волшебница, и вжала ему губы шакowymъ поцалуемъ, иѣжнѣе кошораго и самая *Лада* дать бы не могла) Представьте щастливую участь любовника страстнаго, которой послѣ продолжительнаго порядка жестокихъ мученій, приступаетъ къ овладѣнію обожаемымъ предметомъ; это будетъ изображеніе *Остроила*. Но мечта сія была очень кратка. Въ тожъ игнovenіе учинился онъ холоднѣе мarmоровъ, составляющихъ края водовода; всѣ прелести, кои *Циклоида* расточала на щетъ прекрасной *Доброгнѣвы*, его любовь, желанія, въ коихъ таяла душа его, лишились дѣйствія. Два часа прошли въ усиліяхъ безполезныхъ. Онъ вздыхалъ отъ бѣшенства, отчаяніе изгнало любовь изъ очей его, а волшебницыны изображали только досаду, холодность и прѣрѣніе. Я вижу (сказала она напоследокъ), что судьба не умнѣ меня, и нещастіе твое не излѣчимо. Прощай! (продолжала она, не удостоивъ его взгляду) она исчезла, оставивъ *Остроила* въ смятеніи и отчаяніи.

Часть III.

В

Не

Не безъ разсужденія изображаютъ любовь въ образѣ младенца: ея вкусъ къ насмѣшкамъ, спараніе гоняться за бездѣлицами, химеры, конми она занимается, мѣлкости, ея утѣшашія, весьма подобны младенчеству; одни только цвѣтки то, чѣмъ украшаетъ она свою торжественную колесницу; она играетъ, смѣется, шумитъ и рѣвнётся. Самое ошчальнѣе, споль не сходствующее на видъ истиннаго щастія, можетъ питать огонь жестокой, которой препятствіа оживляетъ и суетность вмѣняетъ за любовь; но невозможность, въ наслажденіи достойно познавшая, вдругъ угашаетъ надежду и прекращаетъ любовь.

Все то испытала нѣжная *Циклонда*. Сердце ея не возпротивилось крайнему опыту, на которой она ошважилась. Бездолжность страсти ея къ слабому *Остронлу*, и можетъ быть сравненіе его съ минимымъ *Тюльпаномъ*, немедленно учиненное; обида, претерпѣнная отъ перваго, и удовольствіе, конми насладились въ объятіяхъ другаго, произвели въ душѣ ея то щастливое дѣйствіе, котораго волшебница *Малуша* по свѣденію о свойствахъ ея ожидала, равно какъ и отъ трехъ волосковъ, созженныхъ на головѣ *Остронловой*. —

А долга ли еще твоя Сказка? (сказалъ *Изборъ*; и узнавъ, что она приходитъ къ кон-

конду, продолжалъ) ну! такъ мы вѣзтра
 послушаемъ, и тогда углубимся въ рассу-
 жденія, которыхъ ты *Уклонъ* приводишь
 много не всегда ксташи и перерываешь
 оными повѣсть.

В Е Ч Е Р Ъ XXVII

Циклонда отнесла въ Траншаранъ о-
 разъ Царицынъ; она поглядѣла на него нѣ-
 сколько минутъ съ тѣмъ прилѣжаніемъ,
 каковое внушаетъ оштрашеніе. Любовь ея
 къ *Остроилу* истребилась, но ненависть къ
 своей совѣстницѣ была еще во всей силѣ.
 Какъ я ненавижу ее! вскричала она съ бѣ-
 шенствомъ, котораго преодолѣть не могла.
 Взоры ея были еще устремлены на нее,
 когда гнѣвъ ея, столькожъ выдумчивой, какъ
 и жестокой, родилъ въ ней мысль, напо-
 нившую душу ея радостію. — *Доброгнѣва*
 любилъ *Остроила*, которой съ своей сто-
 роны сблизилъ *Доброгнѣву*. Какое удо-
 вольствіе (сказала она съ ненавистною ус-
 мѣшкою) учинить ихъ несчастливцами другъ
 чрезъ друга! Соединимъ ихъ! *Остроилъ* ни-
 когда не исцѣлится, слабость его безвозв-
 врат-

В 2

врат-

вращая. Они любятъся, сколько они будутъ несчастливъ! Ощущеніе ихъ продолжится на всю жизнь. О небо! какое наслажденіе! могу ли я лучше наказашъ мою совѣстницу?

Наполнивъ сердце таковымъ предпріятіемъ, полетѣла она въ свой замокъ, и велѣла позвать къ себѣ *Остроила*, котораго послѣднее несчастіе учинило почти безумнымъ. Возпріими свои чувства (сказала она ему), предайся радости; твоя печаль мени пронула, не все кончится. Я знаю обо всемъ происходящемъ въ душѣ твоей, и ты познаешь все мое великодушіе.

Произнося послѣднее слово, сѣла она съ нимъ въ свою колесницу, и помчалась съ невообразимою быстростію по пространству воздуха. Мимобѣдомъ взяла она съ башни несчастную *Анежну*, и прибыла къ крыльцу Двора Трансараранскаго.

Легко узнать, что происшествіе сего рода произвело тамъ великое волненіе. Царица воздрепетала, услышавъ сію новостъ. Невѣрности *Остроилды*, его возвращеніе, похищеніе *Анежны*, прибытіе *Циклонды*, соединили въ умѣ ея мысли одна другой противоположающія, такъ что со всемъ своимъ остроуміемъ не могла она ихъ согласить.

День тогда былъ самый шопъ, въ которой она по силѣ законовъ должна была

на-

наречь супруга. Она готовилась выступить въ собраніе, весь Дворъ ожидалъ сего; но она не рѣшилась еще къ выбору, на кого оный опредѣлишь. Душа ея, бывъ раздѣлена между десяти сторонъ сопротивныхъ, не могла рѣшиться, и казалось, что готова была подвергнуть слѣпому случаю участь сего дня. Она выступила въ семъ замѣшательствѣ. Волшебница подступила къ ней, и представляя *Остроилъ* и *Анежону*, сказала: Царница! я причинила вамъ всѣ печали; раскаяюсь въ томъ, и прихожу теперь обратиться въ радость. По томъ рассказала она ей подробно о первыхъ намѣреніяхъ своего мщенія, о ябжности почувствованной къ *Остроилу* въ тѣ часы, когда уповала на него ненавидѣть, и о средствахъ, употребленныхъ ею къ удовлетворенію своему, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, о коихъ считала за непристойность говорить въ присутствіи всего Двора. Она объяснила послѣ того, что *Остроилъ* совѣтъ не участвовалъ въ похищеніи *Анежонъ*. Наконецъ (продолжала она съ притворною ласкою) я возвращаю вамъ друга, котораго чрезъ благодѣянія старалась учинить моимъ, и нѣжнаго любовника, ко-го все блистаніе моего могущества, и мои слабости не могли учинить вамъ невѣр-нымъ.

Въ продолженіи сего разговору, изумленіе, радость и любовь изображались по преимуществу на лицѣ *Остроилова*. Неподвижно стоящая *Анемона* слушала, ничего не понимая. Добродѣтельная *Опала* торжествовала, всѣ придворные какъ бы онѣмѣли; любовники Царицыны, подобно громомъ пораженнымъ, пошупили глаза, вздыхали, пребывая въ глубокомъ молчаніи; а взоры *Доброгнѣвныи*, осмотрѣвъ вокругъ волшебницу и *Анемону* остановились на ея любовникѣ.

Смятенный шумъ, наставшій вскорѣ послѣ молчанія отъ перешептыванія придворныхъ, возбудилъ Царицу, занимавшуюся только одною своею любовію. Высокомочная волшебница! (сказала она, исполнившись прелестей, приносимыхъ чистою радостію) ваша щедрость составляетъ намъ больше благополучія, нежели сколько ваше мщеніе онаго насъ лишаетъ. Взирая на васъ, легко можно заключить, что любовь ко мнѣ *Остроилова* есть своеобразіе любовной силы; я пріемаю онаго съ радостію изъ рукъ вашихъ, и избираю онаго царствовать со мною, меньше по тому, что люблю его, чѣмъ по увѣренію вышему, что онъ достоинъ быть любимъ.

Въ ту минушу гремѣщій звукъ возвѣстилъ о прибытіи волшебницы *Обрады*; оная вошла погладуемая *Малущею*, *Горькою* и всѣми сестри придворными. Вы-
серъ

боръ *Доброгнѣви* ея подтвержденъ, и она притворилась не вѣдающею о проискахъ *Циклондиныхъ*. Она казалась быть довольною всемъ, что ни рассказали ей объ ея отсутствіи и о любви къ новому Царю. Надлежитъ забыть ея погрѣшность (сказала *Обрада*), когда она исправляется въ оной шаковымъ благороднымъ образомъ. Обратимся къ другимъ пріятнѣйшимъ видамъ. Ты *Циклонда*! люби *Доброгнѣву*, имѣй дружбу къ *Остроилу*, покровительствуй *Анежонъ*, и соединишь съ *Тюльпаномъ*. . . . Не ужь ли не согласишься ты? Я вѣдаю, что снѣ тебѣ непротивенъ, и довольна буду, увидѣвъ васъ счастливыхъ.

Циклонда изъяснила согласіе свое низкимъ поклономъ; и въ тотъ же часъ Царь, Царица, *Циклонда* и *Тюльпанъ* препровождены во храмъ, и браки ихъ совершены съ великимъ торжествомъ. *Обрада* со всемъ дворомъ своимъ противу обыкновенія прогостила нѣсколько дней въ *Траншараранѣ*; присутствіе ея учинило торжество великолѣпнѣйшимъ и забавы веселѣйшими.

Ночь настала; оставили новобрачныхъ въ покой. *Тюльпанъ*, удивленія достойный *Тюльпанъ*, найденъ нездоровымъ, и очень нездоровымъ. Для возстановленія его имѣли прибѣжище къ лѣкарствамъ; ничто не помогало; колика его умножалась, и продол-

жалась до самаго дня. *Циклонда* занималась заботами объ семь, какъ пришли сказать ей, что Царь съ Царицею встали. Она побѣжала во Дворецъ, увѣряя себя въ немъ, что стыдъ *Остроиловъ* и печаль *Доброгнѣвна* утѣшатъ ее въ замѣну худо препровожденной ночи. Злоба ея заблаговременно услаждалась воображеніемъ о смятеніи, облеблющемъ души предметовъ ея ненависти; она веселилась, готовясь приготовленною насмѣшкою еще больше огорчить ихъ. Она пришла; ѣдкая усмѣшка предвозвѣщала колкія тѣ слова, кои готовились вылетѣть изъ рта ея; но *Малуша* въ томъ ее самую предупредила. Прозорливые глаза ея прочли все находящееся въ душѣ *Циклондиной*. Вы очень невеселы (сказала она ей лукавымъ голосомъ, и дающимъ разумъ, что похождение ея съ *Тюльпаномъ* не составляетъ тайны). Для чего не видно храбраго *Тюльпана*? Вездѣ сомнѣнія покоится онъ на своихъ лаврахъ. Но чувствуете ли вы (продолжала *Малуша*), что видъ вашъ представляетъ уныніе, не дѣлающее чести нашему свойству? Возможно ли! простой смертной могъ привести васъ въ такое состояніе! Между тѣмъ я васъ подражаю.

Въ продолженіи таковой насмѣшки разстроенная *Циклонда* краснѣлась; она старалась поправиться, но принужденіе ея еще
боль-

больше умножили ея смятеніе. *Малуша*, не жалостливая къ претерпѣваемымъ ею безпокойствамъ, усугубила свои шутки; всѣ придворные *Обрадины* собрались вокругъ двухъ волшебницъ, пристали къ *Малушѣ*, и *Циклонда* учинилась мѣшою всѣхъ острыхъ сасъ, родившихся въ веселыхъ головахъ по сему обстоятельству. Сама *Обрада*, имѣющая право не смѣяться до тѣхъ поръ, какъ земные жители предадутся радости, сочла за благо разрѣшиться въ тотъ часъ отъ своего терпѣнія, и для рѣдкости хохотала въ рядъ со всѣми нащета волшебницы. Къ дополненію ея нещастія недоставало еще *Гориславы*; но и ша подоспѣла какъ бы званая. Государыня моя! сказала она ей, *Остроилъ* долженъ вамъ всемъ своимъ благополучіемъ. Ничто не уподобляется его восторгамъ; онъ нашелъ въ объявленіяхъ *Доброгнѣвы* конецъ всѣмъ своимъ мученіямъ, и сія любви достойная Царица упоена совершенно нѣжностію. Какою великою обязаны мы вамъ благодарностію!

Тотчасъ Царь и Царица вышли. Живѣйшая радость разлитая по лицу *Остроилу*, и удовольствіе, украсившее черты прелестной *Доброгнѣвы*, удословѣрили волшебницу въ истиннѣ словъ *Гориславыныхъ*. Ненависть ея усугубилась, вся кровь ея восплѣла: но покровительство *Обрадино* приводило Царицу въ безопасность отъ ея обшенства.

Циклода испытала все опечаленіе, каковому можешь быть подвержена душа испительная и не могущая изрыгать своей желчи.

Всѣ разговоры относились только до счастья двухъ новыхъ супруговъ и шутокъ издѣ *Циклодою*; въ тотъ же день *Анемона* и *Сифиръ* соединены нѣжнымъ союзомъ; *Доброгѣва* удержала ихъ при себѣ, осылавъ щедро своими благодареніями: она раздѣлила довѣренность свою между *Опалою* и *Анемоною*, и замѣтила при томъ, что сіе не производило въ нихъ ревности.

Обрада повеселившись довольно на празднествѣ при Дворѣ Трансараранскомъ, одарила Царя и Царицу богатыми дарами, и обѣщавъ имъ навсегда покровительство свое, удалилась въ свою столицу.

Малуша вразумила новаго Царя о таинственной причинѣ прошедшихъ его смущеній. Она подвигла его шѣмъ къ великому смѣху; ибо увѣряла его своею честію, что нѣтъ уже ему причины впредь опасаться таковогоже паденія: онъ призывалъ въ участіе сего шзнства и свою Цариду. Предсказаніе волшебнически совершилось въ точности; и *Малуша* удалилась, препоручивъ *Остроилу* не забывать събѣ ней, но сбѣлочѣ, подавшей ему добрые совѣты.

Втор-

Огорченная *Циклода* старала чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ сряду въ безуспѣшныхъ желаніяхъ. Она не собрала плодовъ ни въ своемъ ищеніи, ни отъ любви своей. Несчастный и слабый *Тюльпанъ*, опягченный жестокою скукою, умеръ наконецъ, не живши ни часу для своей супруги.

Горислава чрезъ долгое время была щастливою свидѣтельницею благополучія своихъ внуковъ и страданія *Циклодина*. Когда должность принудила ее возвратиться ко Двору *Обрадину*, обняла она *Остроила*, и преподала ему важныя наставленія, которыя сколько ни длинны были; не нанесли ему однако скуки. *Остроилъ* начерталъ оныя глубоко въ своей памяти. *Доброгѣва* и онъ обитая на лонѣ щастія, не упускали изъ виду благополучія своихъ подданныхъ. Они издали премудрыя узаконенія, которыя возвратили въ столицу ихъ Государства добродѣтели, изгнанныя прежде страннымъ вкусомъ къ роскоши; они любили, поощряли и награждали дарованія; а милости ихъ какъ бы возродили цѣлую толпу мужей, прославившихся во всѣхъ родахъ наукъ и достижествъ. Они наполнили мѣста правленія подданными просвѣщенными и разнесшими во всѣ части успѣхи въ наукахъ и художествѣхъ; вкусъ столькожъ щастливый, сколько и полезный, и производящій почти всегда

да въ государствѣ добрыхъ гражданъ, искусныхъ вельможъ и великихъ мужей.

Остроилъ всегда любилъ *Доброгнѣву*, и былъ любимъ ею не равно. Кольцо его учинилось бесполезно, и часы его не забывали ни разу во все время продолжительнаго его царствованія. Можно сказать, что пока былъ онъ на престолѣ Трансараранскомъ, не находилось въ свѣтѣ людей щастливѣйшихъ, кромѣ его съ *Доброгнѣвою* и ихъ подданныхъ.

Уклонъ кончилъ таковымъ образомъ свою сказку. *Изборъ* продолжалъ еще хохотать бѣдствию, претерпѣнію *Циклодою*; но слова *Славомира* мало по малу привлекли его вниманіе. Не осердись, дорогой *Уклонъ* (говорилъ онъ), что я хочу, какъ сшаришь, подать тебѣ нѣкоторое наставленіе. Выборъ твоей сказки очень хорошъ, она много содержитъ въ себѣ добраго; но названіе, съ которымъ предпріалъ ты разсказывать оную, непохвально. Если бы не поуждали тебя нѣкоторыя забавныя мѣста въ оной, ты бы никогда не счелъ достойнымъ труда занять ею на нѣсколько вечеровъ своего Государя. Но со всемъ тѣмъ (продолжалъ онъ, обратившись къ *Избору*), я съ часу на часъ нахожу сіе времени препровожденіе Вашего Величества полезнымъ. Нѣтъ повѣсти, ни сказки, которая не со-
дер-

держала бы какой ни есть здравой пищи для нашего разума; но надлежитъ только умѣть оною пользоваться. Сказки развращающъ умы тѣмъ, что чтецы, или слушатели, прилѣпляющъ только къ поверхностямъ, коиими Сочинитель желалъ прикрасить преподаваемое нравоученіе; а самое намѣреніе его пропускающъ мимо ушей. По моему мнѣнію Сказка господина *Уклона* содержитъ въ себѣ настоящую картину свѣтской жизни: кто захочетъ воспользоваться разсмотрънѣемъ оныя, много найдетъ полезнаго. Молодой человѣкъ, не искусившійся въ опытахъ, вразумится о состояніи нравовъ, занимающихъ въ большемъ свѣтѣ большую часть людей, родъ ихъ жизни и обыкновенія. Что надлежитъ до васъ, Всемилостивѣйшій Государь: вы, какъ Монархъ, можете употребить вмѣсто цвѣтсковъ *Гориславиныхъ* здравое разсужденіе съ безпристрастнымъ замѣчаніемъ; и тогда легко познаете свойства людей, васъ окружающихъ. Таковымъ средствомъ избавитесь вы отъ льстецовъ, получите на мѣста ихъ людей добродѣтельныхъ, кои донесущъ вамъ обо всемъ безпристрастно: тогда истинная слава окружитъ престолъ вашъ, и подданные ваши учинятся столькожъ благополучны, каковыми изображены народы, подерженные въ сей Сказкѣ престолу Траншаранскому.

— Это

— Это правда! (ошѣчалъ *Изборъ*) когда нибудь о семъ подумаю, Но чѣмъ ты думаешь (продолжая оны), о родѣ избранія на престолъ Трансараранскій. — О! что надлежитъ до сего (ошѣчалъ *Славомиръ*), оный ни куда не годится, кровнѣ государства, существующаго въ Сказкѣ Древляне въ семъ случаѣ благоразумнѣе другихъ народовъ, гдѣ нѣтъ права наследственнаго. Можешь ли на примѣръ челоуѣкъ которому позволено только въ жизни своей рубить лѣсъ такой, котораго не достанется во владѣніе его дѣтямъ, беречь оный? Хотя и владѣющій такимъ лѣсомъ, будетъ только вычищать сухія и загнившія деревья, добрыя растить и разводить отъ нихъ вновь, проча оный своимъ кровнымъ наследникамъ; а временной владѣтель вырубивъ его весь, и разпродавъ, деньги оставивъ дѣтямъ своимъ, вмѣсто того, на что они не имѣютъ права. — Хорошо! сказалъ *Изборъ*; о прочемъ поговоримъ мы съ тобою въ кабинетѣ, а шеперь *Голованъ* можешь еще продолжая свою повѣсть. Сей услышавъ объ томъ, началъ:

Продолженіе повѣсти о Вадимѣ.

Надѣюсь, что Ваше Величество (говорилъ Сказывальщикъ *Избору*, изволише напоминать,

ннѣ , что повѣсть наша остановилась на томъ мѣстѣ , гдѣ Кородевна Маркоманская хотѣла разсказывать *Брѣхиславъ* свое приключеніе: она начала оное въ слѣдующихъ словахъ.

Родительница моя , которая уже вторая супруга отцу моему , имѣла хотя осмерыхъ дѣтей , но нѣ всѣхъ сыновъ , по власти боговъ , осталось только двое , я и братъ мой *Аробатъ*. Не знаю я того , надлежитъ ли мнѣ считать за счастье , что я пережила другихъ моихъ сестръ. Братъ мой , *Аробатъ* , съ малолѣтства имѣлъ великую склонность къ военнымъ упражненіямъ и къ путешествіямъ. Когда снѣ окончалъ всѣ науки , приличныя его природѣ , испросилъ онъ позволеніе у родителя нашего сбѣжать страны сосѣдственныя и надлежащія другимъ славнымъ Государямъ. Однако прошло уже тому два года , какъ мы не имѣемъ объ немъ ни малата извѣстія.

Монкадо , другой братъ мой , рожденной отъ первой супруги отца моего , любимый родительницею больше собственнаго своего сына , когда увидѣлъ , что *Аробатъ* чрезъ призываніе къ наукамъ приобрѣлъ себѣ славу : порезновалъ тому , и началъ у того же учителя принимать наставленія съ великимъ успѣхомъ. Сей учитель назывался *Хобетъ* , былъ азъ вѣстнѣйшихъ дворянъ нашего Королевства , и за свои достоинства
воз-

возвышенъ онъ родителя моего въ первый чинъ Хранишеля Государственныя печати (*). Нравомъ бывъ онъ гордъ и злобенъ, и жестокой беецъ въ единобрствѣ. Онъ хитростію своею умѣлъ обольстить родителя моего, вкрасить въ его довѣренности: и для того остался здѣсь почти правителемъ Королевства; ибо родительница моя имѣетъ въ отсутствіи своего супруга только одну тѣнь власти.

За годъ предъ симъ прибылъ ко двору нашему нѣкоторой Князь, прекрасный собою, остроумной, пріятной въ обхожденіи, и которой сказывался быть изъ страны Свевовъ (**); но однако по назвѣнію его многіе въ томъ сомнѣвались. Сятобогъ (такъ назывался сей Князь) сказывалъ, что слава, разнесшаяся о превосходномъ успѣхѣ въ наукахъ брата моего, привлекла его ко двору нашему; но вскоре узнала я, что совсѣмъ другія причины къ тому его побудили. Онъ въ краткое время съ прибытія своего свелъ тѣсную дружбу съ братомъ моимъ Монкадомъ, однако главнѣйшее стараніе его относилось къ тому, чтобы мнѣ понравиться. Признаюсь, что не долго могла я противъ исканія его пребыть равнодушною; онъ узналъ

(*) Первой Министръ.

(**) Связи въ древности обитали въ Мекленбургѣ и Помораніи; что на Славянскомъ языкѣ значитъ поморье.

вѣла о взаимной моей къ нему любви. Родительница моя, проникшая въ тайну моего сердца, одобрила мою склонность, и не находя никакихъ видовъ, препятствующихъ къ заключенію союза съ Дворомъ Свевскимъ, позволила мнѣ считать *Святобога* женихомъ своимъ. Но совѣтъ другихъ расположений былъ отецъ мой: онъ хотя не находилъ страсть мою неприличною, но не хотѣлъ поддаться случаю *Святобогу* открыться въ намереніяхъ своихъ, пока не узнаетъ достоверно, подлинно ли онъ сынъ Государя Свевскаго.

Когда между тѣмъ основаніе чистой любви моей съ онымъ Княземъ положилось, злобный духъ выѣхался въ спутники нашего щастія, изливъ ядъ свой и учинилъ насъ несчастными. *Хобетъ*, возгордившійся успѣхами своего возвышенія и милостыни къ себѣ моего родителя, сочелъ, что онъ не меньше *Святобога* достоинъ искасть полученія меня въ супружество. Какъ хитрый придворный, проникъ онъ въ тайну того, для чего я стою холодною кажусь къ его исканіямъ, и издумалъ моего любезнаго Князя съ рукъ събить. Онъ не устращался вслухъ говорить, что по оказаніямъ имъ отечеству вассаламъ давно уже заслужилъ то, чтобы получить меня себѣ въ супруги; и что по знатной природѣ своей и богатству не стыдно ему быть Королевскимъ вассаломъ. Не открывая

Часть III.

Г

бже

еще истинныхъ своихъ намѣреній, внушалъ о Ъ отцу моему, что союзъ съ Княземъ Свейскимъ приноситъ отечеству больше опасности, нежели пользы; что близкая сѣмьяность Свейовъ съ Маркоманскими областями понудитъ *Святбоба*, если бы получилъ онъ меня въ супружество, стараться братьевъ моихъ согнать съ свѣту, и по томъ присоединить ихъ и сѣдѣ къ своей державѣ. Чрезъ таковыя внушенія его родителю моему, и впрочемъ не весьма благосклонный къ моему любезному, началъ еще болѣе оказывать отвращенія къ союзу, къ которому убѣждала его стараніемъ сасимъ мой родительница. Безпристрастіе *Хобетово* (ибо онъ никогда съ собою не упоминалъ ни слова, но всегда говорилъ, что онъ можетъ найти себя достойнаго зятя и кромѣ *Святбоба*) утѣрило родителя моего въ безпристрастіи его совѣствѣ. Онъ подтверждалъ мнѣ, чтобъ я имѣла впредь съ Княземъ Свейскимъ обхожденіе осторожное.

Между тѣмъ *Хобетъ* не жилъ правдою, и никто не подозревалъ, чтобъ былъ онъ непріателемъ моему любезному Князю: онъ безпрестанно выхвалялъ достоинства его, и превъсѣлялъ оныя предъ *Монкадовыми*. Онъ разумѣлъ, какъ хитрой челоуѣкъ, что такое все предпочтеніе родитъ въ братѣ моемъ зависть, легко удобную обратиться въ совер-

жесткую ненависть. Въ самомъ дѣлѣ про-
яки его совершили его ожиданіе: братъ мой
былъ весьма честолюбивъ, и не могъ сно-
сить, чтобъ кто нибудь имѣлъ предъ нимъ
преимущество; дружба его къ *Святобогу*
исчезла: онъ началъ убѣгать его, и развѣ
по необходимости вступалъ съ нимъ въ раз-
говоры. Хотя братъ мой и старался скры-
вать свои чувствованія, но *Святобогъ* ясно ви-
дѣлъ утрату его къ себѣ дружества; одна-
ко тщился поведеніями своими доказать его
несправедливость, такъ что онъ наконецъ
не столько суровымъ быль къ нему началъ.
Любовникъ мой не проникъ въ *Хобетовъ*
умыслы, и по тому не могъ оныхъ уни-
чтожить. Сей врагъ нашъ всегда примѣчалъ
за нами, и подкупя великими подарками *Бо-
ду*, мою комнатную служанку, зналъ не толь-
ко о назначаемыхъ свиданіяхъ, но и самъ
слыхалъ всѣ слова нашихъ разговоровъ. Въ
одно время, какъ назначили мы съ нимъ на-
единѣ переговорить о мѣрахъ, кои бы вос-
пріяты къ совершенію нашего благополучія,
въ одномъ пустомъ лѣшнемъ теремѣ Дворца;
онъ сѣдавъ объ томъ, привелъ моего роди-
теля въ такое мѣсто, откуда бы онъ
могъ насъ видѣть, а словъ нашихъ заслу-
шать не могъ. При семъ обстоятельстве
стараясь онъ родителя моего увѣрить, что
Святобогъ приводитъ меня къ несчастному

дѣлу; онъ не усмыслился, прибавить еще и клевету, будто бы онъ отъ вѣрнаго человека слышалъ, что *Святобогъ* имѣетъ умыслъ лишить жизни сына его *Монкада*, и что больше двухъ сотъ человекъ отъ него разосланы по сѣви, съ обѣщаніемъ великаго награжденія тому изъ нихъ, кто привезетъ къ нему голову Королевича *Арбата*. Таковыя клеветы довели отца моего къ ненависти родному моему возлюбленнаго Князя; запрещено ему появляться ко двору, и подтверждено, чтооь оставилъ наше государство. *Монкадъ* убѣжденъ былъ имъ разорвать съ нимъ дружбу; а я получивъ строгій выговоръ, выслушала и несноснѣйшее повелѣніе не говорить съ нимъ ни одного слова. Съ того времени не видала я моего любезнаго, и какъ бы невольница обитала заключенною въ тѣремахъ моихъ досадаго отбѣду къ войскамъ моего родителя.

Святобогъ, узнавъ о своемъ несчастіи, осмѣлился прийти къ *Монкаду*, брату моему, и заставъ онаго наединѣ, таковыми жалостливыми и убѣдительными словами принеся силу свое оправданіе, что подвигъ его къ слезамъ и совершенно увѣрялъ въ своей виновности. *Монкадъ* примирился съ нимъ, и стараніями своими донесъ родителя нашего усумниться въ натоворахъ *Хобетовыхъ*, и позволить *Святобогу* по прежнему являться при дворѣ своемъ. Не можно описать, сколько прируженія употребилъ *Хобетъ* для скрытія по-

по-

почувствованнаго ошъ того бѣшенства; влостъ его умножилась, и понудила къ новымъ выдумкамъ во вредъ нашъ.

Чрезъ два дни послѣ примиренія своего *Монкадъ* поѣхалъ съ *Святобогомъ* прогуляться въ горы, не въ дальнемъ разстояніи ошъ столицы нашей находящіяся. Нещасной вывадь! оный лишилъ меня брата, и подвергъ много возлюбленнаго крайнему бѣдствію. *Хобетъ*, проискивающій возвысить себя на престолѣ Маркоманскій чрезъ супружество со мною, охотно желалъ видѣть и брата моего и *Святобога* мертвыми; онъ на примиреніе ихъ взиралъ, какъ на препону къ своему щастію, и не пропускалъ случая, кошорый бы могъ принести пользу его намѣренію. Въ таковыхъ мысляхъ поѣхалъ онъ иѣсколько спуская въ слѣдъ за ними, взявъ съ собою многихъ вѣрныхъ себѣ дворянъ и воиновъ. Не извѣстна мнѣ, что въ самомъ дѣлѣ происходило, но слѣдствія оказались ужасныя. *Хобетъ* возвратился надѣ вечеръ, нѣтъ моего любезнаго Князя въ оковахъ. Посадивъ оного въ крѣпкую башню, предсталъ онъ родителю моему, неся въ рукахъ окровавленные лоскуты плаща *Монкадова* и саблю *Святобогову*, также обгащенную кровію. — Зри, Всемилостивѣйшій Государь! (сказалъ онъ родителю моему) нещасный опытъ доблестности твоей къ злому *Святобогу*. Сіе его

оружіе, пролившее кровь любезнаго моего сына! Слова сіи поразили родителя моего и вѣхъ насъ; онъ оказалъ всѣ знаки отчаяннаго челоуѣка, рвался, проливалъ слезы, позволялъ представить предъ себя убійцу, чѣмъ изрубить его въ куски собственными руками, по томъ удерживался и предава жестокій горести. По прошествіи первыхъ стреченій своей печали приказалъ онъ *Хобсту* рассказать подробностъ сего несчастнаго приключенія. — Мнѣ подозрителенъ показался (говорилъ сей злодѣй) выгдѣ вашего сына; пошому, что онъ отправился одинъ только прогуливаться въ горы съ своимъ извѣстнымъ мнѣ злодѣемъ, и по тому, что *Святобогъ* убѣждалъ его къ тому прилѣжными провѣбками. По сей причинѣ взявъ я съ собою нѣсколько вѣрныхъ людей, поскакалъ въ слѣдъ за ними; но по несчастію не успѣлъ предупредить моею погоней насильственную смерть свѣтлѣйшаго Королевича, моего Государя. Онъ какъ бы понуждаемъ былъ своею участью удалиться изъ глазъ моихъ съ своимъ убійцею. Однако, разбирая слѣды, достигъ я одного мѣста, на которомъ увидѣлъ вышоптанные слѣды кованыхъ лошадей, и во многихъ мѣстахъ пролитую кровь. Ужасъ предчувствованія моего объялъ всю душу мою, когда я увидѣлъ обогреченную кровію полу, плаща *Монкадова*, и доскушъ про-
чихъ

чихъ его одеждъ. Не сомнѣвался я, что злой Сзевъ напалъ на вашего сына, и происходило между ними жестокое сраженіе; а излитая кровь и куски одеждъ *Монкадовыхъ* подтверждали догадку о бѣдственномъ участи. Въ смертельномъ трепетѣ повхалъ я тѣдомъ, и видя, что по оному кровь доказывала, что злой *Святобогъ*, учертивъ вашего сына, везъ его тѣло для сокрытія въ какую нибудь пропасть. Я приказалъ бывшимъ за мною однимъ броситься во все стороны для сысканія тѣла, и съ прочими погнался по сѣдамъ за убійцею. Вскорости догналъ я его; онъ съ скривленною своею саблею пробирался прямо путемъ въ свое отечество. Какъ свойство всѣхъ злодѣевъ есть то, что они храбры только въ нечаянныхъ нападеніяхъ, равно и *Святобогъ* отдался мнѣ безъ всякаго сопротивления. Есть и удержалъ я ревностное мое мщеніе упитаться въ крови его, то не для чего иного, чтобъ получить онъ всенародно казнь за свое безчеловѣчіе; въ семь наивреминъ отдалъ я оного подъ крѣпкую стражу. Последнѣе отъ меня нашли только убитую сабельными ударами лошадь вашего сына, но тѣла его сыскать не могли, и видимо изъ того, что *Святобогъ* успѣлъ скрыть свое. Однако мученіа могутъ принудить его открыть мѣсто, и доставить нещастному

дшному сыну вашему приличное погребеніе. На сіе только ожидаю я повелѣнія; ибо впрочемъ не о чемъ изыскивать: видно, что онъ полагаясь на любовь къ себѣ вшедшей дочери, уповаѣ достигнуть престолоа Маркоманскаго; и для того оцѣдилъ на оный путь смертью дражайшаго вашего наследника. —

При семъ словѣ Изборъ приказалъ окончить сказываніе до слѣдующаго вечера. А какъ въ продолженіи многоаго времени, сей Государь при сказываніи въ вечерніе часы не дѣлалъ никаковыхъ замѣчаній на разсказываемыа ему повѣсти и сказки, равно и *Славомиръ*, испросивъ у Избора цѣлый часъ поутру на разговоры, къ его наставленію служащіе, не перебивалъ уже сказывальщикоа: то и не происходило въ вечернее время ничего примѣчанія достойнаго. Почему въ слѣдствіи сей книги не будуаъ сказки прерываемы ихъ разговорами; а означуаъ лишь вечера. Сочинитель принужденнымъ себя находитъ повиноватъся волѣиъ Читайшелей, кои не жауютъ таковыхъ перерывоаъ; онъ извиняетъ себя предъ друзьями, коимъ бы пришли оныа на вкусъ, иъкоторыми обстоятельствоми, принуждающими его поберегааъ бумагу.

Не извѣстно мнѣ (продолжала Марко-
нанская Королева), какое опредѣленіе учи-
нилъ родителъ мой надъ возлюбленнымъ мо-
имъ *Святобогомъ*; потому что несчастное
сѣ произшествіе столько меня огорчило, что
я впала въ опасную болѣзнь. По освобож-
деніи отъ оной узнала я, что *Святобогъ*,
окованный по рукамъ и ногамъ, брошенъ въ
железную тюрьму, приставленъ къ нему крѣ-
пкой караулъ, и послано ко Двору Свевско-
му посольство для истребованія наказанія за
его преступленіе. Однако уже больше полу-
года тому прошло, какъ посланцы въ Све-
вы не возвращаются; не извѣстно, живы ли
они, или не посажены ли въ ошпаду отъ
Свевовъ равнобрно въ шеницу. Между
тѣмъ злодѣи и разорители покоя моего *Хо-
бетъ* не преставаа подговаривать родителей
моему, чтобъ не азираа ни на что, казнить
Святобога придичною его злодѣйству смертію.
Несчастный мой любовникъ не былъ допра-
шиванъ, хотя требовалъ, чтобъ позволили
ему оправдаться, но онаго по проиcкамъ
Хобетовымъ отъ него не принимали. Од-
накожь нашеа оъ случай чрезъ помощь
шеничнаго пристава написать письмо къ
моему ошцу, въ коемъ столько доказалъ о

невинности своей и клеветѣ своего доносителя, что доносы ему учинилъ весьма сомнительными. Онъ предлагалъ между прочимъ, что не токмо не сдѣлалъ брата своему *Монкаду* ни малюго вреда, но и подалъ великую помощь отъ нападенія на него двухъ спирашныхъ медвѣдей; что сабля его обмочена въ крови одного изъ тѣхъ звѣрей, а не въ Королевичевой; что онъ не сомнѣвается, чтобъ *Монкадъ* живъ не былъ, и благополучнымъ возвращеніемъ своимъ не подтвердилъ истинны словъ его; потому что одинъ медвѣдь ими убитъ, а за другимъ израненнымъ и въ бѣгъ обратившимся погнался онъ; и что когда онъ управившись съ своимъ звѣремъ поскакалъ было на помощь къ *Монкаду*, остановленъ и взятъ подъ стражу по повелѣнію *Хобстосу*. Письмо его по волѣ родителя всего прочтено было вслухъ; однако мало принесло ему пользы. Какъ *Монкадо* чрезъ столь долгое время не возвращался, и не было отъ него ни малѣйшаго слуху, *Святобогъ* оспался въ своемъ вѣточеніи. *Хобстъ* досадуя, что непріятель его нашелъ способъ нѣкоторымъ образомъ обяснить свою невинность, сдѣлалъ строгое запрещеніе не токмо не давать ему чернилъ и бумаги, но и ни одного человека не допускать къ нему въ шемълицу. Мистіе вельможъ изъ ближнихъ со-

вѣш-

вѣшниковъ представляли родителю моему,
 чтобъ послать вновь ко Двору Свевск. му,
 а между тѣмъ облегчить неволю *Святобо-*
гову; поступокъ съ нимъ, говорили они,
 столько жестокъ, что въ послѣдствѣ на-
 влечетъ кровопролитную войну отъ Свевовъ,
 и тѣмъ больше опасную, что необходимая
 оборона принудитъ или раздѣлить силы,
 или отложить намѣреніе его на Квадовъ.
 Король, родитель мой, находилъ представле-
 нія ихъ основательныя, и готовъ былъ
 онымъ послѣдовать; но *Хобетъ*, узнавъ о
 томъ, всему во вредъ спешивалъ. Онъ под-
 говоривъ на сую сторону первенствующее
 дворянство въ Королевствѣ, и предста-
 вивъ онымъ предъ Королемъ, убѣдилъ его пере-
 мѣнить намѣреніе въ освобожденіи *Свято-*
бога изъ подстражи. Великой стыдъ (го-
 ворилъ онъ) нанесетъ то Маркоманамъ,
 когда они безъ отмщенія оставятъ смерть
 своего Королевича. Довольно и сего удовле-
 творенія для Свевовъ, естли Князю ихъ
 позволить право богатырское. Назначьте,
 государь! (продолжалъ онъ) полгода времени,
 чтобъ какой нибудь рыцарь выискался оп-
 раждать его противу меня мечемъ, или копъ-
 емъ; пошлите въ Спевы, можетъ быть вы-
 ищется тамъ защитникъ моему Князю; а я
 готовъ кровію моею сохранить честь моего
 отечества. Но съ тѣмъ однако условіемъ,
 чтобъ

чтобъ побѣдитель имѣлъ полную власть надъ
жизнію *Святобога*; также когда чрезъ
полюда не выщется никто къ защищенію
его, чтобъ онъ преданъ былъ моей волѣ.
— *Хобетъ* говорилъ сіе, надѣясь на ис-
ство свое владѣть оружіемъ, и успевая, что
въ разсужденіи храбрости его, никто про-
тиву его на единоборство не отважится.
Король, родитель мой, и весь Государствен-
ной Совѣтъ согласился на сіе представленіе;
посланы немедленно въ Свезы нарочные
гонцы съ объявленіемъ о семъ, равно и
во всемъ вашемъ Королевствѣ обнародовано.
Для сей-то причины *Хобетъ* остался здѣсь,
и не побѣжалъ за родителями моими къ вой-
ску. Онъ съ утра до вечера по всякой день
ходитъ около темницы *Святобоговой*, ожи-
дая противу себя вызывателя на поединкъ.
Уже меньше двухъ мѣсяцовъ ссѣлось сего
несчастнаго сроку, никто еще въ защи-
щеніе любимаго моего не выискался, и на-
конецъ должець онъ будетъ учиниться жер-
твою злобы своего совѣтника. Представля
себѣ, почтенный *Дакъ*, продолжала мнѣ (го-
ворящій *Врядислава*) Королева Маркоманская,
не справедлива ли печаль моя? Остается то,
сколько обижена честь моя державныхъ
Хобетомъ! не должна ли я сожалѣть о
страданіи невиннаго моего любовника? Ни-
когда не могу я помыслить, чтобъ столь-

ко

ко добродѣтельной человѣкъ могъ покуситься на жизнь моего брата. Но меня не допускають видѣться съ несчастнымъ моимъ любовникомъ; не должно ли это огорчать меня? Онъ терпитъ единственно для меня, и все преступленіе его составляетъ вѣрная любовь его ко мнѣ, препятствующая гордымъ *Хобетовымъ* намѣреніямъ. Недавно былъ здѣсь Сарматской волхвъ, у котораго я спрашивала: будетъ ли когда нибудь освобожденъ Князь *Святбобъ* изъ темницы? Онъ употребилъ свои волхвованія, принесъ мнѣ омаѣть: что сіе не прежде возпослѣдуетъ, какъ прощаникъ его побѣжденъ будетъ нѣкоторою Княжною. Я спрашивала у него дальнѣйшаго истолкованія; но онъ отрекся меня въ томъ удовольствоваться, ссылаясь на непреодолимое препятствіе судьбы. *Хобетъ*, узнавъ объ этомъ предсказаніи, поднялъ великой смѣхъ, и сказалъ, что его никакая другая Княжна побѣдить не можетъ, кромѣ Королевы *Цедальмы*; но и тогда не оружіемъ, а одною своею красотою. Но вѣдали бы какая нибудь дѣвкая и выискалась сразиться со мною, будетъ то для ускоренія погибели *Святбобовъ*. Въ самомъ дѣлѣ (продолжала она, окончивая рѣчь свою слезами), можетъ ли какая ни есть ратница изъ слабаго нашего полу одолѣть такого сильнаго единоборца, каковъ врагъ мой *Хобетъ*? не

Не извѣстно, какое собственно побужденіе воспалило (говорила *Брячислава*) тогда въ сердцѣ моемъ отважность: славлюбіе ли, коему подвержены всѣ смертныя, или ненависть, почувствованная мною къ *Хобету*, или слезы несчастной любовницы — Я помыслила, что сама люблю, и что могу быть столькожъ злополучна — словомъ сказавъ, я рѣшилась биться съ *Хобетомъ* за честь Маркоманской Королевы. Въ вѣтхое измѣненіе, говорила я ей: Свѣтлѣйшая Государыня! слова Сарматскаго волхва мѣгутъ быть толкованы двояко, и подають надежду, что печаль ваша получитъ щастливое окончаніе; онъ не сказалъ собственно, что съ рукъ дѣвицы произошло наказаніе *Хобету*. Ежели вы повелите и мушкетѣ вступиться за честь вашу, побѣда его произойдетъ отъ васъ, какъ пріизшедшая по вашему повелѣнію. Усердіе мое къ вамъ столько велико, что я за щастіе посчиту жертвовать моею жизнію къ пользѣмъ вашимъ. Готовъ я защитить невинность Князя *Святобога*, и наказавъ злость, дерзость и гордость *Хобетову*; готовъ я съ нимъ перевѣдаться, на чемъ онъ хочетъ! не сомнѣваюсь я, что боги, противящіеся гордымъ, помогутъ мнѣ въ таковомъ добромъ предпріятіи; надѣюсь, что рука моя соединитъ васъ съ вашимъ возлюбленнымъ, и истребитъ столь опаснаго врага вашего.

Блао-

Слова мои обрадовавъ Цедальму, при-
вели ее пришлоу въ смѣненіе; она посмо-
трѣвъ на меня съ изумленіемъ, отвѣстас-
вала: Великдушный иностранецъ! хотя не
сомнѣваюсь я въ вашей храбрости; но мо-
гу ли для пользы моей подвергнуть опас-
ности цѣлушіе дни вѣка вашего? подумайте,
что предпріятіе ваше дерзко. *Хобетъ* вѣсь
сильнѣе, слава оу искусства его въ едино-
борствѣ извѣстна во всемъ свѣтѣ — Чю
бы ни было, сказала я, прервавъ слова ея,
мнѣ нужно лишь ваше позволеніе, а впро-
чемъ да будетъ власть боговъ. — Отважность,
съ каковою произнесла я послѣднія слова,
исполнили надеждою сердце злочестной *Це-
дальмы*; она съ пролившимъ радостныхъ
слезъ передала судьбу свою въ мое защи-
щеніе.

Между тѣмъ, какъ прибѣгла она въ
капище бога ищителя (*), и жертвопри-
ношеніями старалась испросить его защище-
ніе: я пошла къ шемницѣ, уповая найти
близъ собой *Хобета*, по обыкновенію прожа-
живающагося. Въ самомъ дѣлѣ нашла я его
тутъ. Подступивъ къ нему и поздравивъ
съ презрительнымъ видомъ сказала я ему:
господниъ хранитель Государственной печати!
миѣ

(*) — Чернобогъ. Въ семъ званіи изображался
онъ вмѣсто желѣзныхъ вилъ держащимъ
замахнувшее къ пораженію копье.

мнѣ кажется, что не прилично вамъ своей
особою отъ правящихъ должностей шени-
ничнаго стража, позволите мнѣ избавить
васъ отъ таковаго непристойнаго званію
вашему труда. Я вѣсто васъ адѣсь оста-
нусь, а вы псдѣше вооружитесь и пригото-
витесь заплашить жизнь за вашу клевету
на незнаинаго Князя *Святобѣда*. — Мнѣ
жаль тебя, молодкосось! ошѣчалъ мнѣ *Хо-
бетъ* съ гордыми смѣхомъ; тебѣ пристой-
нѣ играть въ куклы, нежели ходитъ на
поединки. Но какъ безразсудная молодость
твоя привела тебя къ неслыханной дерзо-
сти прогнѣвать такового бѣгашыря, ка-
ковъ я, и хотя бы надлежало тебѣ запла-
тить за што своею головою! Но мнѣ инко
нстѣишь такому рабенку, каковъ ты. Поди,
и осшергайся впредѣ, чтобы не потерялъ
жизнь за прайдныя слова. Бѣги, и не осмѣ-
ливайся упоминашь про оружіе! — Само-
хвальство тебѣ не поможетъ, ошѣчала я;
бѣги ты самъ скорѣе вооружиться. Тебѣ
должно сей часъ принѣсти повинную въ без-
честной клеветѣ на Князя Савѣскаго; или
принять заслуженную казнь. — Слова мои
столько раздражали *Хобета*, что онъ за-
бывъ благопристойность, бросился ко мнѣ,
чтобы ударить меня рукою; но я уверну-
лась отъ сего, а онъ упалъ въ грязь; по-
тому что, какъ человекъ дебой, отъ про-
маху

наху не могъ на ногахъ удержаться. Я равсѣявшись, оставила его встать и пошла вооружиться. *Цедальма* прислала мнѣ добраго коня и доспѣхи; я снарядившись, выѣхала на ту площадь, въ углу которой находилась темница *Святобогова*. Тамъ нашла я *Хобета*, не помышляющаго о поединкѣ и продолжающагося обыкновенною гордою своею выстункою; однако новыя колѣія слова мои принудили его, исполнившись бѣшенства, итти вооружиться.

Слухъ объ нашемъ поединкѣ шопчасъ разнесся по всему городу: множество народа, по большой части ненавидящаго *Хобета*, сбѣжалось оного посмотрѣть. А какъ сія площадь, на которой мы сразимся, одною стороною примыкалась ко Дворцу, увидѣла я самую Королеву Марксманскую, подающую мнѣ изъ окна знакъ, чтобъ я подѣхала. Когда я оному повиновалась, Королева сказала мнѣ: окажи себя, великодушный витязъ, какъ надлежитъ храброму Славянину, и ожидай себѣ за то онѣ насъ великаго награжденія. Всемилоствѣйшая Государыня! отвѣчала я; награжденіе мое слава; больше сего я не требую. Рѣчь моя заслужила всеобщее рукоплесканіе. Между тѣмъ *Хобетъ* выѣхалъ въ полномъ вооруженіи; онѣ не долго разгорячая коня своего, остановился, и давая мнѣ знакъ копьемъ, кричалъ: готовься, мать-

Ч а с т ь III.

Д

чин-

чишко, принявъ достойную казнь за свою дерзость! Я не отвѣчалъ ему, заняла такое мѣсто, съ котораго бы мнѣ выгодно было напасть на него. Мы напали съ жестокою отважностію другъ на друга; но щастіе сверхъ ожиданія моего доставило мнѣ скорую побѣду. При первомъ сбѣздѣ, *Хобетово* копье скользявшись объ мой щитъ, отскочило въ сторону; а мое вонзавшись подъ латы прошло навывѣтъ сквозь его чрево, и повергло его мертва на землю. Онъ еще щастливъ былъ тѣмъ, что скоро умеръ, и не слышалъ радостныхъ восклицаній отъ народа, веселящагося объ его смерти.

Ахъ, прекрасная *Брякислава*! (вскричалъ *Вадимъ*, которой слушалъ ея повѣствованіе съ такимъ чувствованіемъ, какъ бы самъ былъ зрителемъ сраженія) едва я отдохнулъ; отважность ваша заслуживаетъ похвалу отъ всего свѣта, кромѣ одного любовника и супруга вашего. Для всѣхъ *Цедальмъ* и *Святобоговъ* на свѣтѣ не хотѣлъ бы я видѣть и одинъ палецъ вашъ въ опасности. Вы простите мнѣ, что оминѣю объдаюсь я не спускаю васъ съ глазъ моихъ, дабы во всякомъ случаѣ мѣшавъ вашему сердцу заниматься какимъ нибудь богатырскимъ чувствованіемъ, опричь любви. *Брякислава* отвѣчала ему на это поцалуемъ, и продолжала повѣсть.

Не-

Ненависть народная къ *Хобету* простиралась до того, что едва успѣла я кончить поединокъ, какъ со всѣхъ сторонъ бросилось больше ста человѣкъ, кои сорвавъ съ него латы, разтерзали его трупъ. Между прочими одинъ Маркоманскій воинъ подавалъ мнѣ его саблю и великой цѣны бывшій на рукѣ его перстень: принявъ первую, и удивляясь безкорыстію Маркоманца, ошговаривалась отъ послѣдняго: однако убѣждена была принять оный; ибо воинъ говорилъ, что никто не долженъ владѣть тѣмъ перстнемъ, кромѣ побѣдителя. Я взяла оный на большой перстъ, хотя *Хобетъ* нашивалъ его на мизинцѣ. Этому же воинъ подаль мнѣ ключъ отъ *Святобоговой* шеницы, которой *Хобетъ*, не имѣвъ ни къ кому довѣренности, носилъ въ своемъ карманѣ. Принести благодарность безсмертнымъ за ниспосланную отъ нихъ побѣду, намѣрилась я не выдавшись еще съ Королевою, освободить изъ шеницы Князя Свевскаго. Сошла я по нѣсколькимъ ступенямъ въ мрачной погребъ, гдѣ *Святобогъ* лежалъ въ шажкихъ оковахъ. Онъ находился въ такихъ горестныхъ размышленіяхъ, что не слыхалъ, какъ я вошла, и не прежде опомнился, какъ я сказала ему: обрадуйтесь Князь Свевскій! участь ваша переимѣнилась; *Хобетъ* побѣжденъ. Услышавъ это, всталъ онъ, и вскричалъ:

А я

но

по этому справедливо предсказаніе Сармашскаго волхва, о коемъ сказывалъ мнѣ шемничный приставъ! — Ахъ, Свѣтлѣйшая Княжна! (продолжалъ онъ) не знаю, чѣмъ заслужишь вамъ за таковое одолженіе. Слова его привели меня въ замѣшательство; я подумала, что онъ узналъ мой полъ. Однакожь скорѣ разсудивъ, что *Святобогъ* въ мрачности шемничной не разсмошрѣлъ меня и счелъ за *Цедальму*, сказала ему: вы говорите не съ Княжною, но съ иностраннымъ мужчиною, которей по повелѣнію Свѣтлѣйшей Королевы, *Цедальмы*, за васъ бился, и пришелъ снять незаслуженныя вами оковы. Съ этимъ словомъ разомкнулъ я замки, и освободилъ его. Между тѣмъ какъ выходили мы вонъ, спрашивалъ онъ у меня, гдѣ теперь *Хобетъ* находится? Онъ низшелъ во адъ, отвѣчала я, бывъ заколотою мною на поединкѣ; вотъ его и сабля лежишь при дверяхъ! *Святобогъ* оглянувшись, осмошрѣлъ саблю, схватилъ оную и напалъ на меня, вскричавъ: кто бы ты ни былъ, но ты причинилъ несносную обиду моей возлюбленной *Цедальмѣ* тѣмъ, что отнял у нее побѣду надъ *Хобетомъ*; честь ея дороже мнѣ моей собственной: и для того заплашишь за это свою жизнь! — Я подумала, что онъ отъ нещастія своего въ умѣ повредился: и для того отсту-

снупила нѣсколько шаговъ назадъ, но наконецъ бѣшенство, съ каковымъ онъ нападалъ на меня, принудило меня къ оборотѣ; можетъ бы сраженіе наше имѣло несчастное послѣдство, когдабъ придворные Маркоманскіе прибѣжавъ, не развели насъ. *Святобогъ* принужденъ былъ итти во Дворецъ, для лучшаго оправданія своего предъ Королевою; однакожь отходя, каяся мнѣ, что не пропустишь искашь случая или самъ погибнуть, или опмститься надъ моею головою своею обиду.

Я заключила, что неприлично будетъ мнѣ итти туда, гдѣ мой непріятель, и что въ противномъ случаѣ нанесу огорченіе Королеви *Цедальмѣ* таковою враждою. Я не могла постигнуть причины, за что *Святобогъ* вмѣсто благодарности учинился мнѣ смертельнымъ непріятелемъ, и пошла въ домъ назначенный мнѣ для жилища; я рѣшилась оставить королевство Маркоманское. Однако не успѣла я снять мое вооруженіе, какъ два спальника придворныхъ пришедъ, просили меня именемъ Королевы къ ужину. Не можно было мнѣ отговориться; я предстала къ Королевѣ, и выслушала великую благодарность и похвалу. *Цедальма*, обрадованная освобожденіемъ своего любовника, не знала, чѣмъ изъяснить мнѣ свое признаніе; она бросилась мнѣ на шею, поцаловала, и

называя меня своимъ другомъ, избавителемъ, и всѣми другими именами, привела въ себя своего любовника. Онъ и безъ того чувствовалъ ревность ко мнѣ, но одному только знакомству моему съ Королевною; но тогда утвердился въ подозрѣніи своемъ, и забывъ благопристойность, началъ меня ругать весьма колкими словами. *Цедальма* взирала на него со изумленіемъ; а я къ прежней обидѣ получилъ новую, приказывала ему грубымъ голосомъ замолчать, и вспомнить, въ каковомъ находился онъ мѣстѣ. Сіе довершило его досаду; онъ вызывалъ меня на поединокъ, и назначилъ мѣсто. *Цедальма* раздражена была таковою неблагодарностію его ко мнѣ; она припомнила ему о должностіи къ своему избавителю, принуждала просить у меня о прощеніи, и въ досадѣ грозила разорвать съ нимъ всѣ обязательства, еслии онъ того не исполнитъ. Слова ея хотя имѣли надъ нимъ дѣйствіе, хотя онъ извинялся предо мною, но съ великимъ принужденіемъ, и ненависть ко мнѣ блистала въ его взорахъ. По окончаніи сего оставилъ я ихъ, пошелъ къ Королевѣ, чшобъ не подать причину къ новымъ беспокойствамъ; я внутренно прощала *Святобогу*, понимая о суетной его ко мнѣ ревности, и надѣялась освободить его отъ сей мучительной страсти скорымъ

жонимъ отъѣздомъ. Въ то время, какъ находилась я у Королевы, и какъ похаалы придворныхъ принуждали меня до нѣсколь-ка разъ закраснѣться, прибылъ отъ *Марободуна* гонецъ. Письма, привезенныя къ его супругѣ, извѣщали, что сынъ его *Монкадо*, цинпаемый за убившаго отъ *Святобога*, прибылъ къ нему въ войска; что онъ увѣдомилъ его о измѣнѣ *Хобетовой*, которой приказавъ своимъ посланнымъ, для мнимаго ошысканія тѣла его, схвативъ Королевича отшвезти въ свой замокъ и посадить въ шемницу; что *Монкадъ*, сидѣвъ въ оной въ великомъ изнуреніи, нашелъ наконецъ средство избавитъ, и узнавъ о присутствіи родитела своего въ войскахъ, прибылъ къ оному; *Марободунъ* наконецъ повелѣвалъ освободить Князя *Святобога*, просить у него имѣнемъ своимъ прощенія, а *Хобета* оковавъ по рукамъ и ногамъ посадить въ шемницу, въ ожиданіи заслуженной имъ казни. Извѣстіе сіе приключило великую радость. *Святобогъ* призванъ былъ къ Королеви, выслушалъ извиненіе, прочиталъ письмо, доказывающее его невинность, и оканчивая вскричалъ: злополучной для меня день! надлежало, чтобъ невинность моя обнародовалась тогда, какъ я за свободу мою обязанъ храбрости ненавистнаго мнѣ чело-вѣка! Такое восклицаніе непріятно бы-

до для Королевы, придворные начали перешепываться, угадывая того причину; старые вельможи почти вслух роптали, а я улыбуясь, молчала. Королева старалась узнать причину; я отговорилась тѣмъ, что оной не постигаю; однако она убѣдила *Свято-бога* оставить все, естли бы и имѣлъ онъ причину ненавидѣть меня. Казалось, что онъ успокоился; вечеръ прошелъ весело, и когда Королева хотѣла удалиться во внутреннія покои, испросила я у нее позволенія переговорить съ нею наединѣ; она позволила на то. Я представила сей Государынѣ обстоятельство, принуждающія меня оставить дворъ Маркоманской, и просила дозволенія отбѣхать тайно. Ваше Величество! (продолжала я) можете легко усмотрѣть, что замедленіе мое, кромѣ собственныхъ моихъ нуждъ, можетъ произвести непріятныя слѣдствія для вашихъ намѣреній. Не безвѣстно мнѣ, что Князь Свевскій имѣетъ надежду вступить съ вами въ родство: я по несчастію навелъ ему подозрѣніе, и ревнивый нравъ относитъ въ противную сторону милости ко мнѣ Свѣдѣвшей вашей дочери; и такъ удаленіе мое возстановитъ спокойствіе въ душѣ его. Королева не могла не похвалить великодушнаго моего, по мнѣнію ея, намѣренія; сожалѣла, что такъ худо мнѣ объяснено; предлагала награжденія,

чи-

чины, и уговаривала меня; чтобы я отбѣхалъ къ ея супругу; но по отговоркамъ моимъ позволила въ моемъ предпріятіи. Она одаривъ меня щедро, приказала отправить для препровожденія моего до границъ двадцать четыре всадника изъ шблохранителей, и возобновивъ благодаренія за мою услугу, пожелала мнѣ щасливаго пути.

Я приказавъ моимъ проводникамъ быть въ готовности къ отшествію на разсѣтъ дня, готовилась уже лечь въ постелью для отдохновенія послѣ понесенныхъ трудовъ: какъ сказали мнѣ о прибытіи оруженосца *Святобогова* съ письмомъ. Въ ономъ сей ревнивый Князь вызывалъ меня на поединокъ, называлъ меня разрушителемъ своего покоя, и доказывалъ причины пристойныхъ войны только въ поврежденную голову, по которымъ онъ не можетъ заключить брака съ *Цедальмою*, пока я жива. Онъ кончилъ тѣмъ, что лице мое, весьма сходствующее на смертельнаго врага его, было побужденіемъ къ нападенію на меня при освобожденіи его изъ темницы, и что увѣрившись въ подовѣрніи своемъ, мѣшающемъ его любви, долженъ онъ удовлетворить своей ко мнѣ ненависти. — Прочитавъ письмо, не могла я удержаться отъ смѣху; ошибка *Святобогова* къ оному меня принуждала, и думаю, что самъ бы онъ отъ того не удержался, когда бы вѣдалъ о

моемъ полѣ, я удалена была удовлетворить его заблужденію, и рѣшась уѣхать, приказала оруженосцу сказать ему, чѣмъ онъ дожидался меня по возхожденіи солнца позади придворнаго саду. Оруженосецъ отшелъ: я спокойно заснула, и пробудась очень рано отъ правилась въ путь мой, не предвидя приключенія, нанесшаго мнѣ немалое огорченіе.

Уже больше десяти верстъ удалилась я отъ столицы Маркоманской, какъ спутники мои увидѣвъ скачущихъ за нами двухъ верховыхъ, меня о томъ уведомили. Былъ то *Святобогъ*, послѣдуемый своимъ оруженосцемъ. Онъ шестню дожидавшись меня на назначенномъ мѣстѣ, вышелъ изъ терпѣнія, приѣхавъ въ тотъ домъ, гдѣ я жила, и сѣдавъ объ моемъ отѣздѣ, погнался за мною. Онъ приближаясь, кричалъ мнѣ: остановись, подлый прусъ! сами боги не укроютъ тебя отъ моего мщенія. Слова сіи принудили меня остеречься; я приготовилась къ оборонѣ, и повернувъ коня ожидала его. Защищайся! кричалъ онъ мнѣ, обнаживъ мечъ свой. Я старалась привести его въ разсудокъ, представляла ему неосновательность причинъ, принуждающихъ его меня ненавидѣть, и убѣждала возвратиться съ покоемъ къ прекрасной своей *Цедальмъ*; но онъ ничего не слушалъ, и бросился на меня какъ бѣшеной.

Тѣ.

Гвлохранишени, меня провожавше, хотѣли
удержать его; но я то запретила имъ, и при-
знаюсь, что наконецъ раздражена была его
неблагодарностію и бранью. Мы начали драсть-
ся; запальчивость его мѣшала ему меня ра-
нить, всѣ удары его упали на мой щитъ.
Я легко могла бы умертвить его; но сожа-
лѣя *Цедальму*, старалась щадить его всѣми
мѣрами, и хотѣла лишь ранить ему руку,
чтобъ привести не въ состояніе продолжать
битву; но боги иное опредѣлили. Онъ взявъ
въ обѣ руки мечъ, хотѣлъ сильными уда-
ромъ разрубить мнѣ голову, или по крайней
мѣрѣ щитъ мой, но я уклонилась; онъ про-
макнулся, и отъ жестокаго размаху пошат-
нувшись, наткнулся на мой мечъ, который
попавши въ сшивку брони, пронзилъ его на-
сквозь. Онъ упалъ съ коня; оруженосецъ его
то увидѣвъ, обратился въ бѣгство. Я не имѣ-
ла причины останавливать его, и приказала
моямъ проводникамъ подавать всевозможную
помощь несчастному *Святобогу*.

В Е Ч Е Р Ъ XXIX.

Попеченія мои были безплодны ; рана несчастнаго моего непріятеля оказалась смертельна. Воги ! вопіала я съ жалостию ; какой случай ! какое извѣстіе для влочастной любовницы ! Ахъ, *Цедальма* ! для чего прелестны твои не могли убѣдить къ повиновенію тебѣ *Святобога* ! Онъ не былъ бы жертвою своего заблужденія и неосновательной ревности ! — Услышавъ слова мои умирающій Князь, собравъ остатки силъ своихъ , подавалъ мнѣ знакъ рукою , чтобъ я подошла къ нему , и говорилъ мнѣ слѣдующее : боги наказали меня своею рукою въ казнь за мои пороки. Не жалѣй о *Цедальмѣ* ; она избавилась отъ сѣтей, мною ей пріуготовленныхъ. Умирая, не имѣю уже причинъ скрываться : внай, что я не *Свевъ*, но *Раславъ*, сынъ Князя Квадскаго , и заклывшійся врагъ дому *Марободунову*. Я намѣренъ былъ обмануть *Цедальму* ; и если бы того не удалось, увезши ее, и обезчестивъ лишить жизни. Предпріятіе мое отерочено было до начатія войны, которую Король Маркоманскій готовился объявить моему родителю ; я остался для вывѣдыванія при Дворѣ его ; въ самой темницѣ получалъ извѣстія , и велъ переписку

съ

сѣ отцомъ своимъ помощію шеничнаго над-
зирателя; онъ сей оруженосецъ мой, и об-
ратился въ бѣгство за шѣмъ, что шайна его
можетъ открыться изъ писемъ, находящихся
въ моихъ карманахъ. Но чѣмъ вы знали, ка-
кая причина привела меня ко Двору *Маробо-*
дунову, должно васъ уведомить, что я по-
хищилъ въ Волгарахъ Княжну *Предславу*, вну-
ку *Марободунову*, рожденную отъ дочери
его *Асамры*. Она нашла случай спастись съ
карабля моего ночью въ малой лодкѣ; я
искалъ ее по всѣмъ Государствамъ Славян-
скимъ, и не нашедъ прибылъ въ Маркома-
ны, уповавъ получить объ ней извѣстіе. Ме-
жду шѣмъ почувствовалъ я нѣкоторую склон-
ность къ *Цедальмъ*, и остался въ сказан-
номъ мною намѣреніи подъ прикрытіемъ ния-
немъ. Ненависть моя къ тебѣ родилась не
столько отъ ревности, какъ по сходству тво-
ему больше онъ не могъ сказать;
смерть остановила языкъ его. — Ахъ, лю-
безная *Брячислава*! вскричалъ *Вадимъ*; въ-
даешь ли вы, кто былъ сей *Раславъ*? Это
смертельный врагъ брата вашего *Арпада*, и
о семъ то сходствѣ, которое вы къ нему
имѣете, упомянулъ мнимый *Святобогъ* уми-
рая. Послѣ сего рассказалъ онъ ей приключе-
нія *Арпадовы*, такъ какъ описаны оныя въ
первой Частии сихъ Сказокъ. Зрите мщеніе
Соговъ (продолжалъ *Вадимъ*, окончавъ сію
пе-

повѣсть), они наказали обиду, причиненную имъ
вашему брата, рукою вашею. Я вижу изъ
сего нѣкоторое опредѣленіе судьбы, что домъ
вашъ назначенъ, бытъ полезнымъ дому Вол-
гарской Княгини: вы освободили отца ея
Марободуна отъ опаснаго непріятеля, и от-
пустили хищнику его внуки. Я предчувствую,
что *Арпадъ* найдетъ свою любезную *Пред-
славу* и будетещъ щастливы. По нѣкоторыхъ
другихъ подобныхъ симъ разсужденіяхъ *Бря-
кслава* продолжала:

Письма, найденныя въ карманахъ *Расла-
вовыхъ*, содержали многія злоумышленія, кро-
мѣ тѣхъ, въ коихъ онъ самъ признался; отецъ
его совѣщавъ ему истребить *Марободуна*
со всемъ его домомъ, и естъли шо удасться,
пощадишь только одну *Цедальму*, чтобъ
женясь на ней пріобрѣсть престолъ Марко-
мянскій. Я ужаснулась узнавъ, каковая опас-
ность угрожала Двору Маркомянскому. Отца-
да сѣи письма начальнику моихъ проводниковъ,
приказавъ оныя тайно вручить самой Коро-
леви, и пересказать, что слышалъ онъ самъ
изъ устъ умирающаго *Раслава*. Я отпусти-
ла всѣхъ шлохранишелей, вознамѣрившись
для лучшаго сокрытія моего пола путеше-
ствовать одна. Путь мой направленъ былъ
въ мое отечество, и надлежало мнѣ необ-
ходимо проѣзжать чрезъ страну *Вастарцовъ*.
Опасность, претерпѣнная мною тамъ отъ раз-
бой-

Бойниковъ, не удержала меня; я желала сѣдовать ближайшимъ пушемъ. Дорогою занималась я размышленіями о несчастнѣйшей *Цедальмъ*; огорченіе ея о смерти хотя невѣрнаго, но страстно любимого ею *Раслава*, представлялось живо въ мысляхъ моихъ: въ самомъ дѣлѣ не перенесла она своего несчастія: я увѣдомилась въ пограничномъ Миркоманскомъ городѣ, что дошелъ слухъ шуда о кончинѣ ея, произведенной въ отчаяніи собственными ея руками. Оплакивала я судьбу несчастной сей Королевы; но не знала тогда, что участь готовитъ мнѣ извѣстіе, отъ котораго источникъ слезъ никогда не изсякнетъ. Вступивъ въ страну Вастарискую, встрѣтилась я съ *Раймиромъ*, однимъ изъ сошниковъ тѣлохранищелей родителя моего. Онъ узналъ меня, и сообщилъ мнѣ о несчастной кончинѣ родителя моего и о покореніи Римлянами моего отечества. — Слезы, при семъ напоминаніи полившіяся изъ очей *Брячиславичихъ*, остановили слова ея. *Вадимъ*, утѣшая ее, самъ плакалъ. *Оэана*, какъ женщина, не пропустила сего случая и соединила свои; *Бурноей*, какъ любовникъ ея, приспалъ къ нимъ, и сказывающъ, что слезы были тогда съ роду въ первой разъ на лицѣ его. Плачевной сей концертъ кончился восклицаніемъ *Брячиславы* къ *Вадиму*: вотъ, любезный Князь! приданое, которое ты за мною получаешь!...

Но

Но когда [продолжала она] нашла я тебѣ; когда живѣ брашъ мой, я забываю все мое нещастіе. Разговоры опчасу становились не такѣ унывыи, печаль загладилась поцалуями, и *Брячислава* продолжала свою повѣсть, — *Райміръ*, о которомъ я упоминала, и которой за нами слѣдуетъ подѣ иманемъ моего оруженосца, былъ проводникомъ моимъ въ странѣ Вастарнской. Шествуя нѣскольکو дней, прибыли мы къ воротамъ одного замка. Близъ живущіе земледѣльцы сказали мнѣ, что въ этомъ домѣ не очень давно случилось страшное происшествіе, при которомъ три дворянина съ ихъ служителями умерщвлены были, и что сраженіе происходило за дѣвицу, госпожу онаго замка. Они уведомили меня при томъ, что дѣвица сія живеть во всечасномъ страхѣ и великомъ уединеніи. Состояніе ея показалось мнѣ достойно сожалѣнія, и нѣскольکو сходственно съ моимъ въ разсужденіи безпомощнаго одиначества. Я рѣшилась увидѣться съ нею и заключить съ нею дружество; ибо между нещастными бываетъ всегда взаимственное приращеніе. Мы нашли ворота замку ея крѣпко заперты, и по многомъ стучаніи вышла къ намъ служанка. По прозвѣ мсей о дозволеніи видѣться съ ея госпожею, ходила она докладывать, и наконецъ возвратилась съ пашью

во-

Часть III.

«крышныи ниянами, и всюду носилъ печаль
 въ сердцѣ о своемъ уронѣ. Онъ ни въ она
 валь великое одолженіе: храбростію своею
 избавилъ отъ смерти, и защитилъ отъ недо
 стойнаго человека, которой искалъ обмануть
 меня и завладѣть моими малыми имѣніемъ.
 Не могу я изобразить вамъ, любезной *Вадимъ*
 (продолжала *Брячислава*) сколько обрадо
 вана была я таковымъ извѣстіемъ. По
 препровожденіи нѣсколькихъ дней въ ея зам
 кѣ, въ которые безпрестанно занимались
 мы разговорами объ нашихъ любовникахъ,
 въ которые *Озана* оплакивала ослушеніе сво
 его возлюбленнаго *Бурновелъ*, заключили мы
 соединить наши несчастія, и странствуя по
 свѣту погибнуть, или сыскать особъ столь
 ко намъ любезныхъ. Мы собрались въ путь
 нашъ, которой назначили мы ко Двору По
 лянскому; ибо *Озана* слышала объ намѣре
 ніи вашемъ (говорила она *Вадиму*) быть
 тамъ. Уповали мы развѣдать въ Вандавъ
 столичномъ городѣ Полянскомъ, куда мы
 предпріали путь вашъ; а *Озана* чаяла услы
 шать тамъ о своемъ возлюбленномъ *Бур
 новелъ*, какъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ пре
 провождалъ онъ многое время. *Озана* писа
 ла къ своему брату, находившемуся тогда
 въ столицѣ Вастариской, чтобы принялъ онъ
 извѣстіе ея въ свое покровительство, открывъ
 при томъ причину своего удаленія изъ оне-

честна. Мы одѣлись обѣ въ богатырское одѣяніе, запаслись на дорогу деньгами, и взявъ съ собою вооруженнаго служителя, поѣхали сами-четверты въ Полянню.

Тамъ развѣдали мы о славѣ вашей и успѣхахъ *Бурновсскихъ* на богатырскихъ поѣздахъ; ибо по описанію узнала я, что *Плаковонецъ Декевала*, отца моего, не иной кто былъ, кромѣ моего возлюбленнаго. Мыспрашиванія о пуши вашемъ вели насъ по слѣдамъ вашимъ въ Ясы, и отсюда въ область Князя Сусольскаго. Мы намѣрены были ѣхать ко Двору его, но сіе предпріятіе остановилось чрезъ встрѣчу нашу въ густомъ лѣсу, когда я избавила моего *Вадима* при опасномъ сраженіи съ двумя медвѣдями за сусольскую Княжну. Я уже слышала, что при Дворѣ Сусольскомъ находящся при богатыря, изъ коней къ одному Княжну оказываетъ ошмѣнную благосклонность; услышала также, что Князь и Княжна съ оными богатырями на охотѣ: когда же встрѣтилась съ вами, и узнала я васъ, равно и Княжну по богашому ея одѣянію, сердце мое почувствовало ревность. Красота Княжны, ваши попеченія обѣ ней, и образъ, конемъ приносили мнѣ благодареніе за избавленіе ея отъ опасности, ушвердили меня въ мысляхъ, что я испребилась уже изъ сердца моего *Вадима*. Каковое ни чув-

ствовала я тогда мученіе, но со всемъ тѣмъ
 не лишилась надежды, что вы узнавъ ме-
 ня, вспомните о данныхъ мнѣ клятвахъ, и
 возвратите прежнюю нѣжность, кошорая мо-
 жетъ бытъ ослабѣла отъ ложнаго мнѣнія
 объ моей смерти. Я готова была открытъ-
 ся вамъ, но когда вы отдали мнѣ, не
 узнавъ меня, томъ перстень, коимъ я съ ва-
 ми обручалась: подозрѣнія мои утвердились,
 отчаяніе мое возшло на верхъ крайности, и
 я ссчтя васъ вѣроломнымъ, признала за
 недостойнаго. Ревность вызвала меня изъ
 себя, когда вы, бросаь къ Княжнѣ Сусоль-
 ской, начали оказывать таковыя попеченія,
 на кошорыя подозрѣвающей любовницѣ не
 можно взирать равнодушно. Чтوبъ избавить-
 ся отъ таковаго прошивнаго позорища, ска-
 зала я Озанѣ, отведши ее къ сторонѣ: ты
 видишь крайность моего нещастія; оста-
 вимъ сіе ненавистное мѣсто и поѣдемъ ку-
 да глаза глядятъ! Съ этимъ словомъ сѣли
 мы на лошадей, поскакали мы прочь, и
 надвечеръ прѣехали въ нѣкоторое Сусоль-
 ское селеніе. Проведенная въ ономъ ночь
 была для меня несказанно мучительна. Мыс-
 ли мои уподоблялись волнуемому отъ же-
 стокыхъ и переменныхъ вѣтровъ морю.
 Любовь, досада, ревность, сожалѣніе и
 печаль, сражались въ моемъ сердцѣ. Сле-
 зы то проливались, то останавливались въ
 гла-

глазахъ моихъ. Должно признаться, что тогда въ первый разъ ощутила я жестокость любви и весь ядъ ревности. Тщетно любезная моя *Озанд* старалась совѣсами своими разгонять грусть мою, и ободрять меня представленіями объ томъ, что можешь бытъ минимая смерть моя учинила любовника моего непостояннымъ, и что сего не можно счесть за изиѣну, а надлежитъ открыться; я ничего не слушала. Больше двѣнадцати разъ срывала я съ руки моей обручальной томъ перстень, хотѣла растоптать его ногами, но опять вспоминая, на чьей рукѣ онъ былъ, цаловала оный съ пролисіемъ слезъ, и обратно возлагала на мой палецъ. Словомъ сказать, состояніе мое тогдашнее можешь понятию бытъ только челоѣку, испытавшему подобныя моимъ страсти: ревность есть изъ всѣхъ жесточайшая, и уподобляетъ челоѣка сумасшедшему. Крѣпкій сонъ послѣдовалъ по томъ и успокоилъ на нѣсколько терзаніе души моей. Проснувшись, рѣшилась было я написать письмо, въ которомъ готовилась укорить тебя, любезной мой *Вадимъ*, въ непостоянствѣ, увѣдомишь тебя, гдѣ я нахожусь, и ожидаешь, какія разположенія принудитъ меня взять отвѣтъ твой. Однако какъ сидѣла я въ сихъ размышленіяхъ подъ окномъ, увидѣла я двоихъ богатырей, ѣдущихъ по улицѣ, изъ коихъ одинъ

казался быть въ великой печали. Но сколько возтрепешало мое сердце, когда узнала я въ немъ моего любовника и супруга! Печаль его сочла я за грусть по Сусольской Княжнѣ, но не понимая, отъ какой бы причины она произошла. Ревность моя внушала мнѣ сумасбродныя воображенія, и лишь только усугубила досаду и ненависть. Я готова была тогда лишиться своими руками жизнь того *Вадима*, за коего бы спокойство прежде сего гошова была тысячекратно пожертвовать моею собственною. Въ семъ смятеніи чувствъ примѣшила я томъ домъ, въ которомъ вы ночевали разположились, заключила погибнуть отъ руки вашей, вызвавъ васъ на смертной поединокъ въ столицу ненавидящаго васъ брата; ненависть моя не могла тогда щадить моего любезнаго, и подвергая его опасностямъ, находила удовольствіе въ томъ, что ошлучу его отъ моей соимѣстницы. Въ шаковомъ намѣреніи написала я къ вамъ то письмо, которое нашли вы при обитіи оружія; и какъ я писала оное отъ лица мушны, то не удивительно, что сочли вы оное за почеркъ руки брата моего *Арпада*, которой съ мной очень сходенъ. Дождавшись полночи, намѣрилась я опустить письмо сама, и вошедши съ осторожностію въ томъ покой, гдѣ спалъ мой любовникъ, въ послѣдній разъ

маѣ взглянуть на него. Озана хотя не вѣ-
 дѣла о томъ, что любезной ея находится
 и вѣстѣ съ *Вадимомъ*, но узнавъ мое наиѣ-
 сненіе послѣдовала за мною. Мы назывались
 мужишками вашими: и по тому безпрепят-
 ственно впущены были ховякомъ. Мы на-
 шли васъ въ крѣпкомъ снѣ; но что послѣ-
 довало съ моею Озаною, когда она узнала
 своего *Бурноея*! Она лишилась чувствъ,
 едва старанія мои успѣли привести ее въ
 вѣдѣніе. Однако она не имѣя причины не-
 навидѣть своего любовника, хотѣла разбу-
 дить его и открывшись ошашься съ нимъ;
 слезы мои и прозвобы едва удержали ее отъ
 такого наиѣренія. Ахъ! сколькихъ бы пе-
 чалей избавила я ее и себя, когдабъ не
 попрепятствовала сему ея желанію! Любез-
 ная моя Озана таковою несмыслиною жер-
 твою для любовницы доказала мнѣ несом-
 нительный опытъ своего дружества. Мы
 обидѣли оружіе; я положила письмо на
 таковомъ и вѣстѣ, гдѣ бы *Вадимъ* скорѣе
 оно увидѣть могъ. учинивши оное, пред-
 приали мы путь въ области Славянскаго
 Князя.

Во время дороги занимались мы объ-
 равномѣрною печалію, а отъ мнимой невѣр-
 ности моего *Вадима*, а Озана отъ того,
 что изъ дружбы ко мнѣ пропустила слу-
 чай удосновѣриться, имѣетъ ли къ ней преж-

нюю склонность ея любовникъ, и долгая разлука не истребила ли ее изъ его сердца. Прибывъ въ области Славянорусскія, узнали мы о войнѣ, произходящей съ бунтовщикомъ *Худояромъ*. Не мыслили мы пристать къ сторонѣ сего безбожнаго челоуѣка, однако нещастіе подвергло насъ къ тому. Мы попались помощному его веденному отъ Печенеговъ войску, взяты и представлены предъ него. Необходимость принудила насъ взять прибѣжище къ притворству: я отвѣчала сеиу бунтовщику за себя и *Озану*, что мы люди знатной природы, и бывъ гонимы нещастіями, принуждены взять прибѣжище подъ его знамены; что въ семъ намѣреніи бхали мы къ его войску, и на дорогѣ захвачены были по неосновательному подозрѣнію отъ союзныхъ его Печенеговъ. *Худояръ*, старающійся о умноженіи силъ своихъ, принялъ насъ съ радостію, приказалъ отдать отобранное у насъ оружіе, и предлагалъ намъ чины въ своемъ войскѣ. Я отговорила отъ послѣдняго, представляя ему, что законы богатырскіе не дозволяютъ намъ согласиться на сей опытъ его щедрости, по той причинѣ, что мы по нещастію были побѣждены на единоборствѣ отъ двухъ Славянорусскихъ богатырей, училились ихъ невольниками; и сіе рабство препятствуетъ намъ принять чины отъ него предлагаемыя, пока побѣдою надъ двумя богатырями не свергнемъ съ себя сихъ поносныхъ узъ, и не учи-

учинились чести достойными. Ложь моя по-
 правилась *Худояру*; онъ сказалъ намъ: ви-
 димо, что вы люди храбрыя и въ неща-
 сѣи не унывающія. Желаніе ваше исполнит-
 ся, когда сойдемся мы съ войскомъ непріа-
 теля моего. Я велю тогда вызыватьъ противу
 васъ двухъ храбрыхъ наѣдниковъ; и если-
 ли вы щастливо побѣдите оныхъ, удаля-
 ство ваше награждено будетъ первыми чи-
 нами въ моеѣ войскѣ. Мы отблагодаримъ
 за его милость, и пошли въ ошведенной
 намъ щашерѣ, намѣрясь добровольно отдѣ-
 латься въ плѣнъ Славяноруссамъ, чтобъ только
 избавившись отъ безчестной стороны бунтов-
 щиковъ. Когда оба войска сошлись, и когда
Обрской Полководецъ, бывъ на поединкѣ, из-
 вѣстилъ *Худояру* и передался на сторону
 Славяноруссовъ: пойманные тогда языки (*)
 увѣдомили, что нанесшіе въ послѣдней
 сшибкѣ ужасъ *Худояровымъ* войскамъ бога-
 тыри не давно прибыли къ нимъ, и на-
 зываются одинъ *Мечиславомъ*, а другой
Бурновесомъ. Узнавъ о томъ, догадались мы
 съ *Озаною*, что *Мечиславъ* не иной кто

В 5

быть

(*) Языкѣ назывался плѣнникѣ, пойманный для
 вывѣдыванія о состояніи силы и намѣреній
 непріятелей. Въ старину не знали, какъ
 просматривать лазутчиковъ, и добрые Славяне
 всемъ дѣйствовали одною храбростію.

быть долженъ, кромѣ Вадима, когда онъ находишься въ товариществѣ Бурновой. Вотъ, сказала я Озанѣ, теперь есть случай увидѣться тебѣ съ своимъ любовникомъ и открыться ему. Пойдемъ преси Худояра, чтобъ онъ повелѣлъ вызывать ихъ на поединокъ противу насъ. Ты дѣлаешь тогда, что хочешь; но что до меня, я рѣшилась умереть отъ рукъ моего измѣнника. Согласясь, пошли мы къ Худояру, и просили его, чтобъ имянно противу насъ вызванны были Вадимъ, скрывающійся подъ именемъ Мечислава, и Бурновой; мы говорили ему, что они самые шѣ богатыри, отъ коихъ рукъ подвержены мы неволѣ. Худояръ писалъ къ Славянорусскому Полководцу; мы сражались съ вами, какъ все то вамъ извѣстно; но когда вы любезной Вадимъ съ другомъ своимъ не узнали насъ, то не захотѣли мы открыться вамъ до прибытія въ Хомоградъ. Хотя сердце мое почувствовало великую радость, отъ оказанной вами при возвращеніи обручальнаго перстня, но ревность моя еще не совершенно была успокоена. Что надлежитъ до Озаны, она сразилась съ Бурновой въ вѣнчаніи мыслей своихъ, когда и въ покрытомъ броней противникъ узнала своего любовника; но когда по силѣ теломъ онъ не узналъ ее, тогда подумала она, что онъ забылъ ее: и для того ро-
бѣ

Объя ему открыться, ошложила то, равно какъ
 и я, до прибытія въ столицу Гардорикусу.
 Долго мы и шцетно васъ шамъ дожидались.
 Оруженосцы наши провѣдывал ежедневно,
 узнали напоследокъ, что два богатыря
 сходные къ вамъ содержахся подѣ стражею.
 Не было способу провѣдать намъ обстоя-
 тельствѣ до тѣхъ поръ, какъ узнали мы,
 что *Гардорики* опредѣлилъ онымъ сражать-
 ся объ жизни и смерти. Тризны, учрежден-
 ныя въ память моего *Вадима*, повергли ме-
 ня въ жестокое опчаяніе; я заключила, что
 ты мой любезной убишь на сраженіи, и
 что братъ твой, узнавъ про смерть твою,
 изъ благопристойности скрывъ свою къ те-
 бѣ ненависть, и хотѣлъ загладить оную
 въ очахъ народа торжественными призна-
 ми. Но когда я въ угодиость *Озанъ*, равно-
 жѣрно печальной и нищей въ осужденныхъ
 богатыряхъ своего *Бурноея*, вышла по-
 смотрѣть поединка: узнала я тебя мой дра-
 жайшій *Вадимъ*. Твой разговоръ съ *Бурное-
 емъ*, успокоилъ совершенно мое сердце. Мы
 то кричали къ вамъ, когда вы хотѣли умер-
 твить другъ друга. Прочее тебѣ извѣ-
 стно.

Прѣ-

Продолженіе Вадимовыхъ приключеній.

Когда Брячислава окончила свою повѣсть, лжбовники, какъ легко догадаться можно, возобновили поцалуи и увѣренія о вѣчной вѣрности. Между тѣмъ они вѣхали, и достигла въ Винету, приморской городъ, находящійся въ Варягѣ, Вадимъ и Брячислава несказанно обрадовались, нашедъ въ семь мѣстѣ Урмана. Сей престарѣлый и вѣрный мужъ увѣдомилъ Вадима, что нечаянной отпѣздъ его и неосновательное мнѣніе объ Арпадовой на него досадѣ, которое усмѣрѣлъ онъ изъ письма къ нему (Урману), привели въ великую печаль Князя Дакскаго. Онъ по выздоровленіи своемъ, не счелъ за нужное медлить долѣе въ Сусолахъ, и отправился ко Двору Готфскому. Онъ приказалъ мнѣ (продолжалъ Урманъ) слѣдовать за вами въ области Славянорусскія, увѣрить васъ въ вѣчномъ ономъ дружествѣ, и стараться вывести васъ изъ огорчительнаго для него вашего въ томъ подозрѣнія, коему причины онъ не постигаешь. Въ то время, какъ собираясь въ путь, мѣшкалъ я въ Сусолахъ, Простай, находясь при Дворѣ Княжескомъ, началъ грустить объ вашемъ отпѣздѣ; напоследокъ тайно уѣхалъ, не извѣстн

снимо куда, и посланные для сысканія онаго онѣ Князя нигдѣ не могли объ немъ прсвѣдашь. Чшо надлежишь до меня, письмо ваше привело меня въ крайнее изумленіе: не могъ я угадашь, кто бы былъ таковой злѣйшій вамъ непріятель, которой вызвалъ васъ для поединку въ ту страну, гдѣ подвергались вы и безъ его злобы крайней опасности. Я немедленно предпріятъ путь мой въ Хомоградъ, и подъ скрытымъ имянемъ не опасаясь въ ономъ появишься; ибо лѣта сморщили и переменяли чершы лица моего. По пріѣздѣ моемъ узналъ я объ истребленіи бунтовщиковъ, но не могъ получить объ васъ ни малѣйшаго извѣстія. Послѣ того повѣствовалъ *Урманъ*, какъ онъ свѣдалъ о славѣ *Вадима* и *Бурновя* въ прошедшей войнѣ; какъ узналъ, что два чужестранные богатыря содержатся въ Хомоградѣ подъ стражею; какъ онъ вздумалъ для безопасности *Вадимовой* равнести слухъ о его смерти и прочемъ; что уже извѣстно Читателю. Наконецъ сказывалъ, что онъ опасаясь *Гардорика*, чшобъ оный захвативъ его, не употребилъ мученій для удостовѣренія въ истинѣ, уѣхалъ изъ областей его, и слѣдовалъ въ Готфію, гдѣ намѣренъ былъ дожидаться участи своего возлюбленнаго Князя.

Вадимъ и спутники его, осмотрѣвъ въ *Винетѣ* все достойное примѣчанія, отпра-
ви-

шлись ко Двору Готфскому, и прибыли въ Врвалахедъ (*), столичный городъ сего государства. Въ то время государствовалъ надъ Остроготами и Визиготами(**) Король Халданъ, первой сего имени. Первое стараніе ихъ состояло въ прозвѣдываніи объ Арпадѣ, однако никто не могъ ихъ въ томъ удовольствовать, и имя сего Князя нѣмъ никому было не извѣстно.

В Е Ч Е Р Ъ XXX.

Вадимъ и Брячислава, а не менѣе того и Бурновей, чрезвычайно печалились, не зная того, что приключалось съ Дакскимъ Княземъ; однако разсуждая, что можешь быть живеть онъ подъ скрытымъ именемъ, не преставали продолжать свое исканіе. Вадимъ и Бурновей ежедневно бдѣли въ разныхъ мѣстахъ, на городъ и по всѣмъ дорогамъ, упо-

вая

(*) Сей городъ находился при великой и слабой долины того же названія, на которой Готфы въ лѣто 375 одержали знаменитую побѣду надъ Даштанами.

(**) Остроготфы значатъ Восточныхъ Готфовъ, а Визиготфы Западныхъ.

ная гдѣ нибудь съ нимъ встрѣтитесь. Въ
 одну изъ шаковыхъ побѣдѣ, *Вадимъ* желая
 отдохнуть въ тѣни отъ солнечнаго зноя,
 сворошилъ съ дороги въ близъ находившуюся
 рощу, приваля къ коня своего, а самъ вы-
 бравъ прохладное мѣсто, легъ въ тѣни одно-
 го дерева. уединеніе привело его въ размы-
 шленія; онъ столько занялся нещастною
 участью своею, принудившее его, оставивъ
 опеченство, странствовать по свѣту, что про-
 пустилъ часъ, въ который общался онъ воз-
 вратиться. Онъ бы можетъ быть и далѣе
 остался въ своей задумчивости, если бы
 шорохъ приближающагося человека не прину-
 дилъ его оглянуться. Онъ увидѣвъ прекрас-
 ную дѣвицу, въ опчальномъ видѣ и съ ра-
 сшрепанными волосами идущую. Дѣвица сія,
 оглядываясь на всѣ стороны, приближалась
 къ самому тому мѣсту, гдѣ онъ лежалъ, и
 не приѣхавъ его остановилась къ нему спи-
 ною. И такъ, всесильные бѣги! сказала она,
 нѣтъ отрады моему влчасію, нигдѣ я
 не могу найти оной, кромѣ смерти. . . .
 Незвиносъ на свѣтѣ не нѣтъ вѣдминистра:
 любезной мой погибнешъ позорною казню;
 а я могу ли слышать ужасную вѣсть о
 его смерти! Могу ли я дожидаться сего страш-
 наго часа! Нѣтъ! рука моя не оробѣетъ
 принести мнѣ сію отраду. . . Съ словомъ симъ
 вынула она кинжалъ, и хотѣла заколоться.

Ва-

Вадимъ, схвативъ за руку, удержалъ ее отъ
 такого отчаяннаго намѣренія; онъ опиналъ
 у нее смертоносное оружіе, представлялъ
 ей, что она слабо полагается на провидѣніе
 боговъ, когда не хочетъ покориться ихъ
 опредѣленію и ищетъ оправданія въ самоубій-
 ствѣ. — Господинъ рыцарь! сказала она
 Вадиму, взирая на него со изумленіемъ; вы
 не извѣстны о жестокости судьбы, меня
 угнетающей: и по тому не можете заключить,
 сносна ли она. Услуга ваша въ удержаніи
 меня отъ смерти для меня непріятна —
 Но естли я могу быть вамъ полезенъ? (под-
 хватилъ Вадимъ) Не одно только человѣко-
 любіе принуждаетъ меня отвращать васъ
 отъ покушенія на жизнь свою; я предлагаю
 вамъ мои услуги, естли оныя въ состоя-
 ніи быть полезны вашему любовнику, о
 коемъ вы упомянули. Удостоите вразумить
 меня обстоятельнѣе, чемъ могу защитить
 его? Естли чрезъ оружіе; вы увидите ме-
 ня готового къ возвращенію вашего спокой-
 ства. — Великодушный рыцарь! (отвѣ-
 чала дѣвица) я взираю на васъ какъ на
 духа хранишеля, посланнаго къ удержанію
 моего отчаянія. Любовникъ мой осужденъ
 на смерть по неосновательному подозрѣнію
 въ убійствѣ: судъ назначилъ оправдаться
 ему чрезъ оружіе постороннее, опредѣливъ
 срокъ, которой съ нынѣшнимъ днемъ кон-
 чаетъ

нитси; но ни въ комъ не нашла я великодушія, всѣ рыцари глухи были нѣ моимъ прозьбамъ, и вы первый, которой оказываешь больше великодушія, нежели сколько находится онаго во всей странѣ Готфской. — Ведице меня (сказалъ *Бадимъ*), уповаю на помощь боговъ, покровительствующихъ невинности, что я возвращу ваше спокойство; а между тѣмъ сдѣлайте повѣренность разсказать мнѣ подробности ваше и любовника вашего приключеніе. *Дѣвида* исполнилась радости, благодарила *Вадима* со слезами; она сѣла на коня своего, кошорой брошенъ былъ ею на краю рещи, поѣхала къ городу, и дсрогою рассказывала слѣдующему за нею *Вадиму*: —, Я дочь одного Готфскаго Вельможи; обѣ имяни моемъ позвольте мнѣ умолчать. Съ малолѣтства еще взаимная склонность соединила сердце мое съ *Віарновымъ*. Такъ называется мой любовникъ, происходящій изъ знатнаго Остроготскаго дому. Родители наши по старинной между собою дружбѣ одобряли пламень любви нашей; положено было на словѣ, и назначено время къ заключенію нашего брака, но нещастное приключеніе радости наши превратило въ жесточайшую горечь. *Віарнъ* находясь въ особенной милости у нашего Короля, и занимая немаловажный чинъ при Дворѣ его, *Бадимъ* проситъ у него позволенія ко вступ-

Часть III. Ж ле-

ленію въ бракъ со мною , и получаѣ оное
 возвращаѣся. Полдневный жаръ принудилъ
 его взять отдыхъ въ роцѣ сей , гдѣ намѣ
 рена была я окончить жизнь мою. Не ошѣ
 ѣхалъ онѣ сѣ дороги больше двадцати сажень,
 какѣ увидѣлъ онѣ двухъ убитыхъ челоѣкъ
 и подѣѣхавъ къ онымъ узналъ , что быва
 то *Годрихъ* , сынъ верховнаго Волярина , сѣ
 своимъ слугою. *Віарнѣ* пораженъ былъ смертію
 лучшаго своего пріятеля , которой испускалъ
 послѣднее дыханіе. Онѣ сскочилъ сѣ лошади,
 бросился къ нему на поющъ , хотѣлъ
 узнать убійцу , но уже поздно было : *Год*
рихъ скончался въ шу самую минушу , какѣ
 извлекъ онѣ изъ груди его окровавленный
 мечъ. Любownikъ мой , гошовый ошмстивъ
 за смерть своего друга , оглядывался на всѣ
 стороны , и разослалъ всѣхъ слугъ своихъ
 осмотрѣть въ окрестностяхъ шого мѣста ,
 не увидятъ ли они кого подозрительнаго въ
 убійствѣ. Посланные вскорѣ возвращились ,
 и увѣдомили его , что *Норіонѣ* , Дворянинѣ ,
 также при Дворѣ служащій , и неприми
 римой злодѣй моего любезнаго , поспѣшно
 скакалъ наѣ сей роцѣ. Между шѣмъ какѣ
Віарнѣ разсуждалъ , что ему начать и взять
 ли шѣло сѣ собою , наѣхалъ на него дозорѣ
 Королевскій , пекущійся о благоустройствѣ
 вокругъ столицы. *Віарнѣ* не разсудивъ
 за благо подаѣ на себя подозрѣніе , находясь
 при

при мёртвомъ тѣлѣ, побѣхалъ отъ онаго
 прочь, и тѣмъ больше оное умножилъ. До-
 зорные догнавъ остановили его: начальникъ
 спрашивалъ у него, за что онъ закололъ
Годриха? Онъ оправдался, сколько могъ,
 и казалось, что увѣрилъ тѣмъ начальника
 дозору; а особливо по тому, что ему из-
 вѣстна была дружба его съ убитымъ *Год-*
рихомъ. Начальникъ дозору не взялъ его
 подъ стражу, но представляя ему, что не
 можетъ онъ уплатить сего отъ суда, совѣто-
 валъ ему ѣхать къ самому Королю и раз-
 сказать о приключившемся сущую правду.
Віарнъ послушалъ его совѣту, и на другой
 день представъ предъ Государя своего, до-
 ждалъ о происшедшемъ, и оправдывая себя,
 съсылался на дозорнаго начальника; однако
 Король бывъ предупрежденъ прозьбами
 отца *Годрихова*, обѣщалъ оказать спро-
 жайшее правосудіе. Начальникъ дозору былъ
 спрашиваемъ подъ присягою, и не могъ пока-
 зать иного, кромѣ того, что видѣлъ, то
 есть, что онъ стоялъ съ окровавленнымъ ме-
 чемъ близъ убитаго тѣла. Подозрѣніе упа-
 ло на *Віарна*; Король повелѣлъ его содер-
 жать подъ карауломъ, пока освѣдомятся
 и изслѣдуютъ яснѣе. Служители *Віарновы*
 набраны были, и не взирая на свою невин-
 ность, выдержали мученія; однако отъ нихъ
 не узнали ничего въ прибавокъ, кромѣ то-
 го,

то, что видѣли *Норіона*, удаляющагося отъ убишыхъ, и о чемъ великодушный мой любовникъ опасаясь, чтобъ не сочли то иначе, нежели ненависти къ его непріятелю, умолчалъ. *Норіонъ* взятъ былъ по сему шабашу подъ стражу. По слѣдствію не нашлось болѣе того, что кто нибудь изъ двухъ, либо *Норіонъ*, или мой любовникъ былъ убійцею, и въ таковомъ сомнѣніи опредѣлено имъ виноватаго уличить чрезъ поединокъ. — Варварской ушавъ! — отецъ убишаго согласенъ былъ на приговоръ сей. Назначенъ день и часъ, въ который надлежало имъ биться. Я не могла смотрѣть на сіе ужасное позорище, и находилась въ великомъ ужасѣ, ожидая поразительнаго извѣстія. Оно не замедлило повергнувъ меня въ отчаяніе; я узнала, что *Віарнъ* побѣжденъ и приговоренъ къ опасной казни, а *Норіонъ* освобожденъ. Тщесно родственники наши старались у Короля испросить ему пощаду; онъ жалѣя объ участи *Віарновой*, не хотѣлъ показати себя неправосуднымъ. О жестокая добродѣтель и несогласная съ естествомъ! можешь ли ты назваться правосудіемъ, когда сильной убійца побѣдитъ слабого невиннаго, и тѣмъ подвергнешь его той казни, кою самъ заслуживалъ? Въ отчаяніи моемъ, прибѣгла я сама къ Королю: жалостное мое состояніе поколебало его суровость; онъ по-

во-

олилъ инѣ сыскать рыцаря, которой бы
равяся съ *Норіономъ*, оправдалъ моего же-
нху. Судъ получилъ о томъ повелѣніе, об-
народовалъ оное, и назначилъ срокъ, въ ко-
торой защитникъ *Віарновъ* явиться долженъ,
и шѣлъ однако отступленіемъ, что *Норі-*
онъ, естъли не захочетъ самъ биться, мо-
жетъ также представить вмѣсто себя
другаго. Я вѣдѣла всюду, просила всѣхъ,
и до сего часа не нашедъ ни въ комъ вели-
кодушія, пришла въ шаковое опечаленіе, что
жизнь сама себя умертвила. Но боги сжа-
лившись надо нирю, послали васъ къ удержанію
моей жизни. „ —

При окончаніи повѣствованія невѣстны
Віарновой, находились они уже въ городѣ;
Вадимъ приведенъ былъ ею предъ крыльцо
судебнаго дома. Онъ вызвалъ бирюча, и ве-
лѣлъ ему воогласить, что онъ снимаетъ на
себя доказать невинность *Віарнову* оружі-
емъ. По произведеніи сего шроекрашнаго
восклищанія Судіи были созваны, *Норіонъ*
сысканъ, и наущрѣ назначено сраженіе.
Дѣвица испросила позволеніе принести сію
радостную вѣсть въ шеницу къ своему лю-
бовнику, а *Вадимъ* поѣхалъ домой.

Возпокоющаяся объ отсутствіи его *Бря-*
мислава спрашивала у него о причинѣ шако-
ваго замедленія; *Вадимъ* разсказалъ ей, что
съ нимъ приключилось и къ каковому под-

вигу онъ обязался. *Брячислава* не могла и похвалить его великодушiя, хотя сердце ея жестоко зашрепетало. *Бурновей* примѣшивъ появившееся на лицѣ ея безпокойство, вскричалъ; не опасайтесь прекрасная Княжна *Готфы* никогда не могушъ быть страшна для Славянина! Это щастливой случай, который можетъ прославить въ странѣ сей моего друга; я самъ бы желалъ выѣхать вмѣсто *Вадими*, когда бы онъ согласился мнѣ уступ. . . . *Озана* зажала ему ротъ, и не дала кончить. Пронзшествiе сiе развеселило всѣхъ, и день шотъ прошелъ такъ же радостно, какъ бы *Вадимъ* готовился наутро ѣхать къ Королю на обѣдъ. Поговорили немножко объ *Арпадѣ*, и заснули всякъ на своемъ мѣстѣ. *Вадимъ* засыпалъ, думалъ о братѣ своей возлюбленной; ибо до сыскаиiя онаго она отрѣшила его отъ всякихъ правъ, доставляемыхъ супружествомъ. *Вадимъ* вдохнулъ, зажимая глаза, и слышалъ, что и *Брячислава* сдѣлала то же.

Когда лучезарный Свѣтовидъ восходомъ своимъ освѣтилъ столицу *Готфскую*: *Вадимъ* въ полномъ вооруженiи находился уже на площади предъ Дворцомъ, гдѣ назначено было мѣсто къ битвѣ. Противникъ его также не замѣшкалъ появиться. Множество народа собралось смотрѣть сего позорища, и между прочимъ присушествовали
шумъ

пути тайно *Бурновей*, *Брячислава* и *Озана*. Король Готфскій любопытствовалъ также видѣть отважнаго сего рыцаря, и находился подъ окномъ теремовъ своихъ. Осужденной былъ выведенъ, и когда спросили у него, доволенъ ли онъ своимъ защитникомъ? Когда объявилъ онъ свое согласіе, данъ былъ знакъ къ началію поединка. Противники начали разогрѣвать коней, и искусными шурмованіями своихъ коней показали, что они должны быть не простые люди, но какіе нибудь славные богатыри. Сражающіеся равномерно изъ ухватокъ своихъ замѣтили, что надлежитъ имъ другъ прошивъ друга имѣть осторожность. При первомъ сбѣдѣ коня ихъ онъ сильного удара разлетѣлся въ части, но оба всадника не тронулись ни на волосъ въ своихъ сѣдлахъ, къ великому удивленію зрителей. Король позволялъ имъ взять другія и крѣпче первыхъ копья, и вновь сразиться. При второмъ наскокѣ сразились они столько жестоко, что лошади подъ ними не удержались, и они какъ бы сговорясь со всѣхъ ногъ упади; однако всадники вдругъ вскочивъ, опять на нихъ сѣли; и какъ копья ихъ были еще цѣлы, то сразились они вновь, при чемъ копья раздробили въ мѣлкія части. Побѣдители опять узнать было не можно. *Вадимъ* не имѣлъ другихъ

выгодъ, кромѣ того, что противникъ его отъ удару немного навадъ пошатнулся. Они обнажили мечи свои и произвели столь ужасную рубку, что части брони другъ на другъ отсѣкали. Сила съ обѣихъ сторонъ такова была, что они болѣе получаса рубились безъ отдыхи, не могли другъ друга ранить. *Вадимъ* удивлялся своему противнику; ибо ему съ роду не случалось биться съ таковымъ ратоборцемъ; сей съ своей стороны думая то же, а *Бурновскій* кусалъ съ досады губы, повертываясь въ сѣдлѣ: и если бы не опасался прогнѣвать друга своего, не мѣшкая выскочилъ бы ему на переимку. Между тѣмъ противникъ *Вадимовъ* произвелъ неудачной ударъ, коимъ почти до половины разрубилъ шею коню его, отъ котораго онъ упалъ мертвъ. Единоборцы сскочили съ коней и начали сраженіе пѣши, *Вадимъ*, чтобъ отмстить за смерть коня своего, а противникъ его, дабы загладить стыдъ, что онъ вмѣсто всадника поразилъ лошадь. Новая битва производима была съ таковою жестокостію, какъ бы они не имѣли на себѣ тяжкой брони, и не чувствовали утомленія. По долгомъ сраженіи, во время котораго также никто изъ нихъ не получилъ раны, противникъ *Вадимовъ* опустилъ свой мечъ, подавая знакъ къ отдохновенію. *Вадимъ* принялъ оное, и такъ

также опустивъ оружіе, разсмащивалъ своего непріятеля; его и собственной щипъ были изрублены насквозь. Взаимное ихъ удивленіе произвело другъ къ другу почтеніе. Они сжали свои шелоны, чтобъ зачерпнуть свѣжаго воздуха, и желая можеть увидѣть другъ друга въ лицо, въ самую ту минуту мечи и щипы ихъ полетѣли на землю, и врители увидѣли прошивниковъ объемающихся съ восторгомъ и цалующихся. *Вадимъ* узналъ *Арпада*. Возможно ли, говорили они оба, чтобъ судьба могла сыграть такую съ нами шутку! Проклятъ будь день, въ которой поднялъ я оружіе на моего друга.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, Король смотрѣвъ въ окно, удивился, что сражавшіеся изъ непріятелей учинились друзьями, и желая узнать того причину, послалъ спросить: для чего не оканчиваютъ они поединка. *Вадимъ* и *Арпадъ* отвѣтствовали ему, что они по волѣ Его Величества готовы производить бой противъ всякаго другаго, но между собою другъ на друга рукъ поднять не могутъ, и что вышли на поединокъ по незнанію. Король получивъ сей отвѣтъ, обратилъ пославъ къ нимъ, чтобъ объявили они имена свои, изъ какой страны и какого званія люди. *Вадимъ* велѣлъ донести ему, что они такіа люди, которыхъ никому о себѣ открытъ не могутъ, кро-



иѣ изустно самому Его Величеству. Ска-
завъ сіе, сѣли они на подведенныхъ оруже-
носцами ихъ заводныхъ лошадей, и поѣхали
въ домъ, гдѣ они стояли. *Бурноей* съ
Княжною и своею любовницею за тѣсною
народа не могли за ними послѣдовать. *Ар-
падъ* дорогою надѣлалъ *Вадиму* множество
вопросовъ, и между прочимъ спрашивалъ о
Бурноей. — Отложимъ сіи вопросы, ска-
залъ *Вадимъ*, до другаго времени; а теперь,
любезной другъ, угадай, какую я въ разлу-
кѣ съ тобою нашелъ драгоценную находку?
— Это трудно (отвѣчалъ *Арпадъ*), есть
тысяча вещей дорогихъ, кои находятъ лю-
ди; развѣ не получилъ ли ты своего Кня-
жества? — Ахъ, иѣтъ! вскричалъ *Вадимъ*;
эта вещь дороже мнѣ всѣхъ Княженій на
свѣтѣ! Я имѣлъ оную у себя, и потерялъ:
вы также имѣли и потеряли. — *Арпадъ*
не могли постигнуть, что *Вадимъ* говоритъ
то о своей возлюбленной *Брячиславѣ*,
которую онъ по словамъ его щиталъ по-
гибшею въ *Геркуланѣ*, пришелъ въ изумле-
ніе; онъ дѣлалъ множество вопросовъ для
объясненія, и отвѣшны *Вадимовы* лишь воз-
будили его любопытство. Между тѣмъ
прибыли они въ наемной домъ. Какъ они
ѣхали очень тихо, то *Брячислава* съ сво-
ими товарищами объѣхавъ окольными ули-
цами возвращались домой прежде ихъ; она
не

не меньше любопытна была узнать, кого *Вадимъ* нашелъ въ своемъ сопротивникѣ, и для того шла имъ на встрѣчу. *Арпадъ* взглянувъ на нее поблѣднѣлъ и остановился, какъ бы окаменѣлой; *Брячислава* также узнавъ брата своего, не могла выговорить ни слова, и едва не лишилась чувствъ. Вотъ, другъ мой! (сказалъ *Вадимъ Арпаду*) неоцѣненная моя находка. — Боги! вскричалъ Князь Дакскій; сестра моя! — любезный братъ! вскричала *Брячислава*; они не могли выговорить больше, и заключили другъ друга въ объятія. Послѣ первыхъ восшорговъ таковой радости, рассказывали они другъ другу свои приключенія, претерпѣнныя во время разлуки бѣдствія; и извѣстіе, что злодѣй *Арпадовъ Рославъ* погибъ отъ рукъ сестры его; и что любезная его *Предслава* спаслась отъ насильственника сего, принесло ему чрезмѣрное веселіе. *Бурновей* также уведомилъ его, какими нечаяннымъ случаемъ соединились онъ съ своею *Озаною*. За тѣмъ слѣдовали новыя привѣтствія и обниманія; но какъ не знали еще, какимъ образомъ *Арпадъ* жилъ въ Готфахъ, но объ немъ провѣдать не могли, и по какому случаю попался на поединокъ противу *Вадима*: удовольствовавъ онъ любопытство ихъ слѣдующимъ.

Увѣ-

Увѣдомившись отъ *Урмана*, что ты, любезной другъ, (говоря о немъ обращаясь къ *Вадиму*) счелъ получившии отъ меня письмо, вызывающее на смертной поединокъ въ столицу твоего брата; и не вѣдавъ тогда, что было это дѣйствіе ревнивой моей сестрицы (продолжалъ онъ, поцаловавъ съ усмѣшкою *Бряхиславу*), не зналъ я, что подумать. Я счелъ, что какое нибудь несчастное приключеніе повредило твой мозгъ. Почувствованное мною отъ того сожалѣніе и печаль умножили болѣзнь мою. Наконецъ освободясь отъ оной, думалъ я ѣхать за вами въ слѣдъ и вывести изъ такого заблужденія: однако сѣдавъ, что ко Двору Готфскому прибыли не знаемо какіе два чужестранныхъ богатыря, подумалъ, что можешь быть не вы ли это съ *Бурносемъ*, и заключилъ ѣхать въ Готфу; а *Урмана* послалъ въ *Гардорику* для уведомленія васъ объ вашей ошибкѣ и ложномъ на дружество мое подозрѣніи. Я прибылъ сюда безъ всякихъ противныхъ приключеній, и нашедъ слухъ о прибытіи ко Двору Готфскому чужестранныхъ богатырей ложнымъ, намѣрился объѣхать приморскіе города сего Королевства, и во всѣхъ гаваняхъ провѣдывать объ моей *Предславѣ*. По тщетномъ семъ путешествіи, возвратился я въ сію столицу, и подъ именемъ Дакскаго Двора

Янина жилъ скрытно; однако ожидая за-
 шего прибытія, вызжалъ ежедневно заго-
 родъ и у всѣхъ прѣзжающихъ спрашивалъ.
 Какъ окрестности сего города наводнены
 были разбойничьими шайками, и хотя ча-
 стыя происходили отъ нихъ грабительства
 и убійства; но я имѣя всегда подъ плащ-
 емъ броню, не опасался оныхъ. Отѣхавъ
 въ нѣкошорый день далѣе обыкновеннаго,
 и опоздавъ претерпѣлъ я нападеніе отъ сихъ
 бездѣльниковъ. Я оборонялся отъ нихъ и
 многихъ ранилъ, но не знаю, чтобъ было
 со мною напоследокъ, если бы приспѣ-
 шій ко мнѣ на помощь Гомфской Дворянинъ
 меня отъ нихъ не избавилъ; благодаря сего
 Дворянина за оказанную мнѣ помощь, меж-
 ду разговоровъ увѣдомилъ его, что я по
 одному случаю разлучился съ моими товари-
 щами, и дожидаясь ихъ сюда. *Норіонъ*
 (такъ звали сего Дворянина) просилъ меня,
 чтобъ я побѣжалъ съ нимъ въ деревню его,
 находящуюся отъ Вравалахеда не болѣе де-
 сяти верстъ. Я ошговаривался отъ него;
 по неоступной его прозвѣ однако при-
 нужденъ былъ сдѣлать ему послушаніе. *Но-
 ріонъ* почувствовалъ ко мнѣ особенное дру-
 жество, и чтобъ лучше удержать меня въ
 своемъ домѣ, отправилъ въ городъ нароч-
 наго, приказавъ ему развѣдывать о прѣз-
 жающихъ чужестранцахъ и немедленно увѣ-

увѣдоилъ. Нравъ сего новаго моего пріятеля привлекъ мою къ нему склонность; въ короткое время нашелъ я въ немъ множество добрыхъ свойствъ. Пробылъ я у него съ недѣлю, въ которое время старался онъ угощать меня всачески. Третьяго дни случилось, что онъ созвавъ своихъ сосѣдей, далъ имъ для меня великолѣпной пиръ; и какъ выпиво было нѣсколько лишнихъ кубковъ, то онъ зацѣпившись ногою упалъ и вывихнулъ себѣ руку. Оную вправили, но жестокая боль принудила его лечь въ постель. На другой день, то есть вчерась, присланной отъ имени Королевскаго объявилъ ему указъ, что онъ для новаго оправданія своего въ убійствѣ долженъ опять сразиться съ представшимъ въ защищеніе *Віарново* рыцаремъ, или вмѣсто себя кого хочешь предъявить. Ты видишь самъ, сказалъ онъ присланному, въ состояніи ли я исполнить опредѣленіе моего Монарха. Вслушавшись въ сіе, любопытствовалъ я узнать причину сего вызову. *Норіонъ* разсказалъ мнѣ приключеніе съ найденнымъ мертвымъ тѣломъ, и всѣ подробности, такъ какъ слышалъ я и отъ васъ (продолжалъ *Арпадъ*, обращаясь къ *Вадиму*). Онъ прибавилъ къ тому, что не взирая на непріязнь къ *Віарну*, не можешь подозрѣвать его въ семъ убійствѣ; клялся всемъ, что ни есть свя-

то,

то, что и самъ ни мало не участвуетъ въ смерти *Годриховой*; и приписывалъ нещастію, что случай, приведшій обоихъ ихъ въ окрестность того мѣста, подвергъ ихъ подозрѣнію. Дружество, оказанное мнѣ *Норіономъ*, его свойства, невинность и угрожающее обѣдшвіе, принудили меня за него вступиться. Я объявилъ присланному, что въ назначенной часъ завтра имѣю зацѣпить честь и невинность *Норіонову*. Благодарность за это сего Дворянина была ко мнѣ чрезвычайна; я выѣхалъ, и нашелъ при семъ случаѣ все, что мнѣ любезно на свѣдѣ, кромѣ одной *Предсавы*.

Арпадъ кончилъ свою повѣсть. Приключеніе двухъ невинно страждущихъ Дворянъ, подвигло всѣхъ къ сожалѣнію. Три друга заключили оправдать ихъ, во что бы то ни стало. Они хотѣли нарочно для сего итти къ Королю, и просить, чтобъ позволено имъ было по уставамъ богатырскимъ биться за обоихъ невинно подозрѣваемыхъ со всѣми шѣми, сколько ни представлено будетъ съ стороны родственниковъ убишаго. Они взяли при томъ великодушное намѣреніе: оправдавъ сихъ нещастныхъ, примирить ихъ между собою.

Владимъ, почитая себя уже освобожденнымъ отъ клятвъ, кои ошлучали его отъ права супружественнаго, хотѣлъ начать прозв-

прозьбы свои къ Арпаду о подтвержденіи
 имъ его брака съ прекрасною Брячиславою.
 Онъ взглянулъ уже на свою любезную, и она
 понявъ о его намѣреніи, покраснѣлась.
 Какъ вдругъ услышали они стукъ колесницъ.
 Были оныя присланы отъ Короля Готфскаго
 за нами. Нѣсколько придворныхъ приглашали
 ихъ именовъ Его Величества во Дворецъ.
 Король, говорили они, заключивъ изъ подвигъ
 вашихъ о знаменитой вашей природѣ,
 желаетъ, чтобъ вы со всѣми при васъ нахо-
 дящимися не имѣли инаго жилища, кромѣ
 его чертоговъ. Вадимъ и прочіа отблагада-
 ривъ за сей опытъ милости Готфскаго Мо-
 нарха, одѣлись по состоянію ихъ природы,
 и сѣвъ въ Королевскія колесницы, прѣхали
 во Дворецъ.

В Е Ч Е Р Ъ XXXI.

По отданіи обыкновенной чести, Хал-
 данъ принялъ ихъ весьма милостиво. Опытъ
 вашей храбрости (сказалъ онъ наконецъ)
 вселилъ въ насъ высокое понятіе объ вашей
 природѣ. А чтобъ по невѣденію не упуще-
 но было чего къ пристойной почести отно-
 сящагося: мы просимъ не скрывать отъ насъ,
 кто

что 'вы въ самомъ дѣлѣ, и какая причина принуждаетъ васъ находиться въ областяхъ моихъ. *Вадимъ* отвѣщивалъ, что нещастіе привело всѣхъ ихъ искать защиты у подножія его престола. Открылъ по томъ о себѣ, всѣхъ своихъ товарищяхъ, и о претерпѣнныхъ ими заключеніяхъ; просилъ же томъ безопаснаго убѣжища при Дворѣ его отъ гоненій своего брата. *Арнадъ* также просилъ себѣ убѣжища, естли щастіе не опредѣлитъ ему сыскать свою возлюбленную *Предславу*. Король выслушавъ ихъ и узнавъ о ихъ природѣ, для оказанія почести сошелъ съ своего престола, дружески обнялъ ихъ, и говорилъ *Вадиму*: вы, Свѣтлѣйшій Князь, можете твердо положиться на мое Королевское слово, что не токмо Дворъ мой доставитъ вамъ безопасное отъ гоненій брата вашего жилище; но естли то угодно вамъ будеть, Готфы на удовольствіе поставяиъ возложитъ на голову вашу неправедно похищенной вѣнецъ. *Вадимъ* благодарилъ сего Государя за таковыя къ нему разположенія, и поддалъ себя его защищенію до времени, пока судьбѣ угодно будеть возстановитъ его щастіе. Что лежитъ до *Арпада*, онъ не смѣлъ утруждать Короля Готфскаго о помощи къ возвращенію своего наслѣдія, вѣдая, что силы его противу Римлянъ слабы, и омлагалъ то, пока боги

Часть III.

3

пре-

претѣмъ судьбу *Вадимову*; онъ намѣренъ былъ продолжать поиски свои за сегою воюлюбленною. *Бурноею* Король *Халданъ* предлагалъ знатисй чинъ въ своихъ войскахъ; но онъ не принялъ сего, сказавъ, что онъ всегда безъ другихъ обязательствъ посвящаетъ себя услугамъ Его Величества, пока дружба его къ Князю Славянорусскому удержитъ его при немъ въ областяхъ Готфскихъ. Король доволенъ былъ ихъ отвѣтами; онъ повелѣлъ имъ отвести покой во Дворецъ свой, опредѣлить служителей, и достаточное по природѣ ихъ содержаніе. Долгое время старался онъ пребываніе ихъ при себѣ учинить пріятнымъ: торжества, зѣвролоства, богатырскія потѣхи, и прочія забавы учреждались попеременно. Поступки сихъ спрасснающихъ ошчасу больше привязывали къ нимъ Короля; онъ вѣдая обстоятельно ихъ приключенія, совѣщавалъ *Вадиму* и *Бурноею* увѣчать постоянную ихъ любовь совершеніемъ брака съ ихъ дражайшими. Не можно было предложить лучшаго для ихъ страждущихъ сердець; *Вадимъ* взялъ прибѣжище къ дружеству, и просилъ брата своей возлюбленной, чтобъ онъ, какъ оставшійся вмѣсто отца *Бряхиславъ*, подтверждалъ бракъ ихъ. Въ этомъ состоятъ величайшее изъ моихъ желаній, отвѣтствовалъ *Арпадъ*; не можетъ быть для меня лучшей радости,

ког-

тогда увижу я сестру мою среди окружающего
 шась влочасшя, преданную зашитъ достойнѣй-
 шаго супруга, а особливо когда бѣдствен-
 ная страсть моя влечетъ меня въ странство-
 ваніа. Они обнявшись, пошли къ *Бряксле-
 вѣ*. Ослабленный любовью *Вадимъ* не призы-
 валь въ семъ случаѣ на помощь разсудокъ;
 онъ не ожидалъ никакихъ препяшствій со
 стороны своей волюбленной. Но инako ду-
 жала благоразумная *Брякслева*: она пред-
 ставила ему шаковыя возраженія, конхъ *Ва-
 димъ* со всемъ краснорѣчіемъ страсти не
 аналъ чемъ опровергнуть. Первѣйшее герой-
 ство, любезной мой *Вадимъ* (говорила она
 ему) состоитъ въ побѣжденіи своихъ жема-
 ній. Не можешь ты сомнѣваться въ моей
 постоинной къ тебѣ любви, и безъ того,
 хотябъ священные узы насъ не соединили,
 а шоя, навѣкъ шоя. Но адравый разумъ
 не повелѣваетъ ли намъ покориться судьбѣ,
 запрещающей намъ въ щеперешнихъ обстоя-
 шельствахъ не имѣть иныхъ чувствованій,
 кромѣ подобныхъ находящихся между бра-
 томъ и сестрою? Бракъ влечетъ за собою
 плоды любви; а мы безопасное ли и вѣрное
 ли имѣемъ убѣжище? Король Готфскій, какъ
 и всѣ Государи, можетъ иногда перемѣнить
 свои обѣщанія по необходимымъ пользамъ
 своего ошечесшва. Братъ швой, сильнѣйшій
 Монархъ въ Сѣверѣ, ешьямъ откроетъ онъ
 швое убѣжище; ешьямъ захочетъ продол-

жизнь свое гонение и внесешь огонь войны въ
 нѣдра сего Королевства: захочешь ли
 самъ тогда, чѣмъ *Халданъ* подвергалъ се-
 бя опасности для полза твоихъ? И тогда
 куда ты побѣдишь со мною, когда буду
 или неспособна къ трудамъ пущи, или об-
 ременена залогамъ любви твоей? — *Вадимъ*
 подаловалъ ей руку, покорился необходи-
 мости, и тайныя его воздыханія не прину-
 ждали его къ жалобамъ. Онъ полагался на
 власть провидѣнія, и ожидалъ переменъ
 судьбы своей. *Бурноей* и *Озана* не имѣли
 таковыхъ причинъ къ отсрочкѣ брака свое-
 го: но дружба приаппала ихъ къ *Вадиму*
 и *Брякиславъ*; они не могли ихъ оставить,
 и для того положили правило терпѣнія въ
 законъ себѣ. *Арпадъ* готовился начать свои
 путешествія *Вадимъ* и *Брякислава* удер-
 живали его при себѣ, и не инымъ чѣмъ
 остановили, какъ пославъ *Раймира* (*) въ
 Болгары провѣдать, нѣтъ ли коковаго извѣ-
 стія о его возлюбленной *Предславъ*. Король
 Готф-

(*) *Раймиръ* Славянское имя, значущее райскую
 радость міру. Употребительное въ Гиппаніи
 имя *Раймиръ* есть свидѣтельство Этимоло-
 гическое, что Испанцы составляющъ смѣсь
 Римлянъ и Славянъ. Сей народъ удержалъ
 гордость и храбрость своихъ предковъ; но
 Климатъ во многомъ переѣнилъ свойства
 души въ пощемкахъ.

Готфскій (кѣму *Вадимъ* открылся чисто-сердечно въ причинѣ, мѣшающей сердечнымъ его желаніямъ) возобновлялъ увѣренія, что онъ безопасенъ въ его державѣ отъ всѣхъ покушеній своего брата, клялся не пощадить ни денегъ ни войскъ для сверженія съ престола самаго *Гардорика*, естли по угодно будешь *Вадиму*, и продолжалъ стараться всѣми силами учинить *Брячиславу* меньше упорною. Можешь бышь онъ нашелъ бы способы замишть осторожности преворливой Княжны Дакской, когда имѣлъ помощникомъ своимъ жестокою страсть ея къ *Вадиму* (*Халданъ* былъ Государь изъ шѣхъ, кои не шерпяшъ препомъ своимъ единожды вышымъ намѣреніямъ): но неожиданное впаденіе Кимровъ (*) въ его области шо осшановило. Сынъ гордаго *Фрота*, III Короля Коданскаго, завладѣвшій нѣкогда Кимарамъ Готфами, Вандалами и Бритскими островами (**), помнилъ уничтоженіе славы своего отечества, произведенное рукою храбраго ош-

3 3

ца

(*) Кимвры и Коданы обитали въ Дацимъ и Норвегіи; перепорченное названіе отъ Нѣмецкихъ народовъ, къ нимъ присоединившихся, превратило Кодановъ въ Датчанъ.

(**) *Фрошо* третій сего имени, жилъ въ началѣ Христіанской эры, и былъ Королемъ Кимровъ, Готфовъ, Вандавовъ и Бритовъ, коихъ побѣдилъ.

на *Халданова*, которой освободилъ Гошфонъ и Виласовъ отъ ига Коданскаго: и для шомъ въ прощаніи народнаго права апалъ нечаянно въ его области. Вскорѣ собравши войска, и *Халданъ* итѣя при себѣ шрехъ храбрыхъ Славянскихъ богатырей, не сомнѣвался прогнать и усмирить дерзкихъ враговъ своихъ.

Между таковымъ скорымъ къ войнѣ пріуготовленіемъ, должно упомянутьъ объ *Віарнѣ* и *Норіонѣ*. Предстательство *Ваджово* съ *Арпадомъ* убѣдило Короля, признать ихъ невинными. Но прежде обнародованія объ шомъ открылось, что сіи великодушные непріатели между собою не справедливо подвергались подозрѣнію. Переловленные разбойники признались въ убійствѣ *Годриховомъ*. Король невинное претерпѣніе *Віарново* награждалъ чинами и прочими милостыями. *Віарнъ* сочетался съ своею любовницею, явившею столь великіе опыты чистосердечной къ нему страсти. *Арпадъ* съ своимъ другомъ постарались примирить его съ *Норіономъ*, и послѣдній женился на сестрѣ *Віарновой*, истреблявъ въ сердцѣ своемъ ненависть, учинился *Віарну* лучшимъ другомъ и получалъ его мѣсто при Дворѣ. — Добродѣтель никогда не остается безъ награды.

Не касается до нашего намѣренія подробное описаніе войны *Халдановой* съ Ко-
ро-

царствъ Коданскихъ: оное можно видѣть въ
лѣтописяхъ сихъ народовъ, надъ коими они
царствовали. Довольно сказать, что Ва-
димъ и оба друга его оказали чудеса храб-
рости. Кимвры и Коданы разбиты были
въ прахъ; предвѣы Готфскіе не шокмо очи-
щены отъ непріятелей, но и распростра-
нены: Король Коданской купилъ миръ за
уступку многихъ городовъ Халдану; что
однако въ послѣдствіи времени подало при-
чину къ кровопролитнымъ войнамъ между
сихъ народовъ. Бряцислава и Озана едва
удержаны были своими любовниками отъ
участія въ войнѣ той, и съ досадою оста-
вались въ столицѣ Готфской.

Король оказалъ великую благодарность
обонимъ Князямъ и Бурновсю; онъ обиро-
довалъ во вѣхъ своихъ областяхъ грамотою,
въ которой называлъ ихъ защитниками и
друзьями Королевства. Среди торжествъ
не забывалъ онъ и прежняго своего намѣре-
нія о бракѣ Вадимовомъ и Бурновсвомъ.
Княжна Дакская можетъ быть не долго бы
удержалась отъ убѣжденія таковаго свата,
естественно произшествіе, о которомъ вскорѣ
услышнѣвъ, не помѣшало онымъ.

Король имѣлъ обыкновеніе ежегодно
обѣщать города своего государства, и въ
каждомъ позволялъ просить безпрепят-
ственно самому себѣ жалобы недовольнымъ

люди на суды и правителей; онъ Сагабъ, не взирая на склонность свою къ гирше-
ствамъ, Государь строгой къ несправосудію. Въ
первые еще годы своего царствованія
узналъ онъ, что дѣла худо идутъ по заочно-
сти; однакожь по вторичномъ обѣздѣ ихъ
королевства, почти не имѣлось уже нигдѣ
челобитчиковъ. Слѣдуя сему похвальному
правилу своему, вступилъ онъ въ путь;
Вадимъ и прочіа за нимъ послѣдовали.

Въ то время, какъ находились они въ
приморскомъ городѣ Малмоѣ, прибылъ шу-
да одинъ Варяжской купеческой корабль,
возвращающійся съ богатымъ грузомъ онъ
столповъ Иракійскихъ. Многіе изъ придвор-
ныхъ, любопытствующихъ видѣть строеніе
и внутреннее разположеніе корабля, и воз-
вращаясь донесли Королю, что видѣли на ономъ
въ одномъ отдѣлѣ лежащаго на постелѣ
глубокихъ лѣтъ старика. Оный имѣлъ длин-
ную бѣлую бороду; но по виду своему еще
очень крѣпокъ силами. Ванъ постели его
висѣло оружіе, снабженное драгоценною
оправою. Придворные сказывали притомъ
слышанное онъ корабельщика, что онъ по-
пался къ нему на корабль слѣдующимъ об-
разомъ: Когда корабль его по претерпѣніи
бури при берегахъ Африканскихъ присталъ
къ берегу: онъ со многими людьми вышелъ
на забродовство, чтобъ снабдить себя дичиною
по

по недосыпкѣ сѣбѣшнихъ припасовъ. Тогда нашли они сего шарика отдыхающаго подъ пенью древесною; близъ оного ходила на арканѣ осѣдланная лошадь, и лежала собака таковой преужасной величины, каковой ни въ никогда видать не случалось. Собака сія была ростомъ съ быка, и страшнѣе льва; но лежала смирно близъ своего хозяина. Шарикъ сей увидѣвъ ихъ, всталъ, и давалъ знакомъ разумѣть, что желаетъ знати, откуда они, куда ѣдутъ и для чего пристали къ берегу. Выслушавъ ихъ ошѣшны, сѣлъ на лошадь свою, и повелъ ихъ далѣе ѣдѣть, бывъ предшествоемъ своею собакою. Вскорѣ начала она лаять таковыми спрашивающими голосомъ, что всѣхъ привела въ ужасъ, и тотчасъ увидѣли, какъ она поймавъ оленя, за одинъ разъ оторвала оному голову. Не прошло четверти часа, какъ она поимала еще четверыхъ оленей. Корабелъщикъ съ удивленіемъ описывалъ ея проворство, съ каковымъ ловила она тѣхъ быстрыхъ звѣрей, не смотря на ростъ и ширину свою. Когда сей шарикъ направилъ столько звѣрей, далъ имъ знакъ, чтобъ они отнесли ихъ на корабль свой. Они благодарили его, и когда хотѣли возвратиться на корабль, далъ онъ чрезъ знаки же разумѣть имъ, что хочетъ пласть съ ними вмѣстѣ; причемъ подалъ корабелъщику кошелекъ съ

Араб-

Арабскими червонцами; лошадь свою разсѣлазъ, пустилъ на волю, а сѣдло съ приборомъ подарилъ ему же. Корабелъщикъ доволенъ бывъ однимъ великой цѣны сѣдломъ, не хотѣлъ принять отъ него денегъ; однако онъ принудилъ его къ тому; сѣлъ съ нимъ на корабль. Во все время пуши ихъ до сего мѣста, не говорилъ онъ ни съ кѣмъ ни одного слова, былъ въ безпрестанной надумчивости, и не вставалъ съ постели, кромѣ того, когда участвовалъ за столомъ. Собака его ни на минуточку отъ него не отлучалась. Впрочемъ разумѣешь онъ все, что говорятъ, хотя самъ наблюдаешь молчаніе.

Король Готфскій любопытенъ былъ узнать сего мужа: и для того послалъ нѣсколькихъ Вельможъ своихъ просить его своимъ имениемъ къ столу. Старикъ сей выслушавъ Вельможъ, всталъ съ своей постели, одѣлся въ великолѣпное по Азіатскому покрою сдѣланное платье, и надѣвъ украшенную дорогими камнями шапку, сѣлъ въ присланную за нимъ колесницу, и прибылъ во Дворецъ въ послѣдованіи своей страшной собаки. Онъ вошелъ предъ Короля, разрѣшилъ свое безмолвіе, и говорилъ слѣдующее: Присутствіе Вашего Величества разрѣшаетъ узъ языка моего. Я прошу принять меня въ число вашихъ пріятелей, и позволить мнѣ видѣть домъ вашъ въ
ны-

ныиѣшиемъ его состояніи; надѣюсь, что чрезъ семдесятъ лѣтъ, въ кои не имѣаь я щастія видѣть страну, вами обладаемую, нравы уже во многомъ перемѣнились. Король Гошфскій, заключивъ изъ словъ его, что онъ долженъ бытъ изъ числа особъ коронованныхъ, всталъ предъ нимъ и привѣтствовалъ его съ великою ласкою. Не сомнѣваясь, сказалъ онъ, что имѣю я честь принимать у себя Монаха: и для того прошу (продолжалъ подставляя ему кресла) принимать спокойнѣйшее мѣсто, и удостоить меня ошкровенностію о вашемъ имени. — Нѣкогда было оное довольно извѣстно при Дворѣ вашего родителя (отвѣчалъ старикъ; я *Савраазаръ*, Царь Колхидской. При словѣ семъ одинъ изъ Вельможъ вспомнилъ сіе имя, о которомъ слыхалъ еще отъ отца своего: онъ напamтшовалъ Королю своему, что Государь Колхидскій оказалъ великіе опыты храбрости въ войнѣ, которую велъ родитель его противу Короля Коданскаго. Сіе подало случай ко многимвъ любопытнымъ вопросамъ, которые продолжались до самаго стола. Престарѣлый Царь вѣль исправно, и лучшіе куски бросалъ своей стоящей за нимъ собацѣ, у которой на шеѣ висѣли лукъ и стрѣлы ея хозяина. По окончаніи стола Король просилъ его разсказать о приключеніяхъ его жизни; въ чемъ и удоволь-

ство-

сповзавъ онъ желаніе его наковниѣмъ обра-
зомъ.

Похожденіе Царя Колхидскаго.

Когда описываю нѣ подробно (го-
ворилъ Савраазаръ) всѣ приключенія, и
что мнѣ въ теченіи сего сорокалѣтняго
вѣку моего видѣнь случилось: потребнобъ
было на это много времени. Довольно бу-
детъ, ежели опишу я только собственно
до меня касающееся.

Я не по моему родинелю монхъ; посто-
му что оныя скончались во время сущаго
моего младенчества: одно только застрахо-
вано въ памяти моей, что я произхожу
отъ рода Иверскихъ Царей, но отъ того
поколѣнія, которое уступило престолъ стар-
шему. Родственница отца моего, принадле-
жавшая сиротствомъ монхъ попеченіе объ моемъ
воспитаніи, отправляла меня еще десяти-
лѣтняго въ Иранъ, столицу Государей Пар-
сскихъ (*), гдѣ процвѣтали науки; она
заставила мнѣ душу, достойную монхъ пред-
ковъ, и совѣтовала чрезъ ученіе стараться на-
градить недостатокъ щастія. Я обучался до
двадцатилѣтняго возраста моего, и успѣлъ во
всѣхъ

(*) Иранъ отъ Грековъ названъ Гекатомпиемъ,
и находился по близости того мѣста, гдѣ
нынѣ Испаганъ, въ Персіи.

всѣхъ навѣстныхъ тогдашнему времени наукъ, не менше и въ воинскихъ упражненіяхъ. Разсуждая, что мнѣ не за чѣмъ возвращеніемъ въ мое отечество, гдѣ надлежало бы мнѣ зависѣть отъ щедрости моихъ родственниковъ, опредѣлилъ я стремлюся по свѣту искать моего счастья, или по крайней мѣрѣ, удовольствоваться тѣмъ склонность мою къ путешествіямъ. Я объѣхавъ многія Азіатскія и Африканскія государства, прибылъ наконецъ въ Египетъ; и въ Александріи сѣлъ на корабль, намірился переплыть въ Европу. Нежданно подверглось мнѣ въ неволю Африканскому морскому разбойнику; отъ оного я проданъ былъ Франійскому купцу. Я привезенъ былъ въ Византию, и поморась моею участію, опредѣлилъ услугами моими снискать благосклонность въ моемъ господинѣ, а чрезъ то пріобрѣсти либо отпускъ, или получить способъ спастись бѣгствомъ. Природа снабдила меня силою и способностію къ понесенію трудовъ; я дѣлалъ все, что ми приказывалъ мнѣ господинъ мой, и чрезъ то заслужилъ его милость. Однакожь онъ, какъ человѣкъ корыстолюбивой, весьма удаленъ былъ отъ того, чтобы дать мнѣ вольность. Со всемъ тѣмъ я побѣгъ щинялъ за преступокъ подлый; и никогда бы на оный не рѣшился, естли бы господинъ мой не вознамѣрился

ед

ся принуждаю меня къ поклоненію идоламъ.
 Я воспишанъ бывъ въ законѣ Зороастровомъ,
 и поклоняясь Всевышнему Существу подъ
 видомъ чистѣйшаго Огня, гнушался его пред-
 ложеніемъ. Между шѣмъ господинъ мой
 уповааъ склонить меня къ тому со время-
 немъ, и возымѣаъ ко мнѣ полную довѣ-
 ренность. Я находился у него въ услугахъ
 дѣтъ съ пять, и въ это время по купече-
 скимъ его промысламъ имѣаъ случай быти
 въ областяхъ Римскихъ, гдѣ старался сколь-
 ко можно было узнать образъ ихъ вои-
 скаго сполченія, и замѣтитъ, какъ дѣй-
 ствуютъ они стѣнобитными и другими раш-
 ными оружіями. Наконецъ ошчаявшись въ
 великодушіи моего господина, во время край-
 няго его принужденія меня къ перемѣнѣ
 закона, нашелъ я способъ спастись бѣг-
 ствомъ. По прибытіи въ Византію, когда
 мы выгружались съ корабля, поручилъ мнѣ
 онъ привезти коробочку съ червонными. Я
 разломалъ оную, и дославъ пошребное для
 намѣренія моего число денегъ, оставилъ
 оную на прежнемъ мѣстѣ; а самъ купилъ
 рѣзвую лошадь, пустился въ бѣгство. Путь
 мой избралъ я по берегу Чернаго моря, и
 съ великимъ трудомъ пробирался чрезъ го-
 ры, находился уже близъ предѣловъ Арме-
 нии, какъ попался я въ руки войску сего
 народа. Армяне, вознамѣрившись навоевать

цар-

жарснмо Колхидское, шам осадннъ стоднч-
 ный онаго городъ Фависъ. Они везли съ
 собою многя стѣнобншныя и каменобросаль-
 ныя орудія, кон, какъ видно, достади отъ
 Римлянъ на войнѣ и конни не умѣли дѣй-
 ствовать. Я по народному праву учинясь
 плѣнникомъ (шо есть что попался въ руки
 смѣлѣйшихъ меня), достади въ услуги Пол-
 ководу. Оный ежедневно занимаюсь при-
 веденіемъ шѣхъ каменобросальныхъ орудій
 въ дѣйствіе, не имѣлъ однако ни малыхъ
 успѣховъ. Узнавъ объ томъ, предложилъ я
 господину моему въ услуги мое искусство,
 съ шѣмъ однако, чтооъ я получаю свободу
 въ награду за изученіе его воинствъ. Под-
 ководецъ сей съ радостію на оное согласи-
 ся, препоручилъ мнѣ пристойное число вои-
 новъ въ науку, и когда увидѣлъ успѣхъ
 трудовъ моихъ, объявилъ меня свободнымъ.
 Однакомъ убѣдилъ меня остаться при войскѣ
 своемъ, предложилъ мнѣ внашней чинѣ. Я
 хотя имѣлъ желаніе побывать въ моемъ
 отечествѣ, но славолюбіе польстило мнѣ: я
 захотѣлъ возвратиться въ оное, пріобрѣвши
 славу моему ннани. Таковымъ образомъ
 шествовалъ я, имѣя подъ начальствомъ шестъ
 тысячъ воиновъ, къ осадѣ Фависа. Городъ
 сей однако былъ мѣсто неприступное, на
 верьху горъ, конхъ утесы подобны были
 стѣнамъ, и проходы къ оному находились
 сквозь

сквозь просѣченныя въ горахъ узкія стѣны. По краямъ утесовъ сей горы построена была стѣна со многими башнями, съ монжъ осаждающихъ легко можно было побить камнями малому числу людей; ибо стѣны на верхъ горы долетать не могли. Внутри сей каменной стѣны, занимающей чрезмѣрную обширность, находилась плодородныя пашни, луга, лѣса, и по самой срединѣ сего мѣста возвышалась другая, равномѣрно неприступная гора, на коей находилась укрѣпленная столица Царя Колхидскаго. Мы внесли пламень войны въ предѣлы сего государства, однако на другой день не находили уже кромѣ пустыхъ деревень; потому что всѣ жители и войска убѣжали въ крѣпость, забравъ съ собою пожитки и весь скотъ. Сіе обстоятельство, угрожающее голодомъ войску, принудило Армянскаго Полководца поспѣшить осадой столицы. Каменобросательныя наши орудія по неизвѣстности Колхидцамъ привели ихъ въ ужасъ; ибо въ нѣсколько пудъ камни, достигали стѣнъ и причиняли онымъ вредъ, хотя очень малой. Со всемъ тѣмъ, естъли бы и могли мы разбить стѣны, не былобы отъ того ни малой пользы; ибо по стѣннымъ проходамъ, въ горѣ изсѣченнымъ, войска наши ни какимъ бы образомъ взойти не могли, когда три вооруженныхъ Колхидца въ со-

ебсолютнѣ были защищать оныя, и удерживать нападающихъ. Сверхъ того, когда бы и имѣли мы успѣхъ овладѣвъ первую крѣпостью, тогда столица Короля Колхидскаго, бывъ отъ природы равнобѣрно укрѣплена, остановила бы теченіе успѣховъ оружія. Однакожь Армянскій Полководецъ, находясь въ необходимости либо взять крѣпость приступомъ, или отступить со стыдомъ; потому что войскамъ его недоставало сѣвѣсныхъ припасовъ: приказалъ обратиться на одно мѣсто всѣ каменобойницы. Я получилъ приказаніе учредить это дѣйствіе, и произвелъ свое съ таковымъ успѣхомъ, что къ полуднямъ другаго дня часть стѣны и съ башнею отъ ударовъ великихъ бросаемыхъ камней обрушилась. Царь Колхидскій столько пораженъ былъ таковымъ неестественнымъ по мнѣнію его дѣйствіемъ, что прислалъ переговоривать о мирѣ. Армянскій Полководецъ возгордился таковымъ успѣхомъ, предлагалъ условія самыя жестокія, на которыя конечно ни одинъ Монархъ согласиться бы не могъ. Требованіе его состояло въ томъ, чтобъ Царь Колхидскій уступилъ престолъ свой Царю Армянскому, а дочь свою единственную наследницу онаго отдалъ за него Полководца въ супружество. Послы возвратились съ огорченіемъ. Не уповавъ принести спокойствія своему отечеству.

Часть III.

И

хв

честну, они колебались даже довести Государю своему предложенное. Между тѣмъ гордость Арминна наполнила сердце мое досадою, и привела меня къ размышленію. Необходимый случай, думалъ я, привелъ меня въ число враговъ Колхидскихъ; я не рассуждалъ еще о томъ, справедливую ли избралъ я сторону. Вдругъ представился мнѣ войско, котораго въ начальствѣ и я участвовалъ, скопищемъ разбойниковъ, пришедшихъ нарушить спокойство народа миролюбиваго, пролить кровь невинныхъ, и разграбить стяжаніе пріобрѣтенное его трудами. Изслѣдовалъ я причину, удержавшую меня послѣ получения моей свободы въ числѣ нападающихъ, и нашелъ, что было то одно честолюбіе, подстрекавшее меня прославить имя мое храбростію. Мнѣ вообразился рѣки крови текущія отъ моего оружія, стонъ умирающихъ, за которыхъ жизнь долженъ буду отдать отчесть Всевышнему, вопль плѣнныхъ, униженіе Монарха, отца своего народу, слезы дочери его, которую представлялъ себѣ прекрасною, и всѣ бѣдствія войны: добродѣтель возбудила мою совѣсть, сердце мое возрепело, и я содрогнулся. Тогда чувствованія мои обратили рассужденія къ моему отчеству: оно представлялось мнѣ въ опасности. Вспомни Армяне завоевующъ Колхиду, подумаю

даябъ я, могутъ ли оставишь въ соседствѣ
 Иверію, непорабощенною своему игу? И
 земля слабая можетъ ли возпроши-
 вившася оружію враговъ сильныхъ и влестолю-
 бивыхъ? Я полагалъ себя бытъ врагомъ ему,
 еслили буду способствовать тому; изъ че-
 го можетъ произойти вредъ ему. - - -
 Словомъ сказать, я вознамѣрился помочь Ко-
 ролю Колхидскому, какъ сторонѣ справед-
 ливѣйшей, и обманувъ Полководца Ариян-
 скаго, избавишь пришеснаемую сторону отъ
 нападенія. Я довольно размышлялъ, и не
 нашелъ никакого преступленія въ измѣнѣ
 сего роду. Можетъ быть я, какъ чело-
 вѣкъ, и не постигалъ, что во основаніи
 управляетъ моиѣ предпріятіемъ: можетъ
 быть тогда, когда я пружинами своей рѣ-
 шимости къ сторонѣ справедливой постав-
 лялъ, обродѣше и любовь къ отечеству,
 дѣйствовало во мнѣ единственно самолюбіе.
 Царевна Колхидская была прекрасна, такъ
 объ ней молва носилась, единая наследница;
 заслуга, кою могъ я оказать, была важна,
 и сіи-то побужденія, льстившія моиѣ на-
 деждамъ подѣ предлогомъ добраго дѣй-
 ствія, влекли меня въ судьбу мнѣ предназна-
 ченную. Я пришелъ къ Ариянскому Полко-
 водцу, и представилъ ему, чтобъ онъ съ
 нѣсколькими чиновниками отправилъ меня въ
 столицу Колхидскую для переговоровъ.

И 2

ша

13

ня (говорилъ я ему) изъ намѣреній вашихъ видимо, что вы ни чѣмъ не можете быть удовольствованы, кромѣ совершеннаго завоеванія Колхиды: и сѣдственно посольство мое не будетъ удачно; но есть другая изъ сего польза. Между шѣмъ какъ буду я продолжать переговоры, могу имѣть случай выстроить пощаенные проходы сквозъ и чрезъ горы, которымъ необходимо быть надлежитъ. При томъ же разговорами моими возбужду въ Царѣ Колхидскомъ любопытство, и желаніе посмотрѣть нашихъ каменобросальницъ. Кагдажъ онъ будетъ просить меня о показаніи оныхъ, я дамъ ему въ томъ обѣщаніе, и пошамъ къ вамъ; а вы пришлите мнѣ нѣсколько самыхъ большихъ орудій со всемъ снарядомъ, и съ небольшимъ прикрытіемъ воиновъ, чтобъ не взяли подозрѣнія. Чрезъ это будемъ мы имѣть на горѣ стѣнобитныя орудія; люди наши узнаютъ пощаенные ходы, и могутъ ночью учинить покушеніе взойши на гору; а я съ моими товарищами и воинами постараюсь облегчить входъ ихъ нападеніемъ на спражу стылу. Когда же такимъ образомъ вороемся мы, тогда съ помощію пращницъ нашихъ нетрудно будемъ овладѣть столицею Колхидскою; впрочемъ вы можете видѣть, что иного способа къ завоеванію нашему не остается.

ВВ-

В Е Ч Е Р Ъ XXXII.

Представленіе мое одобрено было не только главнымъ Полководцемъ, но и всѣми военачальниками; мнѣ обѣщаны великія награжденія за такую услугу, выбрано се мною шесть человекъ отважнѣйшихъ воиновъ, и назаврѣе опредѣлено было шествовать мнѣ съ ними въ посольство, ко-его успѣхъ возложенъ на распоряженіе моего остроумія.

Едва солнце показалось изъ за-высокихъ горъ Колхидскихъ, непріятельскія дѣйствія остановлены, звукъ бубновъ, и бѣлый плашокъ, на копье навязанный, возвѣстилъ спрѣжѣ, на стѣнѣ стоящей о посольствѣ для переговоровъ. Ошѣствовано выставленіемъ на стѣнѣ такого же знака; мы приближились къ утесу горы, выслана къ намъ встрѣча, которая требовала отъ насъ, чтобъ мы позволили завязать себѣ глаза до тѣхъ поръ, какъ взведены будемъ на тору. Надлежало на это согласиться; вели насъ нѣсколько времени искривленными и тѣсными ходами по ступенямъ изъ камня изстѣченнымъ; послѣ чего глаза намъ развязали, а дожидаящія насъ колесницы до везли насъ въ Фаазисъ, во дворецъ Царя Колхидскаго. Мы приняты съ великимъ отъ него

него почтеніемъ, и безъ замедленія приступлено къ мирнымъ переговорамъ. Чѣмъ не подать подозрѣнія бывшимъ со мною Армянамъ, я предложилъ таковыя требованія, и угрозы, что ирестарѣлый и не могущій защищать своего отечества Царь приведенъ былъ тѣмъ въ трепетъ. Должно поскорѣе исей бѣдственной судьбѣ, говорилъ онъ, по нѣкоторомъ размышленіи; легче мнѣ лишиться того престола, на которомъ дѣла мои не подають мнѣ надежды долго пробыть, нежели видѣть проливаемую кровь моего народу, нежели разорять оное бѣдствіями войны. Я саръ уже, мужескаго полу наслѣдниковъ не имѣю; да удсволяется Государь Армянскій, позволишь мнѣ владѣть по смерти моею Коахидою; и да оставишь вѣрный выборъ сунруга моей дочери; впрочемъ согласенъ я уступить ему право на мое царство. Пусть введетъ онъ свои засады въ крѣпости, да пришлетъ своего чиновника къ собранію доходовъ, изъ которыхъ я доволенъ буду половиною.

Можно ли было желать лучшихъ условій; я молчалъ, но товарищи мои, шептали мнѣ, что должно заключить сей договоръ. Не зналъ я, что дѣлать, въ обстоятельствахъ совсѣмъ противныхъ моему намеренію, но былъ выведенъ изъ затрудненія слѣдующимъ происшествіемъ.

Царь

Царь Колхидскій былъ вдовъ, и имѣлъ только одну дочь *Сараффу*, Царевну совершенной красоты, которая по слабости здоровья родителемъ своимъ, не рѣдко участвовала въ правленіи, и занималась дѣлами Государственными. Она услышавъ о намѣреніи отца своего, вѣбжала къ намъ съ обнаженною въ рукахъ саблею, и съ геройскимимъ негсдованіямъ на лицѣ. Возвратившись въ станъ вашъ, говорила она мнѣ, и знайте, что пока рука моя можетъ еще владѣть симъ оружіемъ, не уповайте, чтобъ допустила я состояться столько поносымъ для отечества моего условіямъ. Объясните вашему Полководцу, что я намѣрена защищать оное до послѣдней капли крови. Государь! продолжала она по томъ, обратясь къ своему родителю, сколь ни велико мое къ вамъ почтеніе, но гдѣ состоятъ безопасности отечества, можно преступать онаго предѣлы: простите дерзкія мои выраженія къ которымъ приведена я крайностію; и если дочь ваша мила вамъ, прекратите переговоры, и сей часъ отпустите Пословъ сихъ, или ожидайте всѣхъ слѣдствій моего отчаянія. — Сказавъ это, вышла она вонъ.

Между тѣмъ какъ престарѣлый Царь, Вельможи его, и мои товарищи приведенны были произшествіемъ шаковымъ въ лагерь.

желѣство: я находился еще въ величайшемъ.
 Мнѣ надлежало помышлять о доведеніи къ
 концу моего предпріянія, и сбавынающъ
 спутниковъ моихъ тогда, какъ красота
 Колхидской Царевны поразила сердце мое
 неисцѣлимую язасю. Геройственный ея видъ
 унижалъ ея прелести, занявъ всѣ мои чув-
 ства, и произвелъ страсть, которая льсти-
 ла и моему самолюбію. Я собралъ всѣ силы,
 чтобъ выйти изъ замѣшательства, и сп-
 ведши товарищей моихъ къ сторонѣ, гово-
 рилъ имъ: общошцельства перемѣнились, ус-
 пѣхъ посольства нашего легко можетъ ру-
 шиться, естли не употреблю я хитрости.
 Царь Колхидскій сколько ни склоненъ казал-
 ся сначала къ заключенію мира; но послѣ
 словъ произнесенныхъ его дочерью, конечно
 устыдился ошатся въ прежнемъ намѣре-
 ніи. Надлежитъ мнѣ съ нимъ переговорить
 на единѣ, и пользуясь его слабостію спа-
 раться ушрашнть его еще болѣе. И такъ
 согласишесь вы выйти на часъ вонъ, естли
 Царь позволитъ мнѣ переговорить съ со-
 бою на единѣ. Товарищи мои не имѣли
 никакого одобренія не согласишесь на ашо,
 а я приступивъ къ престолу, требовалъ
 тайнаго выслушанія, примолвивъ притомъ,
 что имѣю объявить причины, которыя Его
 Величество приведуть конечно къ другимъ
 намѣреніямъ, и ускоритъ заключенію мира.

Нов-

Позволено мнѣ на это, товарищи мои, и всѣ Вельможи вышли, а при Царѣ остался только одинъ ближній бояринъ и тѣлохранители. Тогда я повергшись предъ престоломъ на колѣна, открылъ Царю Колхидскому настоящее мое имя, природу, обстоятельство, приведша меня въ Армянское войско и о намѣреніи, съ каковымъ снялъ я сіе кѣ нему посольство на себя. Удивленный Царь не зналъ, что подумать о таковой перемѣнѣ, но выведенъ былъ изъ сомнѣнія, когда я продолжалъ кѣ нему слѣдующее: Ваше Величество! не можете сомнѣваться въ истиннѣ словъ моихъ, когда я предаю себя совершенно въ вашу волю; и когда предлагаю способъ кѣ овладѣнію вашему шѣми орудіями, которыя нанесли столько сража вашей столицѣ. Приставьте ко мнѣ крѣпкій присмотръ до шѣхъ поръ, какъ приведу я крѣпости ваши въ непреоборимое состояніе, и пока на опытахъ увидите, сколько преданъ я вамъ, и сколько ненавижу вашихъ неприятелей. Послѣ чего просилъ я о представленіи меня свѣшлѣйшей его дочери, для успокоенія геройственной души ея таковымъ же открытіемъ. Престарѣлый Царь сошелъ съ престола, подавъ мнѣ руку свою, сказавъ: черныя лица твоего столько являющъ въ себѣ добродѣтели, что трудно бы принявъ такую прищворству; я полагаюсь на тебя, ве-

дикодушной Князь, и безъ опасенія пріемаю помощь твою въ угнетеннѣмъ состояніи моего государства. По томъ велѣ меня въ чершги своей дочери.

Мы нашли героиню сію съ нѣсколькими военачальниками, совѣтующую о средствахъ къ защищенію своего отечества. Царь повелѣлъ всѣмъ выйти, и представилъ меня дочерѣ своей. Я повергся предъ нею на колѣна, открылъ все то, что доносилъ и родителямъ ея, и старался удостоверить оную въ чистосердечіи моихъ извѣреній. Царевна *Сираффа* не вдругъ утвердилась на словахъ моихъ, пребывала долго въ размышленіяхъ, но наконецъ подавъ мнѣ свою руку, сказала: я нахожу великое убѣжденіе вѣрить словамъ единоплеменника и единовѣрца; не могу также ожидать, чтобъ отъ Царей Иверскихъ могла имѣть въ сердцѣ своемъ разположеніе къ предательству: почему даю тебѣ сію руку въ залогъ того, что всякое благодѣаніе твое всему отечеству не останется безъ отплаты. Я поцаловалъ руку ея съ восхищеніемъ, и признаюсь, что хотя бы и не взялъ я сторону Колхидцевъ, одно бы это привело меня къ такому же намѣренію. Послѣ сего приступили мы къ совѣщанію, и положили отправить одного изъ моихъ товарищей въ ополченіе Армянское.

Я

Я вышелъ къ своимъ спутникамъ объяснѣлъ: что хотя Царь Колхидскій и наклоненъ удовлетворить всѣмъ нашимъ требованіямъ, но донь его всѣмъ препятствуетъ; что между тѣмъ привелъ я Царя въ крайнее любопытство посммотрѣть нашихъ пращницъ; что когда оныя будутъ на горней площади за первою стѣною, тогда нетрудно уже будетъ разбить изъ оныхъ стѣны Фазиса, и принудить Колхидцевъ ко всему, чего желаемъ; что между тѣмъ, когда будемъ ввозить пращницы, можемъ высмотрѣть ходъ въ горѣ, и онымъ учинить въ ночное время нападеніе; и что я съ тѣми людьми, кои будутъ при пращницахъ, по стараюсь овладѣть стражею, охраняющею тѣсный путь оный, да въ тогда знакъ ко всеобщему приступу восхожденію на стѣну огня. Съ тѣмъ отправилъ я одного изъ моихъ товарищей къ Армянскому Полководцу.

Оставшіеся со мною Армяне приглашены были къ Царскому столу, изъ за-котораго встали очень шумны, провождены въ отведенные покосы; но проснулись подъ крѣпкою стражею въ разныхъ башняхъ. Между тѣмъ въ совѣтѣ царя Колхидскаго предложилъ я, отборныхъ людей изъ его войска нарядить въ Армянское платье, поставитъ оныхъ къ принятію пращницъ, и занять оными пошавшія боковыя пуши къ узкому про:

проходу въ горѣ, чтобы Армяне, бывъ о-
изнущы шѣмъ безъ затрудненія попались
разставаеиному сѣмъ; чтобы всѣ вой-
приготовлены были ко всеобщей вылазкѣ.
Когда мы пращниками овладѣемъ, наведемъ
ихъ на станъ непріятельскій, и другія нуж-
мы мѣста; и когда по засаженному на стѣ-
нѣ знаку начнется приступъ къ горѣ, что-
бы войска другими ходами обшедъ, напа-
ди на осаждающихъ стѣлу. Все это раз-
поряжено было съ великимъ успѣхомъ. Ар-
мянскій Полководецъ полагаясь на меня, ото-
бразъ почти всѣ лучшія свои пращники, и
умышленно провелъ до вечера приращеніемъ
оныхъ къ стѣрзѣ въ горѣ. Безоруж-
ные Колхидцы высланы были для встаски-
ванія оныхъ на верѣхъ горы, за каждою
пращницею слѣдовало небольшое прикрытіе
Армянскихъ воиновъ, и пращники пошаци-
ли. Я съ Колхидскими воеводами и перео-
дѣтыми въ Армянское одѣяніе воинами до-
жидался у отъерзшія хода на горѣ; а часть,
отраженная другимъ, заняла пошайныя боко-
выя пути, чтобы ни одинъ изъ пришедшихъ
Армянъ въ случаѣ открытія умыслу обра-
но спастися не могъ. Армяне, прибывшіе
съ первыми пращниками разбираемы были по
рукамъ, обезоруживаемы и отсыланы въ
земли; то же послѣдовало и съ прочи-
ми, такъ что мы овладѣли всѣми пращ-
никами,

щами, и прикрывавшими оныхъ воинами
 изъ всякаго шуму и кровопролитія. Въ слѣ-
 дующій день приступилъ я къ обученію Кол-
 хидцовъ дѣйствовать пращниками, и про-
 должалъ оное съ таковымъ раченіемъ, что
 въ вечеру могъ разставить оныя на стѣнахъ
 въ отрядахъ искусныхъ управителей. По раз-
 порженіи сего войска Колхидскія начзали
 спускаться разными окольными путями подъ
 гору, переодѣтые въ Армянъ Колхидцы за-
 няли отъерзтія узкихъ входовъ на гору и
 тайныя боковыя пути; я пустилъ со стѣны
 огненный знакъ, которой состоялъ въ ямѣѣ,
 употребляемсѣ у Римлянъ въ стѣнныхъ по-
 стѣхъ, которой составлялъ я у нихъ пере-
 нзалъ, и о ксторомъ Армянскій Полководецъ
 вѣдалъ, что опричь меня никто онаго сдѣ-
 лать не можетъ. По сему знаку началъ онъ
 всеобщій къ горѣ приступъ, множество Ар-
 мянъ, ворвавшись въ тѣсный проходъ, про-
 пущено было въ средину онаго, и послѣ
 встрѣчено переодѣтыми Колхидцами съ од-
 ной стороны, а съ другой напали на нихъ
 вастѣшіе въ тайныхъ боковыхъ ходахъ: начз-
 лось жестокое смятеніе и сѣча. Армяне по-
 ражаемые переодѣтыми Колхидцами, не
 узнавали своихъ непріятелей, видѣли уронъ
 свой, смутились, и произвели жеждуус-
 бное сраженіе. Между тѣмъ зажженные на
 всей стѣнѣ костры приготовленныхъ дровъ
 ссвѣ-

освѣтили всю площадь подѣ горою, и открыли скопившееся при подошвѣ оной войско Армянское. Прѣшники начали въ оное производить жестокое убійство бросаніемъ великихъ камней; Армяне пришли въ замѣшательство, Полководецъ ихъ не зналъ, чѣмъ дѣлать, старался ободрить ихъ, привести въ порядокъ, но его не слушали. Всякъ не повиновался, и искалъ спасенія въ бѣгствѣ; но тѣсноша тѣсму препяшествовала, и началось междуусобіе. Въ это время присѣлаи Колхидскія войска и напали со всѣхъ сторонъ. Кровопролитіе было ужасное; восходѣ солнца осіяло уже не сраженіе, но сѣчу, Армяне бѣжали безпорядку, и не были щажены. Словомъ сказать, все войско было побито, воинскій станъ, всѣ пращницы достались въ добычу Колхидцамъ, и самый Полководецъ Армянскій съ немногими числомъ оставшихся взятъ въ плѣнъ. Я съ моей стороны съ вѣренными мнѣ отрядомъ, по отраженіи отъ горы непріятелей, успѣвъ участвовать въ сраженіи; я плѣнилъ Армянскаго Полководца, послалъ гонца къ Царю съ извѣстіемъ о совершенной побѣдѣ, и вообще съ прочими имѣлъ торжественный входъ въ Фазисъ. Не извѣстно какимъ образомъ народъ увѣдалъ, что опечество его избавлено отъ паденія моею помощію; и хотя я въ торжественномъ входѣ не первое заннмалъ мѣсто, но

едва

два съ отрядомъ своимъ приближился къ городскимъ воротамъ, какъ народъ закричалъ единогласно; да здравствуетъ *Саврааэаръ*! избавитель Колхиды. да здравствуетъ онъ супругъ нашей Царевны, и наследникъ престола! — Признаюсь, что желанія народа очень были по моему вкусу, хотя льстили моей страсти и самолюбію, но не смѣлъ я ожидать, чтобы услуги мои простирались до такого награжденія.

Царь Колхидскій встрѣтилъ меня на переходахъ двorca своего; онъ обнялъ меня дружественно, говоря: тебѣ одному, храбрый и великодушный *Саврааэаръ*, приписую я побѣду надъ врагами моего отечества; ты оною защищаешь, и мнѣ осталось только награждать заслуги твои по мѣрѣ ихъ важности. — Таковое приѣтствіе привело меня въ смущеніе; я лобызалъ полу Его Величества, относилъ подвиги мои къ долгу честнаго человѣка, а весь успѣхъ храбрости воеводъ и войскъ его. Тѣмъ больше безкорыстіе, подхватилъ Царь, возвышаетъ вашу душу; тѣмъ болѣе достойны вы всего моего признанія. Сказавъ это, велъ онъ меня въ чертоги своей дочери. Я принятъ былъ отъ Царевны съ великою благодарностію; она обѣщалась испросить у родителей своего пристойное вознагражденіе; но можешь быть прочла она въ глазахъ моихъ, что вознагражденіе сіе удовлетворишь мнѣ тогда только,

ког-

когда будешь состоять въ одной ея особѣ; въ время торжества, приличнаго щастливому сему произшествію, объявленъ я главнымъ начальникомъ войскъ Колхидскихъ; вся добыча полученная въ Армянскомъ становищѣ отпущена въ точное мое распоряженіе, но я раздѣлилъ всю оную военачальникамъ и войску. Поступокъ сей приобрѣлъ ко мнѣ сердца. Въ слѣдующій день назначено собраніе Государственнаго Совѣту; я приглашенъ во оный. Совѣщались о мѣрахъ въ разсужденіи плѣннаго Полководца и продолженіи войны. Храбрые люди въ собраніи желали брани и предлагали нападеніе на Армянское царство, омаженное тогда побѣдою всего войска; любящіе свое отечество желали міра, и робкіе изъ оныхъ совѣщавши принудили плѣннаго Полководца подписать договоръ на всевозможныхъ условіяхъ. Я совѣщавъ Царю отпустить Полководца и всѣхъ плѣнныхъ съ честію, ошнудъ не пользовался нещастіемъ враговъ своихъ, не нападать на ихъ государство, и оставить на волю Царя Армянскаго вѣчный ли миръ, или войну. Я представилъ къ утвержденію моего предложенія столько основательныя причины, что Царь и весь Совѣтъ одобрили мое мнѣніе. Полководецъ Армянскій былъ призванъ, получилъ свое оружіе, и узнавъ о положеніи съ Совѣтъ, столько былъ тронутъ

великодушiемъ побѣдителя, что подписалъ добровольно вѣчный миръ и всѣ онаго условiя. Онъ со всѣми пѣнными ошпущенъ былъ съ честiю, и поступокъ съ нимъ донесъ Государю своему въ сношъ безпристрастныхъ начертанiяхъ, что оный проиушъ былъ до внушренности души, и всю ненависть и вражду обратилъ въ дружелюбiе. Онъ подтвердилъ всѣ шашьи вѣчнаго мира; въ непродолжительномъ времени прислалъ шо съ торжественнымъ посольствомъ, и съ того времени Армяне учинились Колхидцамъ дружественными и добрыми сосѣдами.

Когда все шакowymъ образомъ уцреждено было, и въ Колхидѣ возстановилось спокойство, а я ежедневно видя прекрасную *Сараффу*, имѣвъ случай еще болѣе познать истинный нравъ ея, и шѣвъ болѣе воспламеняясь, не смѣлъ открыться въ жестокой моей любви къ ней: вдругъ позванъ былъ я къ Царю. Онъ вѣдалъ въ собранiи всѣхъ своихъ Вельможъ и Военачальниковъ. Всѣ встали, когда я вступилъ. Царь сошедъ съ престола, вѣлъ меня за руку и говорилъ слѣдующее: я не стану изчислять заслугъ твоихъ, оныя довольно извѣстны всѣмъ моимъ подданнымъ; осталось мнѣ наградить тебя, любезный мой *Савраазаръ*. Но въ чемъ можешь состоять это награждение, совѣщаюсь я съ моими вѣрноподданными. Я уже

Часть III. I пре-

престарѣлъ; гробъ мнѣ предстоитъ, и Колхида требуетъ себя защитника. Надлежитъ мнѣ наречь преемника престолу въ супругъ моей дочери; такъ повелѣваютъ законы моего государства. Но кто болѣе достоинъ носить мою Корону, какъ удержавшій оную на главѣ моей? и кто лучше составитъ счастье моей дочери, какъ избавитель ея отечества? Я нарекаю съ согласія и желанія всего моего народа тебя, любимый *Савраазаръ*, наследникомъ моимъ и супругомъ моею дочери. — Изреченіе сіе составляло верхъ моихъ желаній; я палъ предъ Царемъ на колѣна, признавалъ себя недостойнымъ толикихъ милостей, и благодарилъ, какъ сынъ того, кто изрекъ себя опцемъ моимъ. Прекрасная *Сараффа* не находила затрудненія согласиться на усовершеніе моего счастья; сердце ея предубѣжденное въ мою пользу, охотно повиновалось волѣ ея родителя. Бракъ нашъ совершился, всѣ Колхидцы съ радостію присягнули мнѣ въ вѣрности; я учинился изъ ничего почти счастливейшимъ на свѣтѣ человекомъ, наследникомъ престола, и обладателемъ прекраснѣйшей супруги. Царь, шестъ мой, удрученный древностію лѣтъ и слабостію здоровья, возложилъ на меня все бремя правленія Государственного; онъ вѣнчалъ меня въ соцарствованіе себя, и провождалъ въ

въ спокойствіи остатокъ дней, не вытѣшаясь ни въ какія дѣла.

По прошествіи ошправляемыхъ по сему произшествію торжествъ и первыхъ восторговъ въ объятіяхъ нѣжной моей супруги, спѣрался я ошарашить всѣ безпорядки въ моемъ царствѣ, войною произведенные, и привести оное въ хорошее обсронительное состояніе. Я приказалъ надѣлать множество пращницъ, обучать управленіемъ оныхъ, и шѣмъ привесть всѣ крѣпости государствъ, а особливо Фазисъ, въ безопасность. По шѣмъ перасе мое стараніе было пригласить шѣнку мою для раздѣленія со мною моего благополучія. Сія нѣжная родственница прибыла, и пріѣздомъ своимъ несказанно обрадовала меня и мою супругу; мы почитали ее вмѣсто матери. По прошествіи года супруга моя разрѣшилась отъ бремени дочерью, которую въ память ая бабки назвала я СЛАМІЗОЮ.

Однако таковому совершенному щастію не льзя быть было продолжительну. Прошло уже три года царствованію моему въ Колхидѣ, какъ въ нѣкоторый прекрасный день задумалъ я съ супругою моею выѣхать и прогуляться въ подгорные луга и роши. Среди моего государства, любимый мной народомъ, могъ ли я ожидать какого бѣдствія и упаденія! За нами не было никого, кромѣ

дано числа придворныхъ и не болѣе шестимъ
 человекъ шлохранителей. Пріятность мѣсто-
 положенія нечувствительно завела насъ въ
 глубину рощъ. Тогда множество незнако-
 мыхъ вооруженныхъ злодѣевъ съ закрышы-
 ми лицами окружили нашу колесницу; они
 во мгновение ока побѣди шлохранителей, самъ
 я упалъ, получивъ рану въ голову; и опа-
 шавшись, отъ возницы моего, который
 одинъ въ живыхъ остался, услышалъ, что
 Царица моя или увезена. Не могу я описатьъ
 горести, обвѣвшей мою душу; кто только
 любилъ супругу свою страстно, и былъ раз-
 дученъ съ нею таковыми жестокими обра-
 зомъ, можешь представить себѣ о тогдаш-
 немъ спраданіи моего сердца. Не знаю, какъ
 могъ я живъ остаться послѣ таковаго уро-
 ну; однако рана моя не была смертельна,
 и я скорѣе выздоравливалъ. Въ продолженіи
 того, какъ я лежалъ въ постелѣ, шесть и
 шетка моя почти отъ меня не отходили, и
 разпоражали всевозможныя средства къ сы-
 сканію возлюбленной *Сараффы*; но всѣ по-
 кушенія усердныхъ подданныхъ остались без-
 успѣшны; не открыто ни малѣйшихъ слѣ-
 довъ о ея хищникахъ. Выздоровѣвъ не могъ
 я вкушать покоя, и заключалъ дошолъ по
 свѣту страстновать, пока сыщу мою дра-
 жайшую супругу. Въ этомъ намѣреніи вру-
 чилъ я правленіе престарѣлому моему шестю,

А

я дочь старанію и попеченіямъ моей жены,
и не взирая на ихъ убѣжденія, оставилъ
Кодхиду. Я выѣхалъ въ простомъ пере-
одѣяннѣ, и не взявъ съ собою кромѣ самаго
малаго числа служившихъ. Долго странство-
валъ я около границъ моего государства,
прилагая безплодные развѣдыванія. Между
тѣмъ извѣстася объ одномъ пущыиникѣ,
имѣющемъ даръ узнавать предбудущее, за-
ѣхалъ въ непроходимыя тѣ горы, въ ко-
торыхъ онъ обиталъ. Добродѣтельный эпомъ
мужъ обрзовалъ меня, объявивъ мнѣ, что я
хотя и найду мою супругу, но не такъ
скоро, и не прежде, какъ обѣзвѣднѣвъ зна-
чѣйшіе дворы Европейскихъ и Азіатскихъ
Государей. Слѣдуя сему, странствовалъ по
Европѣ и Азіи. Въ сіе-то время (продол-
жалъ *Савраазаръ* къ Королю Гомфскому)
случилось мнѣ быть при Дворѣ вашего ро-
дителя, и оказавъ нѣкоторыя услуги въ вой-
нѣ противу Кодановъ. Оттуда отправи-
лся я въ Русы, принеся моления мои въ свя-
тилищѣ Комоградскомъ предъ вѣчными Зми-
немъ. Я слѣдовалъ по шоссѣ въ Волгары;
словомъ сказать, обѣзвѣднѣвъ я почти всѣ го-
сударства въ Европѣ и Азіи, не получивъ
ни малѣйшаго извѣстія о моей возлюбленной
Сарафѣ. Шестнадцатилѣтнее отсутствіе
изъ моего государства, любовь къ родна-
никамъ, и помыслы моей дочери, понудили

меня въ оное воззрѣвшись; я шестую пу-
тею, прибавъ въ Козары.

В Е Ч Е Р Ъ XXXIII.

Остывающъ на постояльсѣ дворѣ, увѣ-
домился я, что надъ Козарами царствуетъ
Зорминъ, Государь молодой, лишившійся
за годъ предъ тѣмъ супруги своей есте-
ственной смертію. Кончина ея повергла его
въ такое огорченіе, что онъ не печется
уже о правленіи государствомъ, въ кото-
ромъ произходятъ при томъ многіе беспо-
рядки и разстройства, а особливо отъ
умножившихся разбоевъ. Услышавъ я при-
томъ, что онъ не выходитъ изъ внутрен-
нихъ покоевъ и никого къ себѣ почти не
допускаетъ. Нѣсколько сходствующая при-
чина печали его съ моею рѣшила меня уви-
дѣть несчастнаго сего Владѣтеля, она же при-
нудила меня сострадать объ немъ и ста-
раться принести совѣтами моими отраду.
Я прибылъ къ нему во дворецъ, и шелъ
во внутренніе его покои. Придворные услы-
шавъ отъ меня, кто я таковъ, отворили
мнѣ двери; я засталъ Зормина въ жесто-
комъ уныніи, взирающаго на изображеніе по-
кой-

койной его супруги. Входъ мой остановилъ слезы, готовыя пролиться изъ очей его. Нещастный Государь! сказалъ я ему: я не осуждаю твоей печали; она справедлива. Во мнѣ ты найдешь равнобѣрно огорченнаго Царя Колхидскаго, узнаваго о твоёмъ уронѣ и пришедшаго раздѣлить съ тобою твои слезы. *Зорминъ*, услышавъ слова мои, пришель въ себя, извинялся предо мною въ томъ, что принялъ онъ меня не съ надлежащею достоинству моему честью, Я открылъ ему, что о достоинствѣ моёмъ никто не вѣдаетъ; что я вѣжу скрытно, и рассказалъ по томъ подробности нещастной причины, меня къ тому принудившей. Огорченныя находятъ въ себѣ нѣкое сходство; предразсужденіе о семъ рождаетъ симпатію: мы съ перваго разу почувствовали съ *Зорминою* взаимную склонность, и вскорѣ учинились друзьями. Я старался разогнать печаль его моими разсужденіями, славилъ ему въ примѣръ себя, и совѣщавалъ приниматься за правленіе государственное; я открылъ ему о слышанныхъ мною безпорядкахъ, въ его Королевствѣ отъ пренебреженія сего происшедшихъ. *Зорминъ* устыдился бы можетъ быть, слышавъ сіе отъ иного, кромѣ своего друга; онъ обнялъ меня, благодарилъ и обѣщалъ исправить свою погрѣшность. Онъ вознамѣрился обѣхать

свое Королевство, увидѣшь всякое злоупотребленіе на мѣстѣ, и испребишь оное до кореня. Сколько ни велико между тѣмъ было желаніе мое возвратиться въ Колхиду, но не могъ я противиться сильнымъ убѣжденіямъ *Зоржиновымъ* сотовариществовать въ его путешествіи. Вскорѣ мы отправились съ пристойною Царскому великодушію свитою: я не стану описывать подробностей сего пути, а скажу только, что присушествіе Государа, входящаго въ подробности странъ державы его отдаленныхъ, не обходимо нужно. Обыкновенно не те Монархи видящъ своими глазами, что спрахуются имъ доносить. По слѣдамъ *Зоржиновымъ* оставался страхъ и благодарность; злоупотребители власти своей принимали наказаніе, обиженные правосудіе, а добрые награжденіе. Наконецъ остановились мы въ нѣкоторомъ небольшомъ селеніи, близъ границъ Козарскихъ, для отдохновенія. Тутъ слышали мы о обитающемъ неподалеку страшномъ чародѣѣ *Зимбравѣ*. Замокъ его описанъ былъ намъ столько ужаснымъ, а самъ онъ столько безчеловѣчнымъ, что никто къ оному и днемъ приближиться не смѣетъ. Рассказали намъ о страшныхъ привидѣніяхъ, безпрестанно тамъ являющихся, и о другихъ многихъ приключеніяхъ, которыхъ суевѣрная чернь пріемлетъ, въ ридѣ

рѣшѣ онымъ и пересказываніями своими
 приумножаетъ. Я съ моей стороны всегда
 худо вѣрилъ чародѣйствамъ, и считалъ
Зимрала ашаманомъ разбойничей шайки,
 какъ и замокъ его оныхъ пристанью; я
 открылъ мѣстѣ мое *Зормину*. Онъ согла-
 сенъ былъ въ томъ, и требовалъ моего
 совѣту, какимъ бы образомъ истребить
 опасное это гнѣздо злодѣевъ. Мы не зная
 обстоятельствъ и силы мнимаго чародѣя,
 не могли ланымъ образомъ напасть на за-
 мокъ его; ибо число воиновъ съ нами на-
 ходившихся не такъ было велико. Тайное
 побужденіе влекло меня къ сему испыта-
 нію; я смалъ оное на себя. Сколько *Зор-
 минъ* ни представлялъ мнѣ объ опасности
 такового предпріятія, но ничто меня от-
 арашить не могло. Я переодѣлся въ крестъ-
 янское плащье, и взявъ проводника, пошелъ
 къ замку оному. Проводникъ велъ меня
 сквозь дремучій лѣсъ, узкою стѣною и по
 крутымъ горамъ. На послѣдокъ пришли къ
 такому мѣсту, съ котораго замокъ былъ
 видѣнъ указалъ мнѣ оный, и остановился
 дожидаться моего возвращенія. Никакъ
 не могъ я принудить робкаго сего человека
 сдвинуть шагъ впередъ, и принужденъ
 былъ итти одинъ. Замокъ этотъ стоялъ на
 неприступномъ каменномъ утесѣ, обведенъ
 былъ крѣпкою стѣною, и входъ къ оному

1 5

былъ

былъ чрезъ подъемный мостъ, висящій надъ пропастью. И, приближась къ оному, усмотрѣлъ я на стѣнахъ замка страшныхъ чудовищъ разнаго роду. Со всюю моею отважностію почувствовалъ я холодъ отъ таковаго зрѣлища. Однакожь ободрившись, воскликнулъ я громко и ясно имя *Зимбры*, какъ-то наученъ былъ я отъ искуснаго проводника моего, что сіе восклицаніе нужно произнести желающему вопрошать о чемъ нибудь чуждѣ. На голосъ мой выскочило въ подворотню замка чудовище, имѣвшее великую и страшную голову, крылья и змѣиный хвостъ; оное страшнымъ голосомъ вопрошало меня о причинѣ моего прихода. Я бросился предъ нимъ на колѣни, и съ мнимымъ подобострастіемъ сказалъ: великій служитель могущаго *Зимбра*! донеси ему, что Посолъ отъ сильнаго Государя прислалъ къ нему съ дарами спросить о судьбѣ его. Подожди, сказала чудовище, и возвратилось въ замокъ. Но спѣша, зацѣпилось ногою за одну веревку, отъ чего перекувыкнулось, сронило съ себя ибышо и произвело, что подъемный мостъ отъ того опустился. Пришедъ отъ того въ замѣшательство, нырнуло оно въ землю и исчезло. Я всталъ изъ моего почтительнаго положенія, осмѣлился перейти мостъ, и усмотрѣлъ, что обреченное чудовищемъ состояло въ харѣ,

рѣ,

рѣ, каковыя въ Римѣ видаѣ я на комедіантахъ; я на стѣнахъ мнимыхъ чудовищъ представляли разнаго роду чучела. Почтеніе мое къ чародѣйству тотчасъ уменьшилось; я осмѣлился посматрѣть ближе ворота, нашелъ оныя довольно крѣпки, и близъ оныхъ подъемную дверь, въ которую ушло чудовище и забыло опустить сную за събож. Не сомнѣвался я болѣе въ обманѣ, и чтобъ не было то гнѣздо какихъ нибудь злодѣевъ. Но опасаясь подать подозрѣніе о моей догадкѣ, возвратился я на прежнее мѣсто и ставъ на колѣни дожидался опашу. Чудовище другое вышло, и объявило мнѣ, что великому *Зимвраю* угодно выслушать Посла назавстрѣ поутру. Я опѣшествовалъ поклономъ, и возвратился показывая на себѣ всѣ знаки ужаса. Проводникъ мой удивился увидѣвъ меня безвредна; мы пошли обратно, и дорогою простодушный земледѣлецъ увеселялъ меня разсказами о страшныхъ приключеніяхъ съ опѣважившимися приближаться къ замку *Зимвраеву*. Достигнувъ деревни, въ которой находился Король Козарскій, открылъ я ему объ моемъ открытіи, и назначенномъ на утрѣ пріемѣ мнимаго посольства. Мы заключили ворваться въ замокъ хитростию, чтобъ между тѣмъ, какъ я и *Зорминъ* съ десятиью отборныхъ шлохранищелей будемъ

демъ представлять Пословъ, прочимъ во-
намъ прийти до разсвѣту, спрятавшись близъ
стѣнъ замка; и когда насъ въ оный впус-
тятъ, выйдя съ осторожностію, овладѣвши
мостомъ, и выломивъ ворота, естъли оныя
будушь запершы, ворвашся въ замокъ. Я
сообщавалъ *Зоржину* для сего отважнаго
предпріятія выбрать только однихъ нѣхъ,
кои охотою согласяшся ийти для полученія
половины изъ добычи, которую мы найдемъ
въ замкѣ. Учинено сіе, но не болѣе двухъ
сотъ человекъ сыскалось отважныхъ дер-
знувшихъ покуситься на *Зимаря*; столько
молва о страшномъ чародѣйствѣ успѣла
овладѣть сѣрдцами людей испытанной хра-
брости! И выбравъ между первыхъ началь-
никовъ, объяснилъ имъ о положеніи замка,
упомянувъ о подъемныхъ дверяхъ близъ во-
ротъ, и сдѣлавъ наставленіе, какимъ обра-
зомъ поступать имъ должно для овладѣнія
замкомъ. Не позабылъ я также разтолко-
вать имъ, что она имѣють сражаться не
съ чудовищами и привидѣніями, но съ раз-
бойниками, которые конечно изъ сего гнѣ-
ва своего вырываются, опустошаютъ ихъ
отечество; и объяснилъ имъ примѣченныя
мною фигурства, употреблемыя *Зимара-
емъ* для устрашенія черни, и подавши по-
водъ къ молвѣ о мнимыхъ привидѣніяхъ.
Распорядивъ шакowymi образомъ все, от-
пра-

явились мы ночью къ замку. Воины по-
 прыгали въ способныхъ мѣстахъ; а мы
 представляющие Писловъ, въ нѣкоторомъ
 отдаленіи дожидались разсвѣту. Тогда по-
 шли мы къ замку тихимъ шествіемъ. Я и
 Зоржинъ несли куски вязотканей, а во-
 ны по мѣшку сребреницъ. Зимарай дожи-
 дался насъ приугодовалъ къ встрѣчѣ нашей
 довольно фигурствъ: огненные зѣи выле-
 тали изъ башенъ, поднимались на воздухъ,
 и разрываясь съ громомъ, упали огненнымъ
 дождемъ; чудовища ходили по стѣнамъ, и
 произносили страшные вопли. Я объяснилъ
 Зоржину и бывшимъ со мною, что пер-
 выя сестры въ составѣхъ, каковыя Рим-
 лие употребляютъ въ огненныхъ пошѣхахъ;
 а послѣдніе не иное что, какъ наряженные
 мошенники. Въ приближеніи нашемъ два чу-
 довища выскочили въ подземную дверь, опусти-
 ли мостъ и обратили ушли въ то же отверстіе;
 но намъ казалось, что провалились онѣ
 сквозь землю; послѣ сего вѣрою разтво-
 рились, и голосъ невидимаго кричалъ намъ,
 чтобъ мы шли. Мы перешли мостъ; при-
 чемъ я примѣтилъ, что когда ушли чуд-
 вища, подземная дверь опустилась неплот-
 но, и они не успѣли оную закрыть: я вски-
 нулъ оную наверхъ, и оставилъ одного
 воина не допускавъ къ зашлоренію, пока
 засады наши овладѣютъ мостомъ; ибо
 до-

дорогу сію считалъ удобнѣйшею къ ворванію въ замокъ. Какъ скоро вошли мы въ ворота, оныя съ страшнымъ шумомъ затворились; два человека, одѣтые шутовски и въ хари, повели насъ предъ *Зимврая*. Пріемная его зала состояла въ нѣкошоромъ родѣ погреба, въ который достигли мы иррачнымъ переходомъ. Покой этотъ обитъ былъ весь чернымъ сукномъ, посреди оного стоялъ жертвенникъ, всадвигнутый изъ головныхъ человѣческихъ костей, а на ономъ лохань, въ которой горѣла вода; исходящій отъ оной синій пламень представлялъ освѣщеніемъ своимъ всѣхъ стоящихъ противу насъ служителей *Зимвраевыхъ* тѣнями усопшихъ; но сіе мало насъ устрашало. Самъ *Зимврай* стоялъ въ черной одѣждѣ съ водіакомъ презъ плечо, и съ волшебною шпорою въ рукахъ, сбочъ сего жертвенника. Мы отдали ему поклонъ, положили къ ногамъ его дары и деньги; послѣ чего я началъ говорить приготовленную рѣчь набогворемьянно, а имянно: я находилъ нѣкошорое предчувствіе думать, что не сей ли замокъ скрываетъ мою возлюбленную *Сараффу* отъ моихъ поисковъ. Почему началъ слѣдующее: „Царь Колхиды, увѣдавъ о могуществѣ твоёмъ, великій *Зимврай*, посылаетъ меня къ тебѣ — при имени Царя Колхиды, чародѣй смущился, однакожъ обод-

бодрясь, сказалъ мнѣ холодно: чего сей Царюкъ отъ насъ требуетъ? — „ у него похищена злодѣями супруга; онъ проситъ твоей помощи къ возвращенію ея въ его объятія. „ — Много онъ требуетъ, сказалъ *Зимрай* съ негодованіемъ; объяви ему, что онъ не увидитъ *Сараффы* вѣчно; потому что великому *Зимраю* угодно было учинить ее своею наложницею. — Отъ словъ сихъ возшепсала я яростію: мерзкій хищникъ! вскричалъ я, обнаживъ мечъ свой: сей Царюкъ, котораго ты столько обидѣлъ, здѣсь предъ тобою, и накажетъ тебя за твое злодѣяніе! — Съ словомъ симъ произвелъ я столь сильный ударъ, что мерзкая голова слетѣла съ плечь *Зимравыхъ*. Мнимыя шenni усопшихъ обратились въ бѣгство; но тогда раздвинувшаяся стѣна представила намъ, каковой опасности подвергла насъ моя запальчивость. Множество вооруженныхъ разбойниковъ выскочило на насъ съ обнаженными саблями. Мы встрѣтили ихъ храбро; но не долго бы могли выдержать ихъ нападеніе, когда бы воины наши, нашедъ подземную дверь отверзшу, не вобрались въ замокъ, и побивъ всѣхъ попавшихся имъ разбойниковъ, не приспѣли къ намъ на помощь. Разбойники были всѣ порублены, часть изъ нихъ переделана и перевязана; сдѣланъ обыскъ, разставлена стража, и замокъ щастливый обра-

ра-

разомъ безъ всякаго урона съ нашей сторо-
ны достался въ наше владѣніе.

По словамъ *Зимерлевымъ* не сомнѣваа-
ся уже я болѣе, чтобъ супруга моя не въ
семъ мерзкомъ вершепѣ находилась. Испол-
ненный радости и нетерпѣнія, бѣгалъ я по
всѣмъ жилищамъ злодѣйскимъ, нашелъ мно-
жество пѣнныхъ и въ неволѣ у разбойни-
ковъ содержащихся дѣвицъ, но не видалъ
между оными моей *Сараффы*. Я приходилъ
уже въ отчаяніе, какъ одна старушка упавъ
предо мною на колѣни, подавала мнѣ ключъ
и привела меня къ погребу, находившемуся
въ углу замка подъ башнею. Я отперъ
замокъ, не понимая, что дѣлаю, того, куда
ведетъ меня старуха, и по длинной лѣстницѣ
спустился въ мрачный погребъ. Отъ шороху
приближенія услышалъ я вавѣнѣвшія цѣпи,
и голосъ, произнесшій слѣдующія слова: Не-
милосердый *Каледъ*! долго ли тебѣ усаж-
даешься моимъ мученіемъ! Лиши меня веща-
стной жизни, или возврати меня моему воз-
любленному *Савраазару*. — Ахъ, *Сараффа*!
вскричалъ я узнавъ ея голосъ; о возлюблен-
ная супруга! . . . Болѣе не могъ я произ-
нести; я очутился въ ея объятіяхъ, лиши-
лся чувствъ, и уже опомнился на дворѣ зам-
ка, куда вынесли меня по повелѣнію *Зор-
минову*, и посягши съ *Сараффы* оковъ. Не
можно изобразить мнѣ вамъ той радости,
ка-

жаковую ощущали мы съ *Сараффою*, соединясь съ нею противу всякаго ожиданія. Мы возсылали теплыя на Небо молитвы, лобызали другъ друга тысячекратно, и едва вѣрили глазамъ своимъ, что не во снѣ шо видимъ. По прошествіи первыхъ восторговъ, просилъ я *Сараффу* разсказать о случившемся съ нею послѣ нашей разлуки; почему начала она слѣдующее:

„Прежде нежели приступлю я къ повѣствованію того, что претерпѣла. я отъ ненавистнаго *Зимаря* со времени моего похищенія, должно мнѣ разсказать вамъ объ одномъ приключеніи, бывшемъ еще до пришествія вашего въ Колхиду. При Дворѣ отца моего находился одинъ придворной, по имени *Каледъ*. Сей дерзкой подданный отважившись влюбиться въ меня, не устрашился при всякомъ удобномъ случаѣ открывать мнѣ взорами страхъ свою. Но я пришиворялась того непонимающею, не хотѣвъ обличить его въ дерзости и ожидая, что онъ одумается. Однако сей наглый злодѣй не отсталъ отъ своего намѣренія, и нашедъ меня прогуливающуюся одну въ садахъ, отважился открыться мнѣ въ любви своей съ шаковымъ безстыдствомъ, что я едва могла опомниться. Тогда я пришедъ въ великую досаду, приказала ему выѣхать изъ столицы, и подъ опасеніемъ смерти во всю жизнь мою въ оную не возвращаться. Я клялась ему, что въ

Часть III. . К слу-

случай преслушанія сего повелѣнія скажу обо всемъ родителю моему, и испрошу личное дерзосши его наказаніе. *Каледъ* пришелъ въ ужасъ отъ словъ моихъ, и на другой день скрылся. Я не слыхала объ немъ ничего до самаго несчастнаго дня, въ которомъ послѣдовало мое похищеніе.

Увидѣвъ меня, любезной супругъ, получившаго рану въ голову и упавшаго съ коня, почла меня жертвымъ; что сполько перазидо меня, что сама я лишалась чувствъ. Опомнилась я уже въ великомъ лѣсу, гдѣ похищители мои взяли отдохновеніе, и къ умноженію ошчальнїа моего, увидѣла качальникомъ сихъ разбойниковъ ненависнаго мнѣ *Каледъ*. Онъ старался разогнать печаль мою своими любовными предложенїями. Варваръ! вскричала я, ты ругаешься моимъ несчастїемъ. Дерзновенной подданной, убійца моего супруга! не спрашишься ли ты грома Небеснаго, готоваго поразить тебя? Съ какими ты лицомъ осмѣливаешься предстать мнѣ? Чего ты ожидаешь отъ раздраженной своей Царицы, которую оскорбилъ и учинилъ навѣкъ несчастною? Когда ты, не бывъ убійцею своего Государя и моимъ похищителемъ, былъ мерзокъ въ глазахъ моихъ; чегожь надѣешься теперь, чудовище? — *Каледъ* смѣялся надъ моимъ ошчальнїемъ. Гнѣвъ вашъ, сказалъ онъ, не страшенъ для меня. *Каледъ* былъ
вашъ

2

миѣ тюрмою, запералъ самѣ Зимрай и ключъ носилъ въ своемъ карманѣ. Когда счелъ онѣ, что надлежало по миѣнію его пройши моей печали: предсталъ онѣ ко миѣ съ своими любовными объясненіями. Долго гнѣвъ мой приводилъ его въ страхъ, но со временемъ привыкъ онѣ къ нему, и впечатлѣніе, каковое подданныя имѣютъ къ своимъ Государямъ, исчезло. Онѣ началъ миѣ угрожать своею властію. Я разсудила, что грубость моя и презрѣніе приведутъ его наконецъ въ отщепенство, истребятъ остатки почтенія и učinятъ жертвою его неистовства; я прибѣгла къ хитрости. Начала я принимать его ласковѣ, выслушивала его слова съ терпѣніемъ; что učinило его снисходительнѣе, и онѣ не упоминалъ миѣ уже о своей власти. Какая польза тебѣ будетъ, говорила я ему, когда ты овладѣешь мною прощаву воли? Пріятно ли тебѣ то услажденіе, въ которомъ сердце не можешь имѣть участія? Дай времени загладить въ душѣ моей произведенную тобою рану, и вѣрь, что исканіями и почтеніемъ, а не насиліемъ пріобрѣтаютъ взаимную склонность. Таковыми и подобными симъ словами обезоружила я его дерзость; онѣ началъ обходиться вѣжливѣе: и есѣли доскучалъ ииногда своими страшными выраженіями, но былъ послушенъ моей волѣ. Жестокая его страсть не могла однако довольна быть

былъ столь слабсю пищею; онъ вышелъ напоследокъ изъ шerpвнiя, и приступилъ къ прежнимъ гоненiямъ. Надобно думать, что сами Небеса защищали мою дсбродѣтель; ибо впрочемъ ничто бы не спасло меня отъ его неистовства. Стократно покушался онъ на честь мою; но сопротивленiе мое приводило его въ ужасъ и принуждало его удаляться. Онъ прибѣгалъ то къ угрозамъ, то къ лести, то морилъ меня голодомъ и вапиралъ скованную въ подземную шемницю, или возвращалъ въ прежнiе чертоги и возобновлялъ свои вѣжливости. Пять лѣтъ препровела я въ семъ сшраданiи. Между тѣмъ новая страсть къ похищенной имъ у береговъ Чернаго моря прекрасной Гречанкѣ привела ему меня въ забвение; онъ рѣдко меня видалъ, и всегда съ презрѣнiемъ. Все попеченiе его обо мнѣ заключалось только въ мѣрахъ къ пресѣченiю моего бѣгства. Къ несчастiю моему за годъ предъ симъ умерла его Гречанка. Нѣсколько мѣсяцовъ не находилъ онъ утѣшенiя въ семъ уронѣ, кроиъ разбоевъ, на которые выѣзжалъ безпрестанно. По томъ прежняя страсть его ко мнѣ возобновилась, хотя печаль моя лишила меня послѣднихъ прiятностей, кои получила я отъ природы. Сопротивленiя мои привели его въ бѣшенство; онъ опредѣлилъ меня уморить голодомъ въ шемницѣ, изъ

которой вы, любезной *Савраазаръ*, меня освободили. Я погибла бы, еслибы одна изъ старухъ, обитавшихъ со мною, по страданію не приносила мнѣ по ночамъ пищи. Словомъ сказать, я не въ силахъ изобразить всего того, что претерпѣла я въ семь ужасномъ мѣстѣ; но когда Небеса соединили меня съ моимъ супругомъ, я все забываю..

По выслушаніи повѣсти *Сараффиной*, поставились мы съ *Зоржиномъ* учредить разпоряженіе къ возвращенію дѣвицъ, бывшихъ въ плѣну у *Зимаря* въ ихъ отечества; онѣ побѣхали, принеши намъ великую благодарность, и бывъ награждены щедро изъ найденныхъ въ замкѣ сокровищъ. Разбойники, въ живыхъ оставшіеся, отосланы по разнымъ мѣстамъ для казни въ страхъ другимъ. Замокъ приведенъ въ оборонительное состояніе; и войны, бывшіе съ нами, получили обѣщанную часть изъ добычи. Мы возвратились въ столицу *Козарскую*, гдѣ я въ обѣщаніяхъ дражайшей супруги забыла о претерпѣнныхъ мною заключеніяхъ. *Зоржинъ* принималъ великое участіе въ моей радости, и старался разными веселіями и пиршествами доказать мнѣ, сколь щастіе мое много его утѣшаетъ. Однако при наружномъ веселіи можно было видѣть, что сердце его подвержено еще прежней печали. Состояніе его шло ко мнѣ; мнѣ вошло въ

голо-

голову, не могу ли я чрезъ новой бракъ утвердить его ко мнѣ дружество и возарашить ему спокойствіе. Въ семъ намѣреніи, говорила я ему: долѣ, кошорымъ я обяванъ моему народу, призываашъ меня въ Колхиду. Не можно мнѣ долѣ оплатчашъ бремяшемъ правленія пресшарѣлаго моего тещя; я долженъ оставишъ тебя, любовной мой другъ. Но какъ оставишъ тебя? Рана сердца твоего еще не излѣчилась. Побдемъ со мною въ Колхиду: можешъ найдемъ мы шамъ бальсамъ, кошорой возобновишъ твое спокойство. Я оставилъ шамъ дочь; она прекрасна, и могу ли я предсшавишъ достойнѣйшаго ей супруга, какъ въ особѣ моего дражайшаго друга? *Зоржинъ* отвѣшествовалъ мнѣ дружескимъ обѣщаніемъ, согласнася проводишъ меня до моей столицы; и мы отправилися.

Тещь мой и дочь предварены были чрезъ гонцовъ о щастливой моей находкѣ, и о томъ, что сѣдуешъ со мною Король Козарской. Радость ошъ сего извѣстія была неописанна во всей Колхидѣ. Тещь мой пригшовилъ великолѣпныя торжествшванія и встрѣчи къ принятію таковаго гостя, каковъ былъ *Зоржинъ*. Мы прибыли къ Фанису, и встрѣчены были съ великимъ торжествсмъ; но великолѣпнѣйшее врѣище предсшавляли мои подданныя, сшѣкшія ошасъду къ столицѣ; ихъ восклицанія, радостныя слезы, явилн мнѣ, сколь много былъ я

любимъ отъ нихъ. Дочь моя, которую ни я, ни *Сараффа* узнать не могли, предстала намъ напередѣ всѣхъ Вельможъ; она пришла въ совершенной возрастъ и была предѣстнице своей родительницы. *Зорминъ* ослѣпленъ сталъ ея красотою съ перваго взгляду. Я порадовался щастливому дѣйствию сему, о которомъ узналъ изъ безпорядочныхъ словъ Короля Козарскаго, наговоренныхъ имъ къ ней вѣсто приѣзства. Престарѣлый тещъ мой едва не умеръ съ радости, насъ увидѣвъ. Онъ чрезмерно полюбилъ *Зормина*; дочь моя также не осталась къ нему равнодушною. По нѣсколькихъ дняхъ мы объяснились во взаимномъ семъ желаніи, и бракъ дочери моей совершился. Веселіе наше умножилось, и пособило мнѣ снести печальное извѣстіе о кончинѣ моей тещки, которую любилъ я какъ мать.

Чрезъ полгода должно намъ было разстаться съ дѣтьми нашими: Король Козарской увезъ дочь нашу въ свое государство. Разлука сія хоша стоила намъ слезъ, но мы спокойны были по тому, что дочь наша любила страшно своего супруга, а онъ ее обожалъ. Я жилъ спокойно съ моею Царицею, и время не уменьшало нашей страсти. Я старался о благополучіи моихъ подданныхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ скончался мой тещъ. Словомъ сказать, почти Чрезъ деваносно лѣтъ не

не видалъ я никакихъ ударовъ нещастія ;
 имѣлъ я небольшія войны съ Иверцами , но
 умѣлъ оныя прекратить безъ дальняго кро-
 вопролитія . Всплыли огорчало меня что ли-
 бо въ шеченіи долготѣшняго моего царство-
 ванія , было то неплodство супруги моей ;
 и я ожидалъ , что Колхида достанется въ
 чужія руки по моей смерти ; потому что
 дочь моя имѣла отъ *Зормина* только одно-
 го сына , рожденнаго уже въ старости лѣтъ
 его . *Абрадатъ* сей , сынъ ихъ , которой
 нынѣ царствуетъ въ Козарахъ , не могъ бы
 удержатъ за собою наслѣдства моего , по
 причинѣ раздѣляющихъ оное дикихъ въ го-
 рахъ обитающихъ народовъ отъ Королев-
 ства Козарскаго . Небо однако , внемлющее
 скрытой моей печали , обрадовало меня въ
 старости моей , когда былъ я уже ста де-
 сяти лѣтъ , рожденіемъ двухъ близнецовъ . Всѣ
 считали это за чудо ; я самъ признавалъ
 оное : ибо хотя природа одарила меня крѣ-
 постію , но *Сараффа* , какъ женщина , не имѣ-
 ла надежды въ шаковыхъ лѣтахъ учинить-
 ся матерью . Два сына мои , которыхъ на-
 звалъ я *Сежиромъ* и *Нурединомъ* , сослав-
 ляли все мое утѣшеніе . Казалось , что я и
Сараффа учинились многими годами моложе .
 Однако судьба не оставила меня въ покой
 окончавъ дни мои .

Дѣти мои уже начали ходить учиться; какъ послѣдоваало начало новыхъ моихъ несчастій извѣстіемъ о смерти зятя моего и дочери. Сынъ вѣрные супруги, сохранившія любовь до позднихъ лѣтъ, не могли пережить другъ друга. *Зорминъ* послѣдовалъ во гробъ за своею *Салмизою*. Внуку мой остался еще не въ совершенныхъ лѣтахъ; и чтобъ ушвердить его корону, должно было мнѣ предпріять путешествіе въ Козары. Силы мои не препятствовали сему намѣренію; я прибылъ въ Козары, и проводивъ около чепырехъ мѣсяцовъ, призвалъ все въ порядокъ и обезпечилъ владѣніе моего внука. Я возвращался уже въ мое царство, какъ на дорогѣ получилъ печальное извѣстіе, что Иверцы съ помощію Иранцевъ, составивъ великое войско, напали на мое царство, не взирая на жестокое сопротивленіе моихъ подданныхъ, съ Восточной не столь укрѣпленной природою стороны; овладѣли моею столицею, и пѣвнивъ мою супругу съ дѣтьми, увезли не извѣстно куда; и что Колхида послѣ гибели всего моего войска присоединена къ Иверіи.

Я въ таковую впалъ отъ того печаль, что не знаю, какъ отъ оной въ живыхъ

ос-

остаяся. Не могъ я рѣшиться на то, что въ таковыхъ обстоятельствахъ предпріять долженствовало. Хотя я могъ бы возвратившись въ Козары собрать войско, итти на освобожденіе моего Королевства; но не хотѣвъ новаго владѣнія внука моего замѣшать въ столь жестокую войну съ усилившимся непріятелемъ, и оставивъ супругу мою съ дѣтьми безъ всякой помощи въ неволѣ, рѣшился я подъ прикрытымъ именемъ ѣхать въ Иверію и объ нихъ развѣдывать. Въ такомъ намѣреніи отпустилъ я бывшихъ при мнѣ Колхидцовъ въ Козары, и повѣхалъ одинъ, чтобъ лучше скрыть шѣмъ мое званіе. Не преминулъ было я прибѣгнуть къ пустыннику, о которомъ я упоминалъ прежде, уповавъ емъ него узнать судьбу мою; однако святой сей мужъ давно уже скончался. Спрашивая по всей Иверіи, нигдѣ я не нашелъ того, чего искалъ, и съ великимъ трудомъ увѣдалъ наконецъ къ приумноженію моей печали, что жена и дѣти мои по немилосердому приключенію Иверскаго Царя проданы морскимъ разбойникамъ. Сей властолюбивой Царь забывъ то, что былъ онъ мой родственникъ, простеръ лютость свою до того, что *Сараффа* разлучена была съ дѣтьми своими и продана въ разныя руки. Не могъ я провѣдать того, на которомъ морѣ они про-

да-

даны: одни говорили, что на Черномъ, а другіе утверждали, что на Хвалынскомъ. Я положась на промыслъ Провидѣнія, предпріалъ путь мой къ берегамъ Каспійскаго моря. По щещенымъ исканіямъ прибылъ я ко Двору Князя Волгарскаго. Сей великодушный Государь, бывъ шронуть моими нещастіями, удержалъ меня при Дворѣ своемъ, оказалъ мнѣ всевозможную честь, посылалъ по всему пространству областей своихъ провѣдывать объ моей супругѣ и дѣтихъ; онъ предлагалъ мнѣ провести остатокъ дней моихъ при Дворѣ своемъ. Однако я не могъ быть спокоенъ, пока не найду желаемого: и для того продолжалъ мой путь чрезъ Иранъ въ Индію. Князь Волгарскій предлагалъ мнѣ на дорогу деньги и служителей; но какъ я отъ всего отказался, подарилъ онъ мнѣ сію собаку, съ тѣмъ ободриваніемъ, что она будетъ мнѣ вѣрной спутникъ, стражъ, и въ случаѣ нападенія оборонитъ меня лучше пяти вооруженныхъ служителей. Онъ сказывалъ, что получилъ сію необыкновенной величины собаку изъ Африки. Подарокъ таковаго рода былъ для меня весьма пріятенъ; собака моя вскорѣ ко мнѣ привыкла, и во многихъ случаяхъ оказывала мнѣ великія услуги.

Обвѣхавъ безъ успѣха Индію, странствовалъ я опять по Европѣ, Азіи и по раз-

разнымъ Африканскимъ областямъ; при чемъ попался въ неволю Арапамъ. Вельможа ихъ, которому я достался, продержалъ меня у себя не долго, и какъ видно, сочтя по старости дѣтъ моихъ неспособнымъ къ работѣ, отпустилъ меня, отдавъ мнѣ коня моего и оружiе. Онъ удовольствовался удержанъ мою собаку, которая и въ шамонской странѣ почитаемая была за великую рѣдкость. Она не давалась мнѣ въ руки: онъ со всѣми своими служителями не могъ наложить на шею ей цѣпи, и я съ великимъ огорченіемъ принужденъ былъ учинить то. Уже дни съ два находился я въ моей дорогѣ, какъ увидѣлъ вѣрную собаку мою, бѣгущую за мною въ слѣдъ съ великимъ обломокъ толстой цѣпи, которую она, какъ догадаться можно, оборвавъ, освободилась. Чрезъ нѣсколько часовъ показался скачущій за нею бывший мой господинъ съ тремя служителями. Собака не допустивъ ихъ до меня, напала на нихъ съ таковою лютоштію, что сорвавъ съ коня господина перервала по поламъ; то же сдѣлала и съ его служителями, прежде нежели успѣли оныя оборониться. Она во время пуши моего обороняла меня отъ дикихъ звѣрей, львовъ давила какъ мышей, и ловила оленей для моей и своей пищи.

На-

Направляя путь мой къ Сирию, чтобъ достигнувъ моря, сѣсть на корабль и переехать въ Европу, ночевалъ я въ одной Арапской деревнѣ; тутъ жилъ одинъ угадчикъ. Хотя я не совсѣмъ увѣрился въ предсказаніямъ сего рода, но есть времена, въ которыя люди бывають подвержены суевѣрію. Печаль, или можешь быть ослабѣвшія силы мои, не помѣшали мнѣ увѣришься въ томъ, что я найду настоящій путь къ снисканію моего покоя. Я прибѣгъ къ сему угадчику. Онъ по нѣкоторымъ чертамъ на рукахъ моихъ и по вѣздованіямъ вычислилъ и предсказалъ мнѣ сіе. „Когда ты ни съ кѣмъ, „опричь владѣтельныхъ Государей и другихъ знаменитыхъ особъ, во время шествіи твоихъ путешествій говорить не будешь, и „одну молодую прекрасную дѣвицу въ не- „вѣденіи за мушину признавать станешь: „тогда увидишь ты жену, сыновъ своихъ „и конецъ всѣмъ твоимъ несчастіямъ. „Предсказаніе таковое хотя было темно, и Арапъ не сдѣлалъ на оное истолкованія, однако заключилъ я оному слѣдовать. Съ того времени наложилъ на себя молчаніе, и не разговаривалъ ни съ кѣмъ, опричь помазаныхъ главъ и ихъ родственниковъ; почему многіа считали меня за нѣмова. Я странствовалъ почти во всѣхъ Африканскихъ областяхъ, продолжая мои исканія. Напо- слѣ-

дѣдокъ находясь при берегахъ Африканскихъ, во время моего отдохновенія найденъ Варяжскимъ корабельщикомъ, съ которымъ прибылъ въ области Вашего Величества. Впрочемъ наиѣреніе мое состоитъ шествовать въ области Славянскихъ Государей, и отшуда посѣтить моего внука.

Продолженіе повѣсти о Вадимѣ.

По окончаніи повѣсти Король Готфскій и всѣ слушатели шронушы были нещастіями престарѣлаго Колхидскаго Монарха. Вадимъ съ Бурновеемъ находили великое сходство въришь, что Семірѣ, влюбленный въ Князю Обрскую, долженъ быть одинъ изъ сыновъ его, равно и Нурединъ, освободитель Арпадовъ изъ плѣну. Они не укоснили доставить сію радостную догадку Царю Колхидскому со всѣми обстоятельствами, какъ видимо то изъ предшедшихъ повѣствованій. Савраазарѣ столько обрадованъ былъ онымъ извѣстіемъ, что спократно обнимая Вадима и друга его, наиѣрился было въ томъ же день отправиться въ Хомоградъ и отшуда въ Козары. Однакожь король Готфскій упросилъ его взять отдохновеніе при Дворѣ своемъ; но не иначе уговорилъ его, какъ пославъ въ тѣ мѣста, куда онъ хотѣлъ ѣхать, съ гра-

грамошами отъ него къ *Семиру* и *Абра-
дату*.

По нѣсколькихъ обѣздахъ *Король* *Готфской*, и при немъ всѣ знаменитыя гости его возвращались въ столичный городъ. *Арпадъ*, кзего страсть къ *Княжнѣ Волгарской* ежедневно возрастала, не хотѣвъ дожидаться возвращенія *Раймірова* изъ *Волгарь*, и готовился оставить *Дворъ Халдановъ*. Однако прибытіе *Раймірово* остановило его отѣздъ на нѣсколько времени. Онъ привезъ извѣстіе, что въ *Волгарахъ* нѣтъ ни малаго слуху о *Княжнѣ Предславѣ*, и что родители ея, лишась послѣднago сына своего, скончавшагося естественною смертію, находясь въ великой печали по сей единственной наслѣдницѣ ихъ престолоа. *Райміръ* утѣшалъ *Арпада* тѣмъ, что *Князь* и *Княгиня Волгарскіе*, узнавъ отъ него о страсти постоянной къ ихъ дочери и стараніяхъ его въ сысканіи ея, чрезмѣрно считающъ себя отъ него обязанными, и просятъ боговъ, чтобъ помогли имъ наградить его труды самою *Предслагою* съ *Волгарскимъ* престоломъ. Но естъли *Райміръ* сердце своего *Государя* исполнялъ радостной надежды: другое привезенное имъ извѣстіе огорчило *Вадима*. Отечество его, не вадолго освободившееся отъ кровопролитной войны съ *буншовщиками*, подверглось вновь опас-

опаснѣйшей и угрожающей совершенныиъ
оному разореніемъ. Гунны, оставшія послѣ
перваго выхода своего близъ предѣловъ Ки-
тайскихъ, прогнаны были отсюда, и
искавъ мѣстъ, присоединились къ остатку
своего народа, обитавшему въ Гунигардѣ (*).
Укрѣпясь таковымъ образомъ, начали они
войну съ Славянорусскимъ Княземъ, возна-
мѣрясь учинить его своимъ данникомъ, или
совсѣмъ истребить Славянъ и Руссовъ, овла-
дѣвъ ихъ землями. Гардорики потерявъ
уже нѣсколько битвъ и много городовъ.

Могло ли что больше поразить серд-
це столь великодушнаго и храбраго Князя,
наковъ былъ Вадимъ? Ревность его къ отече-
честву была превыше всѣхъ страстей его;
онъ вознамѣрился освободить оное, утвер-
дить на престолѣ своего враждующаго ему
брата, или погибнуть въ сей добродѣ-
тельномъ предпріятіи. Арпадъ, воспламе-
ненный геройствомъ своего друга, обуздавъ
любознь, и клялся подкрѣпить его подвигъ
своею помощію. Бурновей, не меньше храб-
рый и столькожъ великодушный, не могъ
отстать отъ нихъ. Самая Брячислава, а
за нею Озана, не смотря на слабость ихъ

Часть III.

А

по-

(*) Такъ назывался въ началѣ Кіевъ, по имя-
ни Гунновъ первыхъ здателей своихъ. Князь
Кій Славянскаго опродѣя овладѣвъ онымъ въ
послѣдствѣ, прозвалъ его по своему имени.

пола, препоясали оружие, и готовы были сражаться близъ своихъ возлюбленныхъ. Впрочемъ къ кому лучше могъ *Вадимъ* прибѣгнутьъ въ семь обстоятельствъ, какъ къ Королю Готфскому? Онъ предсталъ предъ него, и объяснивъ о несчастіи своего опеченства, говорилъ слѣдующее: Милости Вашего Величества просиравались ко мнѣ всегда: вы безъ заслугъ моихъ готовы были вспомошествовать мнѣ своими силами къ приобрѣтенію моего права. Однако я не могъ во зло употребить вашей щедрости для пользы собственной моей корысти. Несчастной успѣхъ моего покушенія нанесъ бы ударъ Вашему государству, и приобрѣлъ оному сильныхъ непріятелей. Но нынѣ, когда помощь ваша можешь обязать Славяноруссовъ, заслужить ихъ признаніе, и учинить ихъ благодарными союзниками; когда собственныя пользы Вашего опеченства, которому въ несчастномъ успѣхѣ Гунновъ предстоятъ будешь равномѣрная, какъ и Славянамъ, опасность, одобряющъ мое намѣреніе: я прошу войска и помощи. — Король Готфской, выслушавъ *Вадима*, обнявъ его, похваливъ его великодушіе, и предложилъ ему съ великимъ удовольствіемъ свою рать и деньги. Немедленно наслано повелѣніе къ военачальникамъ Готфскимъ, чтобъ оставя небольшое число войска для прикрытія

ѣхъ границѣ, съ остальнымъ готовились шествовать подъ начальствомъ *Вадимовымъ* на освобожденіе страны Славянорусской отъ Гунновъ, и чтобъ въ скоромъ времени собрались на долину при Вравалахедѣ. —

Урманъ послучивъ великую сумму сребра, отправленъ былъ въ Варатію для найму працинниковъ, стрѣльцовъ и другаго пѣшеходнаго войска. — Престарѣлый Царь Колхидской, еще довольно бодрый, возпламенился на сто сороковомъ году своемъ воинскимъ жаромъ; онъ возхотѣлъ учасствовашъ въ семъ славномъ походѣ. Когда руки мои, говорилъ онъ, недостаточны будутъ къ дѣйствию мечей, созѣшны мои, искусство военное, и опыты не меньше могутъ быть вамъ полезны. Ссрудимъ працинницы по подобію Римскому; оныя ужасное дѣйствіе окажутъ надъ Гуннами, не имѣющими иного войска, кромѣ конницы. Король Готфской желая съ одной стороны спомоществовать всемъ *Вадиму*, а съ другой желая ввести у себя употребленіе сихъ воинскихъ орудій, повелѣлъ собрать множество художниковъ, и въ продолжительномъ времени подъ распоряженіемъ *Савраазаровымъ* поспѣло четьреста працинцѣ. Пока собирались войска, довольное число Готфовъ къ употребленію оными працинцами обучены были: опыты, ужаснымъ дѣйствіемъ ихъ привели всѣхъ

врителей въ удивленіе; ибо за чetyреста сажень бросаемыя тяжкіе камни сбивали великія деревья. Дѣйстви оныхъ отправлено было въ походъ съ *Вадимомъ*; а другая половина, могущая служить виѣсто цѣлаго войска, оставлена въ Гомфяхъ.

Напоследокъ войска собрались; Король *Халданъ Вадиму* и прочимъ вручилъ самъ оныя, и пожелавъ щастливаго успѣха, разстался съ огорченіемъ съ своими храбрыми гостями. Знамена Гомфскія начали взвѣшавъ при радостныхъ восклицаніяхъ воиновъ, кои боготворили *Вадима*, своего начальника, видѣвъ уже опыты его геройства, силы и искусства въ прошедшей войнѣ; самыя военачальники Гомфскіе не помышляли ропсать о томъ, что ему подвержены; и *Савраазаръ* щиталъ то хорошимъ предзнаменованіемъ. Варяги не препятствовали проходу войска сего чрезъ свои земли; и на границѣ оныхъ присоединился *Урманъ*, ведущій сорокъ тысячъ наемныхъ воиновъ; а чрезъ то *Вадимъ* вступилъ въ области брата своего съ ратью, состоящею изъ ста тысячъ пѣхоты и пятидесяти тысячъ конныхъ.

Вадимъ напелъ отечество свое готовое къ паденію. Успѣхи Гунновъ распростерли ужасъ по всѣмъ областямъ *Гардориковымъ*: жилища оставая дома, укрывались по лѣсамъ

самъ съ своимъ имѣніемъ, а нѣмѣе готови-
лись бѣжать въ чужіе края. Гунны шли
осаждать Хомоградъ, и Князь Славянорус-
ской проигравъ сраженіе, съ остатками силъ
своихъ готовъ былъ ихъ встрѣтить и дать
последнюю битву. Однако когда разнесся
слухъ, что Мечиславъ (подъ которымъ
именемъ Вадимъ прославился въ последнюю
войну противъ Худояра) идетъ на помощь
съ Готфскимъ и Варяжскимъ войскомъ: то-
гда жители начали возвращаться въ дома,
воины бѣжать къ оружію, и собираются
подъ знамена его, такъ что войско его съ
каждою верстою прибавлялось. Вадимъ со-
звавъ совѣтъ, на которомъ предложилъ:
надлежитъ ли уведомить Князя Славянорус-
скаго о посланной Королемъ Готфскимъ по-
мощи; ибо онъ не хотѣлъ ничего при-
своить самому себѣ. Арпадъ, Бурновей и
Савраазаръ съ военачальниками Готфскими
похваляли его безпристрастіе, не опро-
вергали его намѣреніе; но совѣщевали уско-
рить походомъ, чтобы не уклонить пода-
ніемъ помощи и присоединеніемъ войскъ
прежде сжимаемаго сраженія. Урманъ и
нѣсколько Готфовъ отправлены были съ
упомянутымъ извѣстіемъ къ Гардорику; а
войско, раздѣлясь на три части, пошло пре-
мя дорогами къ Хомограду. Главное вой-
ско велъ самъ Вадимъ, Варяжское Бурновей,

Арпадъ конницу *Визиготфскую*, а *Савра-азаръ* начальствовалъ надъ прищницами и прикрывающею оныхъ частію конницы.

Едва *Вадимъ* успѣлъ соединиться съ *Арпадомъ* и *Вурновеемъ* въ назначенномъ мѣстѣ на равнинѣ, находящейся въ двашцати верстахъ отъ *Хомограда*, какъ увидѣлъ онъ *Урмана* поспѣшно скачущаго къ нему съ престарѣлымъ *Русимомъ*. Отъ нихъ узналъ онъ, что сраженіе, происшедшее вчерашняго дня, прсиграно, всѣ остатки войскъ разбиты, и самъ *Гардорикъъ*, предводительствовавшій войскомъ, достался въ плѣнъ. *Вадимъ* пролилъ слезы, однако не мѣшкая ошерь оныя, и спрашивалъ: далеко ли *Гуны*, и въ какой силѣ состоятъ войско ихъ? *Русимъ* отвѣчалъ: что они идутъ осадить *Хомоградъ*, что наупро уповаетъ быть имъ подъ стѣнами столичнаго города, и что состоятъ они въ трехъ стахъ тысячахъ. — Не все еще пропало, любезной мой *Русимъ*! вскричалъ *Вадимъ*; боги благословятъ успѣхъ ревности моей къ отечеству; но старайся сокрыть отъ брата моего имя *Вадимово*, пусть обаявъ онъ будетъ *Мечиславу*, и спѣши присоединиться ко мнѣ съ остаткомъ *Славянъ* и *Русовъ* подъ стѣнами города, въ коемъ я родился. *Русимъ*, какъ истинный сынъ отечества, пролилъ радостныя слезы, узнавъ о неожиданной великой помощи. О Вожеество
не

незлобивое! О благій духъ посланный къ спасенію Славяноруссовъ! кричалъ онъ, лобзая руки *Вадимовы*. — Оставимъ (сказавъ сей) предаваться чувствованіямъ нашего сердца до способнѣйшаго времени. Отечество, братья и гробы предковъ моихъ въ опасности, поспѣшнѣе умереть, или освободить ихъ. Сказавъ сіе, отпустилъ онъ *Русима*; совзвалъ военачальниковъ, и посовѣтовавши съ ними, опредѣлилъ взять отдохновеніе на томъ мѣстѣ; а при началѣ ночи вступить въ походъ, и стараться упредить *Гуиновъ* до прихода ихъ къ *Хомограду*.

Небеса, покровительствующія добродѣтельными предпріятіямъ, споспѣшествовали подвигамъ *Вадимовымъ*; онъ предвараѣлъ *Гуиновъ*, успѣлъ въ *Хомоградъ* ввести пятьдесятъ большихъ пращницъ, двадцать тысячъ *Варяшскихъ* стрѣльцовъ, подъ начальствомъ *Урмана*, и ободря своимъ присутствіемъ съ неожиданною помощію уstraшенныхъ жителей и засадное войско въ *Хомоградъ*. Онъ предоставилъ благоразумію *Урманову* дѣйствовать пращницами въ разсужденіи обстоятельствъ; а самъ распорядилъ войско въ мѣстахъ, прикрытыхъ лѣсомъ, чтобы можно было нечаянно учинить нападеніе на *Гуиновъ*, когда они осадятъ *Хомоградъ*. Онъ раздѣлилъ войско и пращницы на двѣ части, изъ коихъ одну начальствовалъ самъ, другую *Сав-*

раазарь съ Бурновсехъ; а большую часть конницы, имѣющей составить засадное войско, поручилъ *Арпаду*. Положено было дать свободу Гуннамъ сеадить городъ, и тогда напасть на нихъ съ двухъ сторонъ; *Арпаду* же вспомоществовать въ случаѣ нужды, а впрочемъ въ случаѣ благополучнаго успѣха встрѣтить и поражать бѣгущихъ Гунновъ. По наставленію *Савраазарову* пѣхота была устроена по Римскому обычаю: стрѣльцы поставлены черезъ челоуѣка съ копыеносцами, а промежки между полковъ заняты пращниками и пращниками. Въ таковомъ устройствѣ *Вадимъ*, полагаясь на помощь боговъ, ожидалъ враговъ своего отечества.

Аишь только лученосный *Свѣтовидъ* началъ позлащать верьхи лѣсовъ, и кровавыми огнями предвѣщать гибель смершнымъ, опредѣленнымъ въ жертву сего роковаго дня! подзорщики принесли *Вадиму* вѣсть, что сила Гунновъ появилась. Сей дикой народъ, незнающій военного искусства, пріобыкшій все опровергать своимъ множествомъ и одною храбростію безъ всякихъ предосторожностей, съ великимъ воплемъ стремился къ столицѣ Славянской, чаявъ по разбитіи послѣднихъ войскъ, овладѣть оною безъ всякаго сопротивленія. Гунны удивились, нашедъ городъ въ оборонительномъ состояніи, и остановились въ ожиданіи приближенія всего вой-

войска съ Кородемъ своимъ. Танганъ (такъ назывался Король ихъ) раздражился нечаяннымъ сопротивленіемъ Хоноградцовъ, клялся ихъ всѣхъ предать мечу, а городъ огню, и повелѣлъ въ тожь же часъ начать всеобщій приступъ. *Вадимъ* съ одной стороны, а *Савраазаръ* съ *Бурновеемъ* съ другой, примѣчали ихъ движенія, и выводили войска, ранили выгодныя мѣста. Когда начался приступъ, пращницы дѣйствіемъ своимъ съ городскихъ равнинъ привели въ ужасъ Гунновъ; они не могли постигнуть, откуда падаютъ великіе раздробляющіе ихъ камни, и заключили, что гнѣвъ боговъ поражаетъ ихъ оными съ неба. Однако ожесточался тѣмъ больше, чѣмъ примѣшше становился уронъ ихъ, стремились къ стѣнамъ съ звѣрскою яростію. Тогда *Вадимъ*, приближившись на разстояніе удобное къ дѣйствованію пращницъ, напалъ на нихъ и обратилъ на себя всю ихъ силу. Многократно покушались они разорвать ополченія, но пращницы не допускали ихъ приближиться; камни и стрѣлы *Варяжскія* опровергали ихъ толпы, и въ густотѣ стѣнного множества производили страшное пораженіе. Побѣда не могла долго колебаться, когда слышу ихъ напали *Савраазаръ* съ *Бурновеемъ*; они подвергшись съ трехъ сторонъ ужасному дѣйствию двухъ сотъ каменбросальныхъ орудій тысячамъ

А 5

стрѣлъ,

стрѣль, пришли въ смятеніе, искали спасенія въ бѣгствѣ: но бывъ прижаши къ стѣнамъ городскимъ, погибали безъ обороны, и въ сѣбшеніи давали сами другъ друга. Русмъ приспѣль, собравши остатки разбитыхъ войскъ; изъ города послѣдовала вылазка, и тогда началась сѣча, а не сраженіе: всякъ давалъ Гунновъ, самыя женщины, выбѣжавъ на стѣны, пускали въ нихъ стрѣлы. Но что сказать уже о дѣйстви мечей *Вадима* и *Вурновеля*! Они врубаясь въ густошу толпы, гоняли Гунновъ не иначе, какъ вихрь крутитъ волны на открышомъ морѣ. Отважность *Брячиславы* нерѣдко останавливала руки *Вадимовы*; робѣющій храбрости ея любовникъ, боялся упустить ее изъ глазъ своихъ; но смерть и ужасъ предшествовали имъ. *Арпадъ*, взирающій съ высокаго холма на славный подвигъ друзей своихъ, завидовалъ тому, что находится въ недѣйствіи: но какъ искусный воинъ, обуздывалъ рвеніе жару своего и ожидалъ способнаго часа; вскорѣ представился ему случай. Гунны, прорвавшись не дѣйствіемъ оружія, но густошею толпы своей, въ разсѣяніи начали спасаться бѣгствомъ: тогда воскликнувъ побѣду, напалъ онъ на нихъ съ конницею, и только малое число спаслось отъ меча его. Прочіе, не возмогшіе вырваться Гунны, погибши были до единого. *Вадимъ* по многимъ

тѣмъ стараніемъ, отворилъ мечемъ своимъ
пусть до самаго Короля, и рѣшительнымъ
ударомъ ошдѣламъ гордую Танганову голо-
ву: оруженосецъ Брячиславинъ взоткнулъ
оную на копье, и подавъ корону его *Вадиму*. Сей храбрый Князь по надписи на ней
имѣвшейся узналъ, что сорвана была она
съ головы его брата. Тогда геройской духъ
его, удовольствовавшійся побѣдою, усту-
пилъ мѣсто чувствованіямъ родства; онъ
забылъ о *Гардорики*, хищникъ своего пре-
столоа, видѣлъ въ немъ только брата; и
между тѣмъ, какъ войска его посѣкали оста-
нн Гунновъ, онъ всюду искалъ его.

В Е Ч Е Р Ъ XXXV.

Заболы *Вадимовы* умножались по мѣ-
рѣ тщетныхъ его стараній; утомленный
конь не соотношествовалъ его бралолюбію,
и онъ прибывъ подъ главное знамя принуж-
денъ былъ остановиться. Солнце клонилось
уже къ западу, когда обѣ стѣны раздѣлен-
ныхъ *Вадимовыхъ* войскъ сошлись, не имѣя
больше кого посѣкать; звукъ бубновъ и труб-
ный гласъ началъ созывать утомленныхъ
побѣдителей подъ свои знамена. *Савраазарь*,
Вурновскъ съ *Озаною*, *Урманъ*, *Русимъ* и
Готф-

Готфскіе военачальники, прибыли къ *Вадимѣ* поздравить съ столь знаменитою побѣдою. *Русимѣ* трепеталъ въ ожиданіи того, въ какую сторону обратитъ *Вадимѣ* свои успѣхи; онъ бывъ чрезмѣрно добродѣтеленъ, боялся, чтобъ властолюбіе не покорило геройства сего Князя, стоящаго на вершинѣ своей славы. Но сколько восхищенъ бывъ онъ, услышавъ изъ устъ его изшедшія достойныя вѣчной памяти слова: Къ чему сія побѣда, когда нѣтъ того, кому надлежитъ сія корона? Славяноруссы освобождены вашею храбростію, но гдѣ ихъ Князь? — Онъ сказалъ сіе, и слезы появились изъ очей его. *Русимѣ* не могъ вытерпѣть, чтобъ не вскричать: о герой безпримѣрный, достойный лучшей участи! Но строгій взоръ *Вадимовъ* остановилъ слова его, которыхъ многіе изъ окружающихъ *Вадима* не понимали. Между тѣмъ *Арпадъ*, поразивши бѣгущихъ Гунновъ, овладѣлъ ихъ обозомъ со всѣми корыстями, шествовавшимъ къ войску подъ Хомоградъ, и нашелъ въ ономъ скованнаго Князя *Гардарики*; онъ освободилъ его, скрылъ отъ него то, кому одолженъ онъ таковою помощію, и послалъ уведомить *Вадима*, сколь щастливъ былъ онъ въ своей погонѣ. Оруженосецъ его приспѣлъ въ самое то время съ сею вѣдомостію, когда *Вадимѣ* пресѣкъ слова *Русимовы*. Теперь мы совершенно по-

объдняя! вскричалъ онъ радостно, выслушавъ слова оруженосцовой; поѣдемъ храбрые ратники принять благодарность изъ устъ шогто, за кого мы сражались. Но не оспаривайте мнѣ честь сію, чтобъ мои руки возложили ушраченный вѣнецъ на голову Славянорусскаго Князя; ибо я сорвалъ оный съ гордаго Тангана.

Русимъ удостовѣрься, сколько Вадимъ удаленъ былъ отъ шого, чтобъ воспользоваться случаемъ, предающимъ ему въ руки брата его со всемъ государствомъ, кричалъ о добродѣтели! одна ты достойна всѣхъ вѣнцовъ на свѣтѣ! — И слезы радости капились каплями по бѣлой бородѣ его.

Вадимъ, не давъ время распростирающаго его восторгамъ, поѣхалъ на встрѣчу своему брату съ друзьями своими и военачальникомъ Готфскимъ. Дорогою просилъ онъ ихъ сокрыть объ немъ отъ Гардорики, и не называть его иначе, какъ богатыремъ Мекиславомъ, подъ именемъ коего онъ ему извѣстенъ. Хотя въ нынѣшнемъ положеніи (продолжалъ онъ) могу я отъ брата моего ожидать исправленія въ его прошиву меня несправедливости; но я не хочу приобрести шого моею заслугою, и буду ожидать отъ времени его раскаянія. — Всѣ удивлялись странной его добродѣтели, и обѣщались сохранять его тайну.

При-

Приближась къ шествующему миѣ въ
встрѣчу освобожденному Славянорусскому
Князю съ *Арпадомъ*, сошли они съ коней,
и *Вадимъ* подступивъ къ брату своему, воз-
ложилъ на голову его вѣнецъ Княжеской,
Прими, Государь! (говорилъ онъ ему при-
шомъ) вѣнецъ твой, сорванный мною съ гор-
даго *Тангана*; онъ наказанъ рукою моею
за свою дерзость. Враги твои истреблены,
столица освобождена; шествуй Государь об-
радовать твоихъ подданныхъ своимъ воз-
вращеніемъ. *Гардорику* узнавъ мнимаго *Ме-
хислава*, и обнявъ его, сказалъ: и такъ храб-
рый и худо оплаченный мною *Мехиславъ*!
вторично пришелъ ты утвердить престолъ
мой, и тебѣ обязанъ я за сію столь не-
ожидаемую помощь? — Нѣтъ, Государь!
(подхватилъ *Вадимъ*) не мнѣ одному, но
всѣмъ предстоящимъ здѣсь героямъ, а бо-
лѣе всѣхъ Королю Готфскому приславшему
къ вамъ почти всѣ свои войска, и не по-
щадившему сокровищъ для умноженія снаго
наемными Варягами. — Военачальникъ Готф-
ской, удивленный словами *Вадимовыми*,
подступилъ къ *Гардорику*, и препоручая
себя въ милости его, сказалъ: хотя то
правда, Всемилоствѣйшій Государь, что
Король Готфской, мой Монархъ, всегда хра-
митъ къ вамъ дружескія разположенія; но
за сію помощь обязаны вы единственно ве-

ЛКС-

инокдушному *Мечиславу*; ибо онъ испро-
 сивъ оную вмѣсто другихъ отплатъ, кон-
 ми обязано было ему мое опеченство за
 услуги въ войнѣ противу *Кодановъ*. — Какъ
 бы то ни было (отвѣчалъ *Гардорикъ*), но
 я умѣю чувствовать и то и другое, и по-
 стараюсь по силамъ своимъ отплатить мо-
 имъ благодѣтелямъ. . . . И вы здѣсь Свѣш-
 лѣйшій Царь? (продолжалъ онъ, узнавъ и
 обнявъ *Саврааэара*, кторой былъ у него
 на нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ) не взи-
 рая на вашу старость, пришелъ вы на по-
 мощь мнѣ? Но я вамъ только въ состояніи
 буду отплатить тѣмъ же. Послѣ сего бла-
 годарилъ *Бурновя*, кторой былъ ему зна-
 комъ. Что надлежитъ до васъ (говорилъ
 онъ, обратясь къ *Арпаду*) неизвѣстный мой
 освободитель: вы имѣете равное и еще
 множайшее право на мое признаніе. Вы
 можете требовать всего, что въ моей воз-
 можности находится; но къ умноженію ва-
 шихъ одолженій не скройте отъ меня ва-
 шего имени. *Арпадъ* оговорился предъ нимъ,
 что при способнѣйшемъ случаѣ удоволь-
 ствуетъ его; хотя впрочемъ почитаетъ се-
 бя достаточно награжденнымъ тѣмъ ща-
 стливымъ успѣхомъ, кторымъ былъ по-
 лезенъ Его Величеству. Что надлежитъ до
Бряциславы и *Озаны*, объ оныхъ сказано
 было *Гардорику*, что оныя составляютъ

су-

супругъ *Мечислава* и *Вурновя*; кошорой удивляясь ихъ мужественной неустрашимости, оказалъ имъ великое почтеніе.

Князь *Гардорики* возобновлялъ благодареніе къ богамъ и къ своимъ избавителямъ, проѣзжалъ пространство мѣста до *Хомограда*, кошорое все покрыто кучами пораженныхъ *Гуиновъ*. Народъ встрѣшилъ его съ радостными восклицаніями; Князь, въ препровожденіи всѣхъ героевъ и Вельможъ, прибылъ во Дворецъ свой. Впервыхъ оцѣлѣвъ онъ повелѣніе къ приуготовленію наутрѣ великаго жертвоприношенія въ благодарность богамъ. По томъ обратясь къ своимъ избавителямъ, просилъ ихъ открыть ему, чѣмъ можеть онъ заплатить столь важное ихъ къ нему одолженіе. — Не время теперь, Государь (сказалъ ему *Вадимъ*) помышлять намъ о самихъ насъ, когда пользы отечества вашего требуютъ, воспользовавшись пріобрѣтенною побѣдою, истребить корень зла, отъ коего можеть впредь вредъ производить. *Гуины*, устрашенные и обезсиленные нынѣшнимъ пораженіемъ, не могутъ сопротивляться; я оставляю на волю прочимъ рыцарямъ, слѣдовать ли за мною, или нѣтъ: но что надлежитъ до меня, я пользуясь довѣренностію *Готфскаго Короля*, поведѣю его войско, овладѣю *Гунигардомъ*, и истреблю *Гуиновъ*, или прогоню ихъ изъ вашего сосѣдства.

Гар-

Гардори́къ не могъ инѣмъ доказати сво-
его признанія храброму *Вадимѹ*, кромѣ дру-
жескаго обѣщанія. Проси у меня, великодуш-
ный герой, чего хочешь (сказалъ ему
Князь, братъ его); еслии то будешь до
половины государства моего, не отречусь я
того вручить тебѣ за твои одолженія. —
Жерства сія велика (отвѣчалъ *Вадимъ*);
я въ жизни моей имѣлъ случаи получать короны;
но не хотѣлъ оныхъ никогда пріобрѣсти во
вредъ другимъ. Отплата миѣ будешь со-
стояишь лишь въ томъ, когда я могу снис-
кать милость Вашего Величества, и надеж-
ное убѣжище подѣ вашимъ покровитель-
ствомъ на остатокъ дней моихъ. Но я
не могу далѣе медлить: войско меня ожи-
даетъ. Я вручаю великодушію своему, Го-
сударь, драгоценнѣйшій залогъ на свѣтъ.
Позвольте супругѣ моей остаться въ Двор-
цѣ Вашего Величества; пока судьба благо-
словитъ успѣхи моего намѣренія, и удо-
стойте ее вашего защищенія. Не требуй-
те знать, откуда я; довольно того, что
могу я увѣрить васъ, что какъ я, такъ и
супруга моя можетъ спорить въ природѣ
нашей съ знатнѣйшими Монархами. Впро-
чемъ это составляетъ таковую тайну, ко-
торую я обязанъ хранить подѣ великими
клятвами. — *Гардори́къ* обѣщалъ все;
онъ приводилъ во свѣдѣтельство божіи исти-

Часть III.

М

Жена

шая, что онъ не иначе будетъ содержать
Брячиславу, какъ собственную дочь свою.
Бурновей не хотѣлъ отстать отъ своего
 друга; а *Озана* согласилась остаться съ сво-
 ими. *Савраазаръ* убѣжденъ былъ *Гардо-*
рикомъ дожидаться во Дворцѣ его возара-
 щенія изъ походу мнимаго *Мечислава*. Что
 касалось до *Арпада*, оный упрямъ былъ
Вадимомъ сѣдовать съ ними на Гунновъ;
 онъ уговорилъ его отложить свое стра-
 шное для сысканія *Предславы*, пред-
 ставивъ ему, что она легче всего можетъ
 находиться въ плѣнѣ у Гунновъ, нежели у
 такого народа, который, проходя отъ Ки-
 шая, вѣду бравъ невольниковъ. Находилось
 затрудненіе уговорить *Брячиславу* разстать-
 ся съ своимъ возлюбленнымъ, однакожь пред-
 ставленія *Вадимовы* убѣдили ее къ тому.
Урманъ также остался въ Хомградѣ;
 онъ, равно и всѣ извѣстныя о судьбѣ *Ва-*
димовой, обязаны имъ были хранить оную
 въ глубокомъ тайнствѣ. Послѣ сего *Ва-*
димъ отправился къ войску: онъ прощаясь
 съ *Гардорикомъ*, совѣтовалъ ему, чѣмъ
 собравъ войска, отправилъ онъ *Русима* для
 ваянія городовъ, побранныхъ Гуннами въ
 то время, когда нападеніе его на Гунн-
 градъ привлечетъ туда всѣ ихъ силы. Онъ
 прибылъ къ войску. Корысти, полученныя
 отъ Гунновъ, со всемъ ихъ обоемъ от-
 далъ

далъ онъ въ раздѣлъ юмфскимъ и Варяжскимъ
воинамъ; чѣмъ еще болѣе приобрѣлъ ихъ
любовь къ себѣ. Онъ поспѣшля на пораже-
ніе непріятелей, оставилъ нѣсколькихъ чи-
новниковъ съ довольномъ числомъ воиновъ
въ шатрахъ на полѣ предъ Хомоградомъ,
для сбереженія корыстей, до возвращенія
тѣхъ, кому оныя достались; ибо не по-
волилъ взять съ собою могущаго обременить
войско въ поспѣшномъ походѣ. Учре-
дивъ сіе, отправился онъ прямо къ Гунн-
гарду.

Гардорикъ чрезъ нарочно отправлен-
ныхъ облегчилъ своими распоряженіями
пусть его: войско всюду находило готовые
припасы для людей и скотовъ находящих-
ся подъ конницаю и пращниками. Но чтобъ
сказать короче, *Вадимъ* не находилъ ни-
гдѣ сопротивленія: Гунны были имъ вслѣду
поражаемы, и онъ подобно жестокому на-
водненію распространялъ предъ собою славу
и ужасъ къ имени своему. Гунгардъ взявъ
безъ обороны, и остатки Гунновъ нашли
спасеніе свое въ бѣгствѣ; они съ женами
и дѣтьми ушли за рѣку Дунай, и присоеди-
нились къ первымъ выходцамъ своего на-
роду. *Руси* съ своей стороны возвра-
тилъ безъ дальняго кровопролитія всѣ за-
тые ими города Славянорусскіе. Онъ, какъ
кѣрной сынъ отечества, мудрымъ и рез-

ношными распоряженіями поправилъ разоренное, и привелъ въ таковое состояніе жителей, что вскорѣ забыто было бѣдствіе, претерпѣнное отъ Гунновъ. *Вадимъ* призвалъ отъ него потребное число войска для засады въ Гунигардѣ, и сбезпечивъ оный во владѣніи *Гардорикувомъ*, послалъ къ нему ключи отъ сего города и извѣстіе о щастливомъ успѣхѣ его оружія:

Между тѣмъ, какъ онъ возвращался съ войскомъ и готовились ему многія радостныя приключенія, обратился на малое время ко Двору Княжескому въ Хомоградѣ. *Гардорику*, приведенный въ себя нещастіемъ, раскаялся совершенно въ несправедливомъ поступкѣ противу братьевъ своихъ. Созвѣсть его безпрестанно мучила, что онъ былъ причиною ихъ смерти. Ослабленный имъ Гунигардъ скончался въ самое то время, когда началась бѣдственная война съ Гуннами; а *Вадима* давно уже почиталъ онъ умершимъ. Не могъ онъ не признавать надъ собою казни разгнѣванныхъ небесъ; онъ видѣлъ, что властолюбіе, его ослабившее, влекло тогдажъ и мщеніе боговъ, поразившихъ его непадіемъ. При всѣхъ его попененіяхъ къ поправленію разоренныхъ войною городовъ и подданныхъ, видима была на лицѣ его скрытая печаль. Между тѣмъ *Хомъ* внутренно сокрушался, не упустилъ

од-

Однако ничто могущаго *Брячислава* и другихъ знашнымъ особамъ учинить времени провозжденіе во Дворцѣ его пріятнымъ; онъ учреждалъ торжества, веселости, и оказывалъ *Брячислава* со всѣми своими подданными Царскую честь. Воины Готфскіе, оstarшіеся въ шатрахъ предъ его столицею, угощаемы были ежедневно въ изобиліи. *Славрадаръ* учинился лучшимъ его другомъ, и въ его токмо бесѣдѣ находилъ онъ отраду въ своей сокровенной скорби. *Урманъ*, награжденный всею его щедростію, дѣлилъ съ нимъ многіе часы. *Гардорики* вѣдая, что онъ принесъ ему плачевную вѣсть о кончинѣ *Вадимовой*, почасту призывалъ его во внутренніе чертоги, и запираясь съ нимъ выпрашивалъ о подробностяхъ, касающихся до жизни и обстоятельствъ смерти несчастнаго своего брата. *Урманъ* не смѣя извѣстить тайнѣ *Вадимовой*, довольствовалъ его разсказываніемъ выдуманной имъ на сей случай басни. Онъ старался жалостливѣйшими чертами изображать ему бѣдную жизнь его и кончину; но сколько разъ рыданія *Гардориковы*, пресѣкающія его повѣствованіе, готшвы были изторгнушь изъ души его хранимую имъ тайну! Однако онъ не могъ нарушить клятвы, данныхъ въ помѣ *Вадиму*. Никто не зналъ о причинѣ печальной задумчивости *Славнорусскаго* (Князя);

Урманъ открывался лишь одной *Брячиславъ*, предвѣщая щастливое свиданіе отъ таковыхъ обстоятельствъ.

Естьли шествующій убитанный лагерами *Вадимъ* посреди своего щастія имѣлъ причину къ огорченію, была то печаль друга его *Арпада*. Въ числѣ множества освобожденныхъ изъ плѣну отъ Гунцовъ не нашлось того, чего искалъ онъ. Уже приближались они къ границамъ, раздѣляющимъ новопріобрѣтенную страну отъ древней Славяноруссіи, какъ слышали о славной въ томъ мѣстѣ обитавшей предсказательницѣ. Любопытство понудило *Арпада* посѣтить оную, въ чемъ и *Вадимъ* съ *Бурновсемъ* ему сотовариществовали. Проводникъ взятой ими, провождалъ ихъ чрезъ густой лѣсъ до горы, въ которой находилось ея жилище. Проѣжая онымъ лѣсомъ, увидѣли они воина въ полномъ вооруженіи, лежащаго въ сторонѣ подъ сѣнью древесною, и близъ его кодящаго коня. Приблизясь къ оному, нашли его спящаго; но сколько обрадованы были *Вадимъ* и *Бурновей*, узнавъ въ немъ *Семіра*! Они сходили съ коней своихъ, чтобъ разбудить и обнять его; но шопотъ всадниковъ, приближающихся по слѣдамъ ихъ, принудилъ ихъ оглянуться. Одинъ изъ нихъ казался бытъ богатыремъ, а другой оруженосцемъ его. Незнакомые оные подѣ-

подѣхавъ, съ вѣжливостію привѣтствовали *Вадима* и друзей его. Но сколь пріятное произошло позорище, когда незнакомой богатырь увидѣвъ въ самое то время просиувагося *Семира*! Они вскричавъ: какъ неожиданная встрѣча! бросились другъ къ другу, и заключились въ объятіяхъ. Изъ произносимыхъ ими именъ, *Семира* и *Арены*, *Вадимъ* и *Бурновей* узнали, что незнакомые были не иные, какъ Княжна Обрская, и вѣрней ея *Ноанъ*; въ чемъ и не ошиблись. Восторгъ сихъ любящихся помѣшалъ *Семиру* узнать друзей своихъ, но вскорѣ обратился онъ къ нимъ съ распростертыми руками, крича: какой щастливой день! и выйдѣсь возлюбленные друзья испи! и въ самой тошъ часъ, когда Небо соединило меня съ возлюбленною моею *Ареною*! По многихъ взаимныхъ привѣтствіяхъ *Вадимъ* и друзья его желали узнать, что приключилось съ *Семиромъ* съ тѣхъ поръ, какъ остался онъ въ Славянорусскомъ войскѣ отъ ранъ своихъ. Но восторги сего страстнаго любовника, занимающагося разговорами съ своею *Ареною*, препятствовали тому: они не могли отъ него больше добиться, кромѣ того, что отвѣтъ, полученный имъ въ Бужанскомъ боговѣщалищѣ, ведетъ его къ предсказательницѣ, живущей въ семъ мѣстѣ. Какъ! въ Бужанскомъ боговѣщалищѣ получила вы

Позелѣніе ѣхать сюда? сказала Арсна; должно быть чему ни есть чрезвычайному, когда и я отсюда же полученнымъ отѣшомъ посланъ въ сіе мѣсто. Семіръ намішлъ слова своей любовницы, произнесенныя ею отъ лица мужчины, но не уважалъ сего, приписывая то привычкѣ пронаходящей отъ ея переодѣланіа. — Чтобы постигнуть намъ (сказалъ Вадимъ) сіе предопредѣленіе судьбы, поспѣшимъ къ предсказательницѣ; ибо и мы всѣ шуда же ѣдемъ. Послѣ сего сѣли они на коней, и прибыли къ горѣ, въ которой находилась пещера ея.

Мѣсто сіе видомъ своимъ внушало во всѣхъ приходящихъ нѣкоторый сызденный трепетъ. Безмѣрсной вышины горный утесъ поддерживался двумя каменными самою природою произведенными столпами, а составлялъ какъ бы сводъ, служащій вращаши въ пещеру. Древеса дубовъ, произросшихъ еще въ началѣ міра, окружали оную съ обѣихъ сторонъ, и сплещеніемъ вѣтвей своихъ составляли тѣнь непроицаемую лучами солнца. Прибывшіе къ предсказательницѣ сошли съ коней своихъ, и проходя около пятидесяти сажень подземнымъ сводомъ, при помощи слабаго свѣта, входящаго въ разсѣлины горы, достигли воротъ, сдѣланныхъ изъ крѣпкаго дерева и запершихъ
вну-



внутри. На стукъ въ оныя появился сидѣвшій въ побочномъ отноркѣ старикъ, коего сѣдая борода почти до колѣнъ достигала. Привратникъ сей, узнавъ желаніе ихъ видѣть предсказательницу, скрылся опять въ свою нору, и чрезъ нѣсколько минутъ увидѣли его отворяющаго ворота. Онъ повелъ ихъ въ темнотѣ по искривленнымъ переходамъ. Пріемъ сего рода много походилъ на фиглярство, употребляемое обманщиками, и невеликое одобреніе подавалъ предсказательницѣ. Напослѣдокъ отворилъ онъ двери, и впустилъ ихъ въ нѣкоторый подземный пространный покой, освѣщаемый горящимъ на жертвенникѣ огнемъ. Предъ онымъ стояла, спершись на свой жезлъ, глубокихъ лѣтъ женщина въ черномъ одѣяніи, но величественнаго вида. Длинные ея, и какъ снѣгъ бѣлые волосы, распущенные по плечамъ ея, и вѣнецъ изъ дубовыхъ вѣтвей на головѣ, придавали ей видъ, внушающій почтеніе. Аксбпышество, или желаніе разрѣшить судьбу свою, приводитъ васъ сюда? спросила она важнымъ голосомъ. — И то, и другое, отвѣчалъ *Вадимъ*; я желаю только ошдать мое почтеніе: однако есть здѣсь особы, желающія предузнать свою участь изъ устъ павонхъ, великая наперсница боговъ! — Никто не можетъ узнать отъ меня ничего (сказала она), пока чи-

состраданно не откроешь мнѣ подлиннаго имени своего, природы и причины вопроса. — Я несчастный любовникъ! сказалъ *Арпадъ* подступивъ къ ней. — Это составляетъ послѣднее (говорила предсказательница усмѣхнувшись, и взявъ доску изъ чернаго камня и палочку вѣщую); однако объяснись (продолжала она записавъ); ну! несчастной любовникъ А ваше имя? — *Арпадъ*. — Какой природы? — Сынъ несчастнаго Князя Лакскаго, *Декевала*. — Довольно сего! сказала она съ чувствительными знаками радости, оказавшейся на лицѣ ея; я знаю ваши мысли, и чтобы увѣрить васъ въ мое знаніе, открою оныя, когда вы мнѣ на то позволите. — Съ превеликою охотою, отвѣчалъ изумленный сею дерзостію *Арпадъ*, которой не вѣрилъ всѣмъ ворожеямъ на свѣтѣ. — Вы влюблены (говорила она) въ прекрасную *Предславу*, Княжну Болгарскую. Она похищена у васъ владѣйскимъ образомъ, и узнать объ ней желая, пришли въ сіе мѣсто.

Вадимъ и *Бурноей*, удивленные сими словами, хотѣли пожать руку *Арпадову*, въ знакъ удовольствія; но увидѣли его уже стоящаго на колѣняхъ предъ угадчицею, и кричащаго: о ты, которой Небеса позволили проникать въ тайны смертныхъ! удовольствуй спражающее сердце мое: скажи, гдѣ

гдѣ могу я найши мою возлюбленную *Предславу*? — Встань Князь! не отдавай твари почтенія, надлежащаго единому Вожеству (сказала она); вѣрная и чистосердечная любовь всегда покровительствуется Небесами. Ты, прежде нежели воображаешь, увидишь Княжну свою. — *Арпадъ* желалъ подробнѣе узнать, гдѣ и какъ то случится; но предсказательница принудила его взять терпѣніе, и дать свободу другимъ вопрошателямъ.

Мѣсто его заняла *Арена*. Въ присутствіи нашемъ, великомочная волшебница, или кто вы есть (сказала она) не могу я далѣе сохранять мою тайну, хотя впрочемъ не знаю, кто я въ самомъ дѣлѣ. А вы (продолжала она, обратась къ *Семіру*) оставьте чувствованія нѣжности любовной, и примѣните ихъ въ дружество, когда полѣной не позволяешь мнѣ быть вашею любовницею. — *Семіръ* поблѣднѣлъ, услышавъ сіе; онъ не могъ произнести ни слова, не вѣрилъ слышанному, разсматривалъ лице своей любовницы, и съ ужасомъ примѣтивъ пробивающуюся бороду, чего не видалъ въ своемъ восхищеніи, осозновился какъ пораженный жестокимъ ударомъ. Между тѣмъ новая мущина продолжалъ: Я называюсь *Ареною*, но собственнаго имени не вѣдаю; меня считаютъ дочерью Князя Обрскаго: хо-
тя

ты я мушкетеръ, и узнанъ, что отъ моихъ родителей получилъ дни мои. Отъ васъ, божественная жена, могу узнать я имена тѣхъ, кои произвели на свѣтъ меня. — Но какимъ образомъ (подхватила предсказательница, перемѣняясь въ лицѣ своеѣ) достался ты Князю Обрскому? — И въ томъ не могу ни малюго подать вамъ свѣденія, отвѣчалъ онъ: — Судьба твоя не такъ маловажна (сказала она), чтось безъ нѣкоторыхъ таинственныхъ приготовленій можно было разрѣшить оную. — *Арданъ!* вскричала она, всплеснувъ руками. На голосъ ея пришелъ престарѣлый приврашникъ. Какъ! *Арданъ?* (сказала бывшая *Арена*) не мужъ ли моей мамки? — Но предсказательница, не отвѣчая ему, говорила къ приврашнику: наведи сего господина предъ таинственное зеркало, и испытай судьбу его. Приврашникъ поклонясь, взявъ за руку бывшую *Арену*, и она повинуясь, вышла съ нимъ въ другія маленькія двери.

Имѣете ли вы надобность спросить меня? сказала предсказательница къ *Семиру*, стараясь сокрыть являющееся на лицѣ ея безпокойство. — Я не знаю, что мнѣ сказать тебѣ, госпожа волшебница! отвѣчалъ онъ: храмъ твой . . . которому желаю я провадиться сквозь землю! . . . лишивъ меня всей надежды. Я не требую отъ тебѣ

бд

бы ничего. Но если можешь, преврати
 меня въ женщину, такъ какъ учинила ты
 любовницу мою мужчиною, чтобъ могъ я съ
 нею соединиться. — Хотя всѣмъ слышав-
 шимъ сіе извѣстна была жестокость любов-
 ной страсти, однако едва могли они удер-
 жаться отъ смѣху. Самая престарѣлая пред-
 сказательница со всею своею важностію
 улыбнулась; но вскорѣ принявъ строгій видъ
 говорила: гнѣвъ твой несправедливъ, мо-
 лодой человѣкъ! не отъ меня произошло то,
 въ чемъ ты меня обвиняешь. . . . Однако;
 можешь быть, найдешь какъ се нѣбудь облег-
 ченіе въ твоей душевной болѣзни, если
 откроешься чистосердечно. . . . Ахъ, мо-
 гущая жена! отыскавъ *Семиръ* вздохнувъ:
 чистосердечіе было всегда моимъ правиломъ;
 но не много могу я удовольствоваться любо-
 пытство твое. Я называюсь *Семиръ*. —
 Какъ! *Семиръ*? подхватила она, въ лицѣ пе-
 ремѣнялась. — Такъ точно (продолжалъ
 онъ): меня считаютъ сыномъ Короля Козар-
 скаго, хотя настоящіа родители мои ни-
 кому не извѣстны. — Продолжай, окончи
 сѣченіе души моей (говорила она трепе-
 ща.) Не знаешь ли, какимъ образомъ до-
 стался ты Королю Козарскому? — По
 младенчества моему купленъ я у морскихъ
 разбойниковъ, и знаю лишь то, что я близ-
 нецъ съ братомъ моимъ *Нурединомъ*. —
 Небо!

Небо! что слышу я вскричала она и упала на свой стулъ, лишась употребленія словъ. Предстоища въ изумленіи, не постигая причины сему происшествію, спѣшили къ ней на помощь. Между тѣмъ вбѣжавшій *Арданъ* восклицаніемъ своимъ привелъ ее въ себя. О *Сараффа*! какое открытіе! это сынъ твой. — Какъ! вскричали всѣ, *Сараффа*, Царица Колхиды! между тѣмъ потоки радостныхъ слезъ, пролившись изъ очей предсказательницы, умягчили ея сердце; она упавъ предъ жертвенникомъ, возсылала на небеса теплыя молитвы, благодаренія. По томъ возставъ сказала: о часъ благополучный! . . . такъ, храбрые воины! я *Сараффа*, супруга нещастнаго *Савраазара*. . . А вы (продолжала она, бросаясь къ *Семіру*, и жиншой *Аренъ*, и обнимая ихъ попережънно), любезныя дѣти мои! плодъ единоушробный, посланный съ небесъ къ порадованію моей старости.

Всѣ предстоище зрѣвшіи сшодъ шрогающаго позорища не могли отъ слезъ удержаться. Дѣти *Сараффины*, не зная еще достовѣрнаго о судьбѣ своей, не могли сомнѣваться въ истиннѣ словъ ея; ибо сила родства влекла ихъ къ ней: они лобзали руки ея, и долго не слышно было, oprичъ восклицаній: любезныя дѣти! родительница! ахъ! вы намъ дали жизнь! По прошествіи пер-

первыхъ восторговъ Царица Колхидская
 сказала: хотя чувствованіа сердца обманы-
 вать не могушъ, но чтобъ лучше удосто-
 вѣриться въ истинныя обрѣшенія моего, лю-
 безныя дѣти мои, обняжите правое ваше
 плечо: на оныхъ имѣются несомнѣнные зна-
 ки сей истинны. Во младенчества въшемъ
 нѣкоторыя предчувствованія плачевной моей
 съ вами разлуки, побудили меня изобразить
 на вашихъ раменъ начальную букву именъ
 вашихъ. Не успѣла она произнести словъ сихъ,
 какъ всѣ бросились, и помогали имъ снять
 одежду. Все было такъ: на плечѣ *Семі-*
ровомъ найдена буква С. равно какъ и
 у *Нуредина* Н. Восторги, обниманія,
 и слезы веселія возобновились. Близнецы за-
 ключили себя въ объятіяхъ, и тысячекрат-
 но цѣлуя другъ друга, говорили поперемен-
 но: сіе-то было основаніе взаимной нашей
 склонности! — Ахъ, любезной братъ! (про-
 должалъ *Семіръ*) не знаю я опредѣлить, что
 болѣе поразило сердце мое, отчаяніе ли
 утратить любовницу составлявшую все мое
 счастье и всѣ заботы жизни моей, или радость
 премѣнить оную въ дражайшаго брата. *Нуре-*
динъ вмѣсто отвѣта лобызалъ его; а *Сараффа*
 рассказала имъ, отъ какой происходилъ они
 крови, и всѣ обстоятельства жизни своей,
 какъ-то объявлено уже было въ повѣсти
 Царя Колхидскаго. Она приступала къ разска-
 зыва-

выванію случившагося со времени овладѣнія царства ихъ Иверцами, какъ *Арпадъ*, считающій себя весьма обязаннымъ ею за доброе предсказаніе, вспомнилъ, что недоспашетъ еще одного къ довершенію радости: Великая Царица Колхидская! сказалъ онъ: я всегда старался отплачивать оказываемыя мнѣ благодѣянія: и для того за ваше предсказаніе о возлюбленной мнѣ *Предславѣ*, обрадую васъ равномерно. Супругъ вашъ *Савраазаръ* здравствуетъ! — Ахъ! мы забыли! вскричали *Вадимъ* и *Бурноей*; но *Арпадъ* перебилъ слова ихъ, сказавъ: когда вы забыли, такъ не отнимайте у меня честь сей радостной вѣсти. Сей продолжалъ обращаясь къ *Сарафѣ*: онъ находится теперь въ *Хомоградѣ*, столицѣ великаго Князя Славяно-русскаго, въ ожиданіи нашего возвращенія. О вѣстникъ свѣтлый! . . . О довершитель моей радости! (вскричала пресшарѣлая Царица, поцаловавъ въ чело *Арпада*): Таковое извѣстіе достойно полной отплаты. Пойдемъ, любезной Князь (продолжала она, взявъ его за руку, и обратившись къ *Вадиму* и *Бурноею*) пойдемъ, почтенные воины. . . . восхищенія и радости мои удержали меня въ томъ мѣстѣ, которое избрѣшено для простолкдиновъ, по необходимости прошедшей моей нещастной участи: я могу принять и угостить васъ нѣсколько
луч-

лучше. Послѣ того отворила она пошай-
ную дверь, и по ступнямъ, изсѣченнымъ въ
горѣ, взяла ихъ въ освѣщенные дневны-
ми лучами покомъ, находившіеся въ высотѣ
ушеса горнаго, хитрымъ художествомъ изсѣ-
ченныя. Прошедъ рядъ довольно убранныхъ,
хотя по древнему вкусу, чертоговъ, вошли
они въ ея спальню. Но что послѣдовало съ
Арпадомъ, когда увидѣли они сидящую на
постелѣ прекрасную дѣвицу! Онъ вскричалъ:
ахъ, *Предслава!* любезная моя. . . . Бросил-
ся къ ногамъ ея, обнявъ ея колѣни и ли-
чился чувствъ. Сама дѣвица сія не могла
произнести, кромѣ безсловеснаго восклицанія,
и обморокъ, просершій ее на постелѣ, оста-
новилъ оное въ прелестныхъ устахъ ея.

В Е Ч Е Р Ъ XXXVI.

Всѣ бросились на помощь къ нимъ,
и не имѣли труда привести въ себя чету
обрадованныхъ любовниковъ. Они наговари-
ли всего того, что только могутъ внушать
сердца, возпламененныя взаимно истинною лю-
бовію, по столь долгой разлукѣ и во вре-
мя нечаяннаго свиданія. Они дѣлали другъ
другу тысячу вопросовъ, прерываемыхъ доб-

Часть III.

И

за-

занятіи ; удостовѣрились, не спятъ ли они, и истинно ли то, что судьба ихъ соединила ; они не слышали ничего, не видали, кромѣ однихъ себя. Между тѣмъ Сараффа, повелѣвъ Ардолану приготовить прохладженія, и давъ свободу любовникамъ гадѣть другъ на друга, сколько имъ угодно, приступила къ продолженію своего повѣствованія.

Приключеніе Сараффы.

Когда угодно было Небесамъ наказать мое опечесство нашествіемъ Иверцовъ, и когда въ осуществленіе моего супруга въ Козары учинилась я съ сынами моими пѣнницею непріятелей : могу ли я описать вѣзмъ горести, тогда мною ощущаемыя ! Лишившись царства, разлучившись съ супругомъ и опечесствомъ, съ высоты престола свергнувшись во узы рабства, есть бѣдствіе довольно ужасное и достаточное лишить жизни. Но Всевышнему угодно было сохранить дни мои подвѣтностію всего такого бремени, и поразили меня еще жесточайшимъ опытомъ искушенія моей на него надежды. Властолюбивый Царь Иверской, чтобъ утвердить право свое на пріобрѣтенное насильствомъ наше царство, повелѣлъ было предати меня смерти съ дѣтьми моими ; однако оставши совѣсти и варварскаго чувствованія къ род-

родству (ибо онъ былъ единокровный супругу моему *Сивраазару*) понудили его переимѣнить намѣреніе сіе въ другое и жесточайшее самой смерти. Онъ повелѣлъ продать насъ при берегахъ Чернаго моря разбойникамъ, съ шаковымъ немилосерднымъ распоряженіемъ, чтобы я разлучена была съ дѣтьми моими, и скрыто было достоинство нашей природы. Насъ привезли тайно къ морю, и я отдана безденежно въ одни руки; ибо за старостію моею никто купить меня не хотѣлъ: а дѣти мои проданы за малую цѣну другому морскому разбойнику. Едва я слезами моими могла испросить позволеніе убѣдить купившаго дѣшей моихъ къ тому, чтобы онъ при продажѣ оныхъ изъ человеколюбія упросилъ того новаго господина, коему судьба опредѣлитъ ихъ въ неволю, зашвердить дѣтямъ моимъ имена ихъ, и что *Семірв* имѣетъ сего брата своего близнеца, *Нуредина*. Разбойникъ, промученный горестію моею, далъ мнѣ въ томъ кляшвенное обѣщаніе, которое и сохранялъ свято, какъ-то узнала я мыиъ обрѣвши любезныхъ дѣшей моихъ. Онъ поплылъ съ ними къ проливу Фракійскому, а мой господинъ поплылъ къ Таврикіи, и повезъ меня почти безчувственну отъ великаго отчаянія. Съ того времени не имѣла я, кромѣ малаго извѣстія, о дѣтяхъ моихъ. Возстав-

ная буря разбила корабль нашъ, и я опочинилась лежащая на пустомъ берегу. Собравшись съ силами, укрѣпила я себя вѣдѣніемъ нѣкоторыхъ нравъ, и положившись на власть Небесъ, пошла чрезъ пустыню, не вѣдая сама, куда надлежалъ путь мой. Намѣреніе мое было шествовать въ Козары къ внуку моему, Королю *Абрадату*; ибо тамъ ожидала я найти моего супруга: но судьба воспрепятствовала и въ семъ намѣреніи моемъ. Бродя нѣсколько дней въ пустыни и истощивая отъ холода, попала я въ руки разбойникамъ. Горестное мое положеніе не представляло мнѣ участъ мою столько страшную, какова она бытъ могла. Разбойники посадивъ меня на лошадь, привезли по долгимъ странствованіямъ въ сію пещеру. Намѣреніе ихъ состояло учинить меня своею поварихою; ибо дѣла мои защищали меня отъ неистовствъ сихъ злодѣевъ. Они не могли опредѣлить сей должности на меня до прибытія ихъ ашамана. Былъ то славный *Худояръ*; онъ отправлялъ службу свою при Дворѣ Славяно-русского Князя, но въ самомъ дѣлѣ былъ разбойникъ, и находя способности ошлучаться, посѣщалъ своихъ подчиненныхъ, и распоряжалъ дѣла, касающіеся до грабежей. Онъ во многихъ мѣстахъ имѣлъ свои шайки; и какъ разбойники производились въ мѣстахъ отдаленныхъ, то не было ни малѣйшаго по-

до-

добрѣиѣ, что были вертепы разбойничьи тамъ, гдѣ оныя находились. Худояръ, прибывъ въ сію пещеру (о которой скальзали мнѣ, что она со всѣми жилищами, какъ вы видите, найдена мнѣ готовая и опущенная изъ давныхъ лѣтъ), спрашивалъ у меня, какого роду я человѣкъ; но я не сочла за нужное открытъ объ себѣ таковому человѣку, которой могъ бы за хорошую цѣну продать меня врагу моему, Царю Изерскому. Я назвалась бѣдною вдовою изъ Коахиды, которой мужъ и дѣти погибли въ послѣднюю войну; и что находясь въ плѣну, продана Изерцами морскому разбойнику, котораго корабль потонулъ близъ того мѣста, гдѣ нашли меня его подчиненные. Худояръ доволенъ былъ моею баснею, и скальзавъ мнѣ: ты очень щастлива, старушка, что попала къ намъ. Здѣсь ты проживешь безъ всякаго недостатку, и смотря по твоей вѣрности, можешь быть щедро награждена, когда похочешь оставить сію пещеру. Я радъ, что нашелъ таковую безродную, какова ты; и думаю, что ты не поскучишь обитать съ нами. Онъ не позволялъ опредѣлять меня въ нягостную должность повара, но вѣрилъ мнѣ надзираніе надъ домоводствомъ и съ вѣстными припасами. Таковыиъ образомъ учинилась Царица коахидская Ключницею разбойничьею! Не вѣдая тогда, въ которой части свѣта я нахожусь, ибо разбойники тщательнѣе

то отъ меня скрывали, рѣшилась я вѣрностию моею приобрести благосклонность моихъ повелителей, уповая чрезъ то испросить у нихъ наконецъ о доставленіи меня въ столицу Коварскую. Въ семь состояніи прожила я у нихъ нѣсколько лѣтъ, и услужливостію моею приобрѣла отъ нихъ всеобщее почтеніе; они всѣ не называли меня иначе, какъ машушкою. Хотя чинъ разбойничей машушки, не больше былъ лестенъ, какъ и княгиницы, однако почтеніе ихъ общало мнѣ хорошія послѣдствія. Со всемъ покоемъ, которымъ наслаждалась я въ сей пещерѣ, естъли только можно имѣть покой въ вершнѣ разбойничьемъ, многократно помышляла я спастись бѣгствомъ; но слабость силъ въ разсужденіи лѣтъ моихъ полагала непреоборимую въ томъ препону. Не рѣдко также покушалась я свѣтами моими отразить ихъ отъ беззаконнаго рода ихъ жизни. Иногда умягчались изъ нихъ нѣкоторые, но безъ всякой пользы: привычка къ распутной и праздной жизни учила мнѣ оную весьма прелестною.

Какъ несчастная судьба моя составляла изъ меня игралище своего непостоянства, дошла очередь получить мнѣ новой чинъ: я учинилась предсказательницею по неожиданному случаю. Одинъ славильный изъ разбойниковъ, иногда выводя меня изъ тер-

пѣ.

пѣнія своими неблагоприсшійными шутками. Я столько разсердилась, что проклиная его, сказала безъ размышленія: не думай, чтобъ дерзость твоя осталась ненаказанною: ты погибнешь при первомъ выѣздѣ. Случай учинилъ, что его въ самомъ дѣлѣ убили, когда послѣ того повѣхали они на разбой. Какъ означенныя угрозы мои слышали многіе, то слѣдствие внушило въ нихъ швердое понятіе объ моемъ предвѣденіи. Почтеніе ихъ ко мнѣ умножилось, и они не преславаши вопрошашъ у меня всегда, щастливо, или опасно можешь бытъ ихъ какое нибудь предпріятіе. Нѣкоторыя событія невольныхъ моихъ предсказаній утвердили ихъ суевѣріе. Много разъ отаращала я ихъ отъ выѣздовъ на разбой.

Осѣтившій насъ Худояръ уявдомилъ о своемъ отѣздѣ при Послѣ въ Обры. Онъ взабѣшенъ былъ, въ каковомъ уваженіи состою я у разбойниковъ: и для того наединѣ поручилъ мнѣ спарашься удерживашъ ихъ хитростями въ повиновеніи, и чтобъ не ушли они, разграбивъ сокровища, конхъ было безчисленно. Онъ обѣщалъ мнѣ за то по возвращеніи дать свободу и великое награжденіе. Отвѣзжая созвалъ онъ всѣхъ своихъ плутовъ, и поручилъ ихъ вообще съ пещерою въ точное мое подначальство. По долгѣмъ отсутствіи Худояръ возвратился, и

равсказалъ мнѣ, что бѣдственная страсть
его кѣ Княжѣ Обрской подвергла было его
смерти, отъ ксстрой онѣ избавясь, прину-
жденъ оставишь службу Великаго Князя. Онѣ
благодарилъ меня, нашедъ все въ добромъ
порядкѣ; но отказалъ въ прозьбѣ освобожде-
нiя моего, убѣдивъ обождашь нѣсколько.
Судьба влагаетъ мнѣ мысль, говорилъ
онѣ, которая можетъ меня возвысить до
престола. Тогда и твои услуги награжде-
ны будутъ лучше. Я выведала у него о
намѣренiи бунтовать противу свсего Госу-
даря, и почитая то великимъ беззаконiемъ,
старалась отврагить его. Я употребила кѣ
тому и видѣ предсказательницы, угрожая
неблагополучными слѣдствiями его намѣре-
нiя; что почти всегда предсказать можно
бунтовщику, вооружающемуся на свое оше-
чество. Однако *Худоярѣ* былъ человекъ
не имѣющiй никакой вѣры; онѣ съ усмѣ-
шкою отвѣчалъ мнѣ на это: предсказанiя
сего рода, какъ и всѣ вообще, полезны
только для наложенiя узды на простой на-
родъ; но *Худоярѣ* можетъ легко безъ оныхъ
обойтись. Онѣ открывалъ явную войну сво-
ему ошечеству, соединивъ всѣхъ своихъ раз-
бойниковъ, и умноживъ оныхъ наемными
у Печенеговъ войсками. Начало его ошваж-
наго намѣренiя ободрило его успѣхи: онѣ
побралъ многіе города, и усилилась деранулъ

дать сраженіе съ войсками Славянорусскими. Въ сіе-то время узнала я, въ которой сторонѣ нахожусь. Сраженіе оное хотя приобрѣло ему побѣду, но великой уронъ, имѣ претерпѣнной, принудилъ его взять оставшихся для храненія пещеры разбойниковъ. Онъ приказалъ забрать всѣ сокровища и привезти къ себѣ; но разбойники шутъ бывшіе, не знали всѣхъ похищенныхъ чулановъ, отъ коихъ каючи имѣлъ самъ *Худояръ*. Они забирая все, оставили столько, что не всякой Гусударь имѣетъ въ своей казнохранильницѣ. Мнѣ оставлена была свобода, дожидаясь ли счастливыхъ успѣховъ *Худоярова* оружія, или ѣхать куда мнѣ угодно; на которой конецъ предложена мнѣ великая сумма денегъ. Я за лучшее сочла отказаться отъ сего награжденія. Ни за что на свѣтѣ не хочу я лишиться (сказала имъ я) вліянія таинственнаго, сообщающаго мнѣ даръ предсказанія: деньги, вами мнѣ предлагаемые, получены цѣною крови. Увы! (продолжала я, притворно вздохнувъ) они и взявъ budú пагубны. Разбойники, не разумѣвъ точно словъ моихъ, отѣѣхали. Я осталась одна владѣтельницею пещеры и всѣхъ сокровищъ. Пагубное вѣщо, прельщающее многихъ, показалось мнѣ помощію небесною и весьма нужною въ обстоятельствахъ, въ которыхъ я приведена была съ *Савраазаромъ* по

пошери́ніи царства; но въ са́момъ дѣлѣ оное удержало меня въ сей пещерѣ. Надлежало его перевезти въ Козары, гдѣ при Дворѣ внука моего было достовѣрное убѣжище. Но ка́кимъ образомъ находясь одна, могла я призвать на помощь людей незнакомыхъ и авѣрить себя оными съ великимъ сокровищемъ? Всѣ выдумки мои опровергались опасностію, угрожающею жизни моей. Справедливо и то, что страсть человѣческая раждаетъ смѣшную страсть сребролюбія: я испытала, оную надѣ собою; ибо не могла разстаться съ хранящимся въ пещерѣ богатствомъ. Размышляла между тѣмъ безпрестанно, вздумала я прибѣгнуть къ лесни, и чрезъ оную привлечь въ почтеніе къ себѣ проспой народъ, обитающій въ ближнихъ селеніяхъ. Я разумѣла, что суевѣрію подвержена большая часть людей, какъ и всѣ они вообще склонны къ познанію предбудущаго: я рѣшилась обнародовать себя предсказательницею. Въ таковомъ намѣреніи одѣвшись въ мужское платье, и привязавъ бороду (коихъ осталось много, и кои употреблены были разбойниками для скрытія лицъ ихъ), пошла искать выхода изъ моей пустыни. Нѣсколько дней употребила я на то, чтобы замѣнить всѣ стези, выходящія изъ лѣсу, и узнать мѣстоположенія. По шомъ ходя по деревнямъ, провѣдала, что хоша пещера, въ которой я обитаю, извѣстна, но никто не

не смѣлъ къ ней приблизиться за тѣмъ, что обитающъ въ ней нечистые духи. Мнѣ рассказали множество повѣстей о страшныхъ привидѣніяхъ, тамъ показывающихся и о погибели дерзкихъ, кои вошли во оную отвѣщали; другіе также не преминули увѣрять меня, что она составляетъ дорогу въ адъ; нашлись при томъ свидѣтели, которые видали выходцовъ изъ онаго. Возпользовавшись таковымъ извѣстіемъ, провозглашала я въ деревняхъ, что извѣстная обитаемая нечистыми духами пещера очищена славною волшебницею; и что предсказательница, знающая все, что съ кѣмъ будетъ, заняла оную своимъ жилищемъ. Сего довольно было къ разнесенію молвы. Не успѣла я возвратиться въ мою пещеру, какъ начали приходить ко мнѣ люди обоего пола, и вопрошать о судьбѣ своей. Я представляла къ нимъ въ томъ нарядѣ, въ коемъ вы нашли меня. Не трудно было мнѣ предвѣщать имъ слѣдствія, когда я напередъ выпрашивала у нихъ обо всемъ подробно. Событія нѣкоторыхъ моихъ предсказаній прославили меня, и учинили кумиромъ всѣхъ окрестностей.

Между тѣмъ чрезъ нѣсколько времени узнала я о погибели *Худяровой*. Одинъ изъ разбойниковъ приѣхалъ ко мнѣ, едва дышущій отъ великихъ ранъ. Онъ уведомилъ
не-

меня; что войско *Худярово* побито на голосу, самъ онъ взять въ пѣни, всѣ товарищи его разбойники, составлявшие его злохранишелей, ващущаясь съ опчааніемъ, изрублены въ куски; и что только одинъ онъ спасшійся, прѣхалъ умереть въ сію пещеру. Ты узнала (примолвилъ онъ) нашу погубель; ахъ! для чего не посаждовали мы своему сыну! Вознамѣрившись удержатъ его при себѣ и учинить прирзтникомъ, старалась я излѣчить его раны; однако оныя воспалились, и на другой день онъ умеръ въ раскаяніи о своихъ порокахъ.

Чрезъ нѣсколько по томъ дней пришелъ ко мнѣ *Ардоланъ* въ намѣреніи просить у меня, какимъ образомъ можешь онъ сыскать дочь своего Государя. Я получила отъ него свидѣніе о любезномъ моемъ сынѣ изъ свидующаго его повѣствованія.

— Я родился въ столицѣ Князя *Обровъ* отъ бѣднаго дворянина, и служилъ при Дворѣ. Жена моя пользовалась нѣкоторыми милостями своей Государыни, и чрезъ самое то учинилась кормилицею, а по томъ мамкою дочери ея Княжны *Арены*. Еще не было больше году, какъ родительница сей Княжны скончалась. Родитель же ея, Князь *Обрскій*, по причинѣ бывшей тогда войны съ Иранцами, отпрауился къ войску. И въ самое то время я, случившись на бе-
ре-

регу Хвалыискаго моря, купилъ у шоргующаго невольниками купца двулѣшняго младенца. Купецъ сей обязалъ меня при сей продажѣ клятвою затвердить сему младенцу, котораго звали *Нурединомъ*; что есть у него братья близнецы, называемый *Семіромъ*, коего онъ продалъ въ пропойшѣ Фракійскомъ. — „Изъ сей повѣсти, говоряа *Сараффа*, узнала я, что былъ то мой сынъ. — „Въ числѣ моихъ покровителей, продажалъ *Ардоланъ*, находился первый богаринъ, *Зарданъ* именуемый, которой происходитъ отъ роду Князей Обрскихъ, и ближе всѣхъ имѣлъ право къ престолу, если бы владѣющій Князь остался бездѣтнѣ. Властолюбіе сего Вельможи давно уже подстрѣкало его къ умысламъ; но какъ былъ онъ человекъ хитрый, по тому весьма остерегался въ выборѣ себѣ позбранныхъ. Я не зналъ того, что онъ на меня устремилъ въ томъ свои намеренія, и удивлялся благодареніямъ, получаемымъ отъ него безъ всякихъ заслугъ моихъ. Естественно то, что не могъ я къ одолженіямъ его быть равнодушенъ, и старался всевозможнымъ образомъ доказывать мою къ нему привязанность. Иѣкоторые опыты, въ коихъ являлъ я мою къ нему вѣрность, утѣряли его, что можетъ онъ на меня положиться. Въ нѣкоторый день призвавъ онъ меня,

ош-

открылъ причины, принуждающія его стараться о своемъ возвышеніи. Ты разумѣешь, говорилъ онъ, какая надежда предстоитъ тебѣ отъ онаго, и что одна Княжна *Арена* состоишь всему препоною. Онъ приказывалъ притомъ мнѣ умершнѣе ее ядомъ. — Подумавъ о семъ, сказалъ я ему: смерть Княжны не можешь принести вамъ пользы. Кончина ея понудитъ нашего Государя помышлять о новомъ бракѣ, и лѣтъ его не такъ еще глубоки, чтобъ не могъ онъ получитьъ наслѣдниксѣ. Но мнѣніе мое не покажется ли вамъ лучшимъ средствомъ? Недавно купилъ я невольника, младенца почти равныхъ лѣтъ съ *Ареною*, и по игрѣ природы весьма сходнаго лицомъ къ ней. Сего мальчика можно переимѣннѣе вѣсто Княжны, а ее по томъ лишитъ жизни. Государь нашъ легко можешь воспитать его вѣсто дочери, и лѣтъ откроютъ полъ его; но между тѣмъ хотя узнаюшь обманъ, однако уйдутъ уже годы получитьъ ему дѣшей отъ новаго брака, къ коему оказываетъ онъ отвращеніе. *Зардану* столько понравилась моя выдумка, что онъ облобызавъ меня, одарилъ щедро и повелѣлъ оную произвестъ въ дѣйство. Ослабѣвъ обѣщаніями его, убѣдилъ я къ тому жену мою, и *Нурсдинъ* по переименованіи *Ареною* воспитывался вѣсто Княжны; одна-
кожъ

кожъ не могъ я рѣшиться возложить
руки мои на кровь моего Государя, и про-
далъ оную вмѣсто раба моего купцу, торгу-
ющему невольниками, назвавъ ее *Нуреди-
номъ*. Съ того времени не знаю, что съ
нею послѣдовало. Что надлежитъ до *Нуре-
дина*, оный во время двухгодичнаго отсут-
ствія Князя родителя *Арсина*, довольно вы-
росъ, и какъ не былъ узнанъ подлѣгъ мой, счи-
тался отъ него вмѣсто дочери. Раскаленіе на-
чало мучить меня, когда помыслилъ я о бѣд-
ственной судьбѣ, коей подвергъ я дочь мо-
его Государя. Оное умножилось, когда по-
слѣдовала скоропоспѣшная смерть *Зардану*,
пресѣкшая всѣ его высокіе замыслы. Пока
онъ живъ былъ, ожидалъ я, что можетъ
меня защитить въ винѣ моей, необходимо
открыться долженствующей; но тогда жена
моя, а по тому и я, оставались безъ помо-
щи жертвою справедливаго мщенія Государ-
скаго. *Нурединъ* возрасшая умножалъ страхъ
нашъ: склонность его къ оружію, и отвра-
щеніе ко всѣмъ женскимъ упражненіямъ,
а при томъ и лѣша, въ кон борода пробивашь-
ся у мущинъ начинаетъ, не долго могли
укрыть наше тайнство. Жена моя не спуская
его съ глазъ своихъ, могла брать возможные
предосторожности, и хотя натвердила ему,
что благополучіе его зависитъ отъ утаенія
его пола: но между тѣмъ безпрестанная за-

60-

бѣна и страхъ повергли ее во гробъ. Тогда отчаяніе мое изгнало меня изъ отечества: я положилъ, странствуя по всему свѣту, искать дочь моего Государа, и до тѣхъ поръ не возвращаться, пока щастливой успѣхъ подастъ мнѣ надежду ожидать прощенія отъ моего Монарха. Я могъ бы узнать ее по находящемуся у нее на лѣвой икрѣ приростному пятну, подобному полумѣсяцу; однако разгнѣанныя пресшупленіемъ моимъ Небеса наказуютъ меня, опровергая всѣ мои надежды: объѣздивъ я почти весь свѣтъ, не получивъ ни малаго о нещастной *Аренѣ* извѣстія. Наконецъ молва, разносящая славу о вашихъ предсказаніяхъ, привела меня въ сію пещеру. — Выслушавъ *Ардолана*, съ радостію открыла я, что по всѣмъ обстоятельствамъ купленный имъ и на мѣсто Княжеской дочери подмѣненной *Нурединѣ*, былъ сынъ мой. Я не ушала отъ него всѣхъ моихъ приключеній, и того, что одно лишь нещастіе принудило меня учиниться предсказательницею. Подумавъ нѣсколько, сказала я ему наконецъ: какъ обстоятельство наши имѣють между собою нѣкоторое сходство и связь, употребимъ по шому взаимно стараніе къ сысканію особъ, составляющихъ заботы и печаль нашу. Молва, разносящая славу о моихъ предсказаніяхъ, великую окажетъ намъ помощь, и всеконеч-

но

не приведешь ихъ въ пещеру сію. Останься со мною *Ардоланъ*; я учиню тебя притворникомъ мнимой предсказательницы; ты и безъ того не имѣешь ничего привлекающаго тебя въ отечество свое.

Ардоланъ принялъ совѣтъ мой. Для лучшаго поспѣшествованія нашему сжиданію посовѣтовавъ съ нимъ, послала я его въ Бужанское боговѣщалище, снабдивъ довольно числомъ волоша. Я не сомнѣвалась, что отаѣшны Золотой — бабы невеликую равному имѣють съ моими предсказаніями; и для того велѣла ему подкупить верховнаго жреца къ тому, чтобы онъ у всѣхъ приходящихъ шуда къ вопрошенію узнавалъ имена. И еслили случатся въ оныхъ *Савраазаръ*, *Семіръ*, *Нурединъ* и *Арена*, то отсылалъ бы ихъ въ пещеру къ предсказательницѣ, обитающей въ Славянорусскихъ странахъ. *Ардоланъ* совершилъ съ успѣхомъ путь сей. Верховной жрецъ безъ лишнихъ оговорокъ взялъ волоша, и клялся исполнить наше желаніе. Безъ сомнѣнія, любезныя дѣти (говорила она *Семіру* и *Нуредину*), посѣтили вы Бужанское капище. — *Семіръ* и братъ его подтвердили ея догадку. — Что надлежитъ до таинственнаго зеркала, предъ кошорымъ былъ любезной мой *Нурединъ* (продолжала она): оное ничто иное, какъ выдумка. Для удостовѣренія въ о-

Часть III. О бахъ

бахъ, которыхъ мы искали, надлежало осматривать знаки, находящіеся у дѣшей моихъ и у *Арсны*: для сего условились мы съ *Ардоланомъ* въ особливомъ отдѣленіи пещеры, гдѣ прежде сего жила разбойничья стража, поставить вылощенную сшальную доску, предъ кою всѣ сомнительныя должны были обнажать правое плечо и лѣвую ногу. Въ такомъ разположеніи, надежда моя на помощь небесную безпрестанно пылалась; я не помышляла объ стѣздѣ моему въ Козары. Но до сего счастливаго часа всѣ ожиданія мои худо были удовольствованы.

Черезъ нѣсколько времени постигла мою пещеру прекрасная Княжна *Предслава*, Узнавъ подробно всѣ ея приключенія (о которыхъ можетъ она сама васъ уведомить), совѣтовала я ей остаться со мною, общая довѣренность ко мнѣ народную и Бужанскаго верховнаго жреца употребить въ ея пользу. Доброй старикъ *Ардоланъ* ѣздишь по сему вторично съ подарками въ храмъ, орошаемый священными водами Буга. *Предслава* тѣмъ охотнѣе склонилась на мое предложеніе, чѣмъ безопаснѣе находила убѣжище въ пещерѣ сей. Гоненія, претерпѣнныя ею отъ неистоваго любовника, и слабый полъ, могли на пути въ ея отечество повер-

вергнушь ее разнымъ бѣдствіямъ, конхъ и шакъ выдержала она немало. —

Таковымъ образомъ Царица Колхидская окончала свою повѣсть, и возобновивъ обни-
жнія дѣшей своихъ, желала узнать ихъ
приключенія. Онѣя рассказали повѣсти
свои, какъ увидимъ въ началѣ четвертой
Части.

КОНЕЦЪ III ЧАСТИ.





